

**В форуме «Престиж в науке
(обсуждение статьи М. Соколова)»
приняли участие:**

Марина Волохонская (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург)

Владимир Волохонский (Санкт-Петербургский государственный университет)

Владимир Гельман (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Катерина Губа (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Джейн Зависка (Jane Zavisca) (Университет Аризоны, США)

Елена Здравомыслова (Европейский университет в Санкт-Петербурге / Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург)

Татьяна Зименкова (Билефельдский Университет / Центр изучения Германии и Европы, Германия)

Алексей Елфимов (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва / Университет Райса, Хьюстон, США)

Питер Ратленд (Peter Rutland) (Уэслианский университет, Миддлтаун, США)

Михаил Соколов (Европейский университет в Санкт-Петербурге / Государственный университет — Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал))

Сергей Соколовский (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва)

Андрей Стародубцев (Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Кирилл Титаев (Государственный университет — Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал))

Престиж в науке (обсуждение статьи М. Соколова)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В этот раз рубрика «Форум» посвящена обсуждению статьи Михаила Соколова «Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии». Сюжеты, рассматриваемые в этой статье, касаются не только социологии. По сути дела, речь идет о том, в каком положении оказалась сегодня российская наука. Сможет ли она преодолеть отставание и как для этого должно быть организовано научное сообщество — главные вопросы, на которые автор не предлагает своего ответа. Эти и другие вопросы сформулированы в заключительной части статьи, и участникам обсуждения была предоставлена возможность предложить свои варианты их решения.

Михаил Соколов

Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии

Представим себе, что соответствующее министерство возглавил чиновник, ставящий главной целью своего земного существования обеспечить мировое лидерство российской науки. Сравнивая желаемое с действительным, он неизбежно пришел бы к выводу о необходимости глубоких реформ. Российская наука сегодня не только не набирает веса, но и продолжает терять позиции, приобретенные прежде¹. Если мысли нашего чиновника потекут по тому руслу, по которому обычно текут мысли его коллег по всему миру, то он придет к выводу, что основная проблема состоит в неэффективности системы распределения ресурсов среди ученых. Вероятно, он скажет себе, что наибольшей отдачи можно достичь, если максимум возможностей будет сконцентрирован в руках наиболее одаренных, а талант и достижения (и только талант и достижения) все-

Михаил Михайлович Соколов
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Государственный университет —
Высшая школа экономики
(Санкт-Петербургский филиал)

---

¹ Этот факт неоднократно упоминается в отчетах реального, не воображаемого, Министерства образования и науки — например, со ссылкой на продолжающееся сокращение количества публикаций российских авторов в ведущих научных журналах по версии ISI — с 2,9 % в 2000 г. до 2,1 % в 2005 [Министерство 2007: 44].

гда будут получать своевременное вознаграждение. Остается решить чисто техническую, на первый взгляд, задачу — как выделить наиболее одаренных и идентифицировать наиболее важные достижения?

Именно здесь и возникают основные проблемы. Герой нашей истории, вероятно, предполагает — как и большинство представителей западных обществ, кроме немногочисленных почитателей Фейерабенда и Латура, — что только сами ученые могут по достоинству оценить достижения своих коллег. Именно от них надо ждать разъяснений, кто чего стоит в академическом мире, благо известно, что ученые постоянно распределяют между собой всевозможные статусные символы, которые и должны служить для непосвященных объяснениями такого рода. Но, взглядевшись внимательнее в подобные символы и узнав, что о них думают сами люди науки, чиновник будет обескуражен.

Существуют ученые степени, которые делят академический мир на докторов наук, кандидатов наук и всех остальных. К несчастью, исследования «рынка диссертационных услуг» [Калимуллин 2006] или однократное посещение сайта, предлагающего «диссертации под ключ», способны раз и навсегда подорвать веру в то, что обладание степенью означает наличие каких-либо научных заслуг. Разговоры с учеными только усиливают подобные сомнения. Из уст самих остепененных чиновник мог бы услышать высказывание вроде этого: *я немного неудобно себя чувствую по поводу того, что защитил [докторскую диссертацию]. Ну, сейчас есть мнение, что кандидатская — это надо, а докторские защищают только администраторы, у которых есть выходы на советы, а настоящим ученым это не нужно.* То же самое касается любых других символов академического ранга, от университетских дипломов (по поводу которых у чиновника, впрочем, вряд ли изначально есть какие-то иллюзии) до членства в Академии наук (относительно которой ему неизбежно будет рассказано, что, например, *большая часть избранных туда по социологии — вообще не социологи, а Бог знает кто*)¹.

¹ Курсивом выделены цитаты из интервью. Сведущий в социологии читатель может сам проверить, до какой степени список членов и членов-корреспондентов РАН соответствует его/ее представлениям об академических достижениях, вначале составив собственный список из 13 персоналий, достойных высшего символа почета, а затем сравнив его со следующим: Арутюнян Ю.В., Бойко В.И., Горшков М.К., Дмитриев А.В., Жуков В.И., Заславская Т.И., Иванов В.И., Кузнецов В.Н., Лапин Н.И., Осипов Г.В., Руткевич М.Н., Тощенко Ж.Т. (взяв список академиков и членкоргов на начало мая 2008 г. по секциям Философии, социологии, психологии и права и Экономики (Заславская), указавших социологию в качестве одной из областей своей специализации). Недоброжелатели также могут рассказать нашему чиновнику множество порочащих репутацию Академии анекдотов,

Попробовав зайти с другой стороны, чиновник может начать искать признанных ученых в правлениях и президиумах профессиональных ассоциаций. Поскольку их члены избираются голосованиями, в которых участвуют массы людей науки, можно предположить, что избранные обладают общепризнанной репутацией. Однако и здесь найдутся поводы для сомнений. Окажется, что во многих дисциплинах параллельно существует несколько профессиональных ассоциаций, иногда открыто конфликтующих друг с другом, но ни одна из них все равно не включает в себя большинства ученых. Так, существуют многочисленные ассоциации социологов (Российское общество социологов (РОС), Российская социологическая ассоциация (РоСА), Сообщество профессиональных социологов (СоПСо), Союз социологов России (ССР), Русское социологическое общество М.М. Ковалевского и другие), имеющие разные политические и интеллектуальные пристрастия¹. В зависимости от того, какую ассоциацию чиновник выберет, он получит разный набор «выдающихся ученых».

Обратившись к западному опыту, чиновник может попробовать опереться на индексы цитирования, которые, предположительно, позволяют наиболее точно оценить подлинную степень интеллектуального влияния. Однако здесь возникает та же проблема, что и с ассоциациями: результат будет полностью предопределен исходным выбором журналов, цитирование в которых предполагается изучать. Возвращаясь к социологическому примеру, статьи людей, называющих себя социологами, выходят в нескольких сотнях периодических изданий, большая часть которых издается каким-то одним учреждением и имеет собственный круг авторов, в основном в этом же учреждении и работающих. Их сотрудники заносят статьи редакторам «своих» журналов, читают только эти журналы и соответ-

---

например о том, как легко крупные политики в последние десятилетия становились академиками — иногда в течение пяти лет после получения заочно высшего образования. На последних выборах в РАН к перечисленным выше двенадцати присоединился тринадцатый академик. Им стал некто Владимир Шульц, чья карьера ученого причудливо переплеталась с его же карьерой офицера ФСБ. Не совсем неожиданным образом ни один из доступных индексов цитирования (РИНЦ, SSCI, Scopus) не выдает на российского социолога по фамилии «Шульц» вообще ни одной ссылки (автор благодарен Наталье Деминой, которая обратила его внимание на это чудесное приобретение Академии).

¹ Получившее, вероятно, наибольшую известность столкновение между российскими научными ассоциациями было вызвано продолжающимся конфликтом вокруг декана социологического факультета МГУ Добренкова, известного своими крайне консервативными политическими взглядами. Декан был обвинен в плагиате и исключении студентов по политическим мотивам. РОС приняло заявление, выразившее озабоченность сложившейся ситуацией и призвавшее ректора МГУ Садовниченко принять меры по ее «нормализации», а члены его Правления публично призывали к увольнению Добренкова. В это же время РоСА, президентом которой являлся Добренков, решительно высказалась в его защиту. Обе ассоциации заклеили друг друга как обслуживающие политические интересы своих руководств.

ственно ссылаются на других ученых, находящихся в том же «пространстве внимания». Выбор «Вестника N-ского университета» в качестве издания, цитирование в котором учитывается, автоматически обеспечивает преподавателям этого университета приличный индекс, а его исключение — автоматически сокращает их показатели, иногда до нулевой отметки¹. Можно было бы включить все социологические издания, но это приведет сразу к двум трудноразрешимым проблемам:

а) сложно отделить социологическую периодику от несоциологической и даже вовсе неакадемической (должны ли быть учтены цитирования в «Неприкосновенном запасе» или «Эксперте»?);

б) очевидной контрстратегией со стороны ученых будет создание «цитатных картелей», члены которых будут ссылаться друг на друга, и в этом соперничестве победят наибольшие по размерам группы с самой жесткой внутренней организацией — вовсе не обязательно коллективы с наибольшим творческим потенциалом.

В полном отчаянии наш чиновник может обратиться к западной науке, предположительно доказавшей свою способность справляться со всеми этими проблемами. Что если взять признание в Европе и США за основной показатель достижений, просто раздвинув область действия их статусной системы? Некоторая часть социальных ученых в России, включая большую часть вероятных читателей этой статьи, безусловно, приветствовала бы такое решение. Однако оно само по себе чревато некоторыми проблемами.

Во-первых, «международное признание» является куда более расплывчатой категорией, чем кажется на первый взгляд. Системы статусных символов англо-американской, французской и германской наук (беря только три важнейших случая) далеко не эквивалентны, и остается неясным, как должен осуществляться выбор одной из них. Более того, неясно, каким именно символам признания следует отдать предпочтение. Индексам

¹ Несколько цифр, характеризующих опять же социологию. Доля авторов, представляющих учреждение, издающее журнал, превышает 90 % для большинства «Вестников» (25 из 58 журналов, включенных в список ВАК по социологии, относятся к этой категории), составляет 35–40 % для нескольких крупных изданий («Социологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии») и опускается до 10–15 % лишь в старейшем «СОЦИСе», причем даже в «СОЦИСе» доля авторов из Москвы составляет всего 47 % (в «СоцЖуре» также 47 %, количество авторов из Петербурга в ЖССА — 61 %). При этом доля ссылок на публикации «СОЦИСа» в «СОЦИСе» составляет в последние годы 65 % (от всех ссылок на журналы), а на публикации в любом другом отдельном издании не превышает 4 %. В остальных журналах наблюдается сходная картина. Цифры любезно предоставлены автору Катериной Губой (ЕУСПб), занимающейся исследованием журнальной системы российской социологии.

цитирования? Совокупному бюджету совместных исследовательских и образовательных проектов? Регулярному участию в международных конференциях и многолетней представленности в правлениях международных ассоциаций? Неожиданно для многих эти критерии — по крайней мере, в случае с социологией — дают разные списки «признанных ученых»¹.

Во-вторых, общая степень интернационального признания российских социальных ученых слишком низка для того, чтобы из нее можно было извлечь какие-либо руководства к действию в рамках существующих институтов. Из тех, кого с грехом пополам (какой бы критерий ни был избран) можно назвать «международно признанным», не удалось бы набрать и одного полновесного диссертационного совета. В-третьих, даже весьма непатриотично настроенные ученые могут усмотреть в этом решении известные теоретические дефекты. Если мы признаем, что социальные теории обязаны своим появлением конкретному социальному контексту и что целью их создания является просвещение тех, кто погружен в этот же контекст (а с этим, вероятно, согласится большинство современных социологов), то предложение придать характер окончательного вердикта оценкам, исходящим из совершенно иного контекста, теряет убедительность².

Не найдя каких-то готовых индикаторов, полагаясь на которые можно вычислить уровень достижений ученых, чиновник мог бы попробовать создать новые. Фактически Минобрнауки и РАН проделали много работы в этом направлении, производя на свет всевозможные рейтинги вузов и институтов, основанные на показателях, которые, по мнению правительственных экспертов, позволяли компенсировать обнаружившиеся слабые места наиболее распространенных способов оценки академических достижений³. Сама лихорадочная интенсивность этих

---

¹ Разные типы международного сотрудничества предъявляют разные минимальные требования к своим участникам и соответственно вовлечены в них оказываются совершенно разные люди. Команды, проводящие сравнительные исследования, нуждаются в налаженной машине по проведению опросов и отдают предпочтение директорам исследовательских центров с хорошей сетью интервьюеров, образовательные учреждения — деканам больших и стабильных факультетов, редакторы журналов и издательств — авторам, пишущим на интересные для потенциальных читателей темы, а профессиональные ассоциации — энергичным индивидам с большими коммуникативными навыками и способностью вести обширную переписку. Отдельные ученые и организации, которые совмещали бы в себе все эти достоинства, однако, практически не встречаются, и все символы признания никогда не совмещаются в одних руках.

² Обширная литература по «академической зависимости» и «культурному империализму» содержит значительное количество аргументов в поддержку этого тезиса (напр. [Alatas 2003]).

³ Три широко известных примера — рейтинг университетов, созданный РосОбрНадзором, система «показателей результативности научной деятельности» (ПРНД), введенных Академией наук,

поисков, однако, выдает растерянность, которую бюрократы от науки испытывают перед лицом возникшей проблемы.

Далее делается попытка представить проблему нашего чиновника в формальном виде, который позволил бы рассмотреть ее в более широком сравнительном контексте и, возможно, даже сделать несколько практических выводов.

Кристаллические символы и их курирующие группы

Любой вид социальной активности, с точки зрения ее наблюдателя, описывается несколькими характеристиками. Во-первых, он может быть более или менее *открытым*, подразумевая под открытостью отсутствие препятствий к его наблюдению. Во-вторых, он может быть более или менее *прозрачным*, подразумевая под прозрачностью понимание его устройства, позволяющее без затруднений интерпретировать происходящее. (Зритель, не знающий правил футбола, но оказавшийся на матче, будет созерцать активность открытую, но для него совершенно непрозрачную; тренер, пытающийся вычислить, какую стратегию его соперник разрабатывает для своей команды, пытается проникнуть в активность, для него полностью прозрачную, но почти целиком закрытую.) Наконец, в-третьих, активность может быть в большей или меньшей степени *релевантной* — затрагивающей те или иные интересы наблюдателя.

История науки была историей того, как ее мир становился все менее прозрачным для внешних наблюдателей, но при этом все более релевантным. Чем более важной становилась наука, тем менее понятной для не-ученых она была. Этот процесс сопровождался трансформацией интеракций между академическим миром и его социальным окружением. Одной стороной этой трансформации было возведение барьеров, надежно отделивших «науку» от «всего остального»¹. Другой, логически дополнявшей предыдущую, — развитие сигнальной системы, позволявшей ученым сообщать не-ученым то, что те считали необходимым до них донести. Академический статус — признание достижений и оценка способностей конкретного индивида коллегами — был одной из вещей, нуждавшихся в особенно эффективной трансляции. Требование ученых к не-ученым распределять вознаграждения и ресурсы, поступающие извне, в соответствии с иерархией научных заслуг, выполнимо лишь

и работа над Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). Два первых строятся на суммировании баллов по большому списку разнообразных показателей, призванному нивелировать несовершенство каждого из них в отдельности, о третьем будет сказано еще несколько слов ниже.

¹ O boundary work см. [Gieryn 1983].

в том случае, если не-ученым предоставлены понятные и недвусмысленные указания на то, какова эта иерархия. Академическая автономия предполагает монополию ученых на предоставление информации о том, каков относительный ранг представителей их дисциплины.

Граница, разделяющая отправителей и получателей подобных сигналов, разумеется, проходит не только между теми, кто выбрал для себя академическую карьеру, и теми, кто этого не сделал. Даже внутри отдельных дисциплин мы застаем хаос исследовательских областей и специализаций, представители которых, как правило, совершенно невежественны в отношении характера работы друг друга и нуждаются в подсказках, чтобы оценить, кого им имеет смысл слушать, читать, цитировать, приглашать выступить с докладом или заманивать на освободившуюся позицию на факультете.

Для того чтобы быть действенным, академический статус нуждается в легко транспортабельных в иной социальный или институциональный контекст символах, словарь которых понятен даже тем, кто никогда не узнает, какие заслуги обеспечили обладание ими. Стандартное академическое CV является каталогом таких символов. Степень и учреждение, ее присудившее, профессиональные позиции, которые индивид занимал и занимает, публикации в определенных журналах и издательствах, членство в ассоциациях и посты в их правлениях и редколлегиях журналов, исследовательские гранты, которые он получал (иногда — вместе с их размером в долларах), конференции и семинары, в которых он участвовал, — все это позволяет понять, как его оценивали те, кто имел возможность наблюдать его вблизи. Эти символы обладают разной степенью прозрачности для разных аудиторий — наибольшей для представителей той же или смежной специализаций и далее по убывающей для все более широких кругов публики. Как минимум некоторые из них являются значимыми для большинства взрослых представителей того же общества (например, степень PhD, полученная в Гарварде). Академическая карьера представляет собой историю аккумуляции подобных символов¹, успешное накопление которых гарантирует в дальнейшем значительную финансовую и символическую ренту².

---

¹ Один из первых советов, которые получил автор в своей академической жизни, звучал так: *Перед тем, как делать что-то, подумайте, как это будет выглядеть в вашем CV*. Жизнь ученого строится так, чтобы быть максимально выгодным для него образом *accountable* в этой литературной форме. Эта часть текста очевидным образом многим обязана работам Гоффмана, Гарфинкеля и Латура.

² Многочисленные исследования по экономике науки посвящены животрепещущему для ученых вопросу о том, насколько эта рента значительна (см. обзор в: [Даймонд 2007 (1993)]). В 1970-е гг.

Символы, однако, не возникают сами собой. Для того чтобы из спонтанного признания ценности сведений и выводов, сделанных другим человеком, возникли недвусмысленные и транспортабельные символы, необходима значительная работа по их кристаллизации. Индивидов, вовлеченных в эту работу, мы можем вслед за Гоффманом назвать *курующими группами* данного символа [Goffman 1951]. Курирующая группа может состоять из одного человека (каждый из нас курирует цитирование в собственных статьях), из нескольких, взаимодействующих на регулярной основе в течение фиксированного периода или неограниченного срока (пример первого — правления профессиональных ассоциаций, пример второго — редакционные коллегии журналов), из нескольких, избираемых ad hoc из определенного бассейна (dissertation committees в США) или из многих независимых друг от друга групп, не связанных между собой (диссертационные советы в России).

Столь же многообразны процессы, в ходе которых кто-то становится обладателем статусного символа. Здесь существуют два полюса, на одном из которых находятся органические процедуры присвоения, иногда полностью слитые с какими-то другими взаимодействиями и даже не воспринимающиеся как самостоятельные события (приглашение участвовать в исследовательском проекте), а на другом — автономные, как правило, снабженные специальным церемониалом (защита диссертаций или выборы в Академию)¹.

Несмотря на это разнообразие, в процессах, в ходе которых индивиды становятся законными обладателями символов академического статуса, наблюдается общая логика. Индивиды инвестируют свои усилия и ресурсы в приобретение символов, которые смогут в дальнейшем с наибольшим успехом послужить им, гарантируя выгодные предложения на рынке труда и внимание коллег к их работе. В свою очередь, курирующие группы отбирают индивидов, которые с наибольшей вероятностью послужат возрастанию ценности присваиваемых им символов.

публикация в лидирующем экономическом журнале увеличивала ожидаемую зарплату в среднем на 100 долларов в год (причем первая такая публикация давала прирост порядка 700 долларов) при средних зарплатах преподавателей-экономистов несколько менее 16 000 [Katz 1973; Tuckman, Leahey 1975]. Исследования «эффекта Матфея» [Merton 1968] столь же наглядно демонстрируют действие символической ренты — оценка того, что сказано, в академическом мире в значительной степени предопределяется статусом того, кто это говорит.

¹ Особое положение занимают индексы цитирования, которые — исключительный случай для академического мира — передают ключевые операции и технологии своего изготовления в руки неспециалистов в той области, которую они описывают, тем самым создавая внедисциплинарную курирующую группу.

Карьера символов требует специального комментария. Словами Гоффмана, символы академического статуса являются плохими его тестами [Goffman 1951]¹. Ценность степени, присвоенной в университете N, определяется тем и только тем, что известно из всех возможных источников о других достижениях получивших ее индивидов. Постоянные перемещения академического персонала между университетами X, Y и Z или появление статей одних и тех же авторов в журналах A, B и C заставляют предполагать, что перед нами университеты и издания приблизительно одного и того же уровня, так что, зная статус какой-то части составляющих этого уравнения, мы всегда можем вычислить значения остальных. Именно благодаря подобным корреляциям мы узнаем, сколько стоит каждый конкретный символ.

Присвоение символа всегда представляет собой сделку, в ходе которой индивид и символ признаются стоящими друг друга. Руками тех, кто их курирует, символы делают ставки на индивидов так же, как индивиды делают ставки на символы². Неудачный подбор носителей способен дискредитировать символ; неудачный подбор символов — дискредитировать их обладателя. Курирующие группы стоят здесь перед решением, аналогичным тому, перед которым стоят претенденты на их символы. При этом принадлежность к курирующим группам сама по себе представляет собой символ академического статуса. Чем выше статус символа, тем выше статус членов группы (быть членом редколлегии главного дисциплинарного журнала несравненно престижнее, чем состоять в той же роли при малоцитируемом журнале; работать на факультете, выпустившим в последние годы целую плеяду молодых гениев, несравненно лучше, чем работать на факультете, который не может этим

---

¹ Различие «символов» и «тестов» статуса введено Гоффманом в его первой опубликованной статье для того, чтобы указать на многократно использовавшееся им в дальнейшем противопоставление «категориального» и «экспрессивного» значения символов — того, что символы сообщают, и того, что они выдают [Goffman 1959, 1969]. Мобильный телефон, стоящий \$ 2000, и алмазное кольцо за \$ 800 000 являются символами принадлежности к высшему классу, однако, являясь в равной мере его символами, они различаются по своему качеству как его тесты. Телефон представляет собой плохой тест, поскольку может быть куплен в кредит практически кем угодно, и свидетельствует лишь о намерении индивида обозначить свою принадлежность к определенной группе. Как символ, он не защищен от недобросовестного использования в целях введения в заблуждение. Колье не только сигнализирует о намерении, но и представляет собой наглядное доказательство классовой принадлежности своего владельца.

² Подобные обмены, разумеется, не ограничены наукой. Процедура, в ходе которой мужчина обменивает право называть женщину своей женой на аналогичное право для нее называть его своим мужем, ничем не отличается от процедуры, в ходе которой один из соавторов обменивает право использовать чужую фамилию в своем списке публикаций на право использовать его фамилию в чужом.

похвастаться)¹. Постоянство ценности символов академического статуса основывается на системе равновесий, которая создается этой симметрией.

Равновесия в символических системах

Создавать модель обменов между курирующей группой и претендентами на ее символы проще всего, начав с элементарного случая и затем добавляя всевозможные усложнения. Для начала представим себе дисциплинарное сообщество, в котором:

(а) существует полный консенсус относительно того, что считать научным достижением;

(б) в непосредственной аудитории любого ученого автоматически возникает согласие по поводу того, насколько велики его или ее достижения (для наглядности изложения мы будем также предполагать, что размеру достижений могут быть сопоставлены значения интервальной шкалы, скажем, от 1 — самого малого до 10 — самого значительного)²;

(в) существует множество конкурирующих символов академического статуса, причем для любого уровня достижений имеется сколько-то символов, более или менее точно его аппроксимирующих;

(г) эти символы бинарны, т.е. отделяют тех, у кого этот символ есть, от тех, у кого его нет, не устанавливая никаких градаций в степени владения ими³.

Каждый символ рассекает сообщество на две части: верхнюю — тех, кто его получил или мог бы получить, и нижнюю — тех,

¹ Характерно, что многие курирующие группы включают только тех, кто сам обладает соответствующим символом. Принимающие решение о кооптации нового члена в Академию или в профессиональную ассоциацию обычно сами должны быть их членами, так же, как и принимающие решение о приглашении преподавателя на факультет должны быть сами его преподавателями. Эта конфигурация создает очевидный стимул для отбора претендентов, способных украсить собой символ. В целом, однако, отношение, в котором индивидуальные члены курирующей группы состоят к присваиваемому ею символу, широко варьируется, и теория поведения курирующих групп должна включать в себя анализ этих различий.

² Науки в англоязычном мире могут подойти к выполнению этих двух условий, если административное использование индексов цитирования будет нарастать теми же темпами, что и все последние десятилетия, и они превратятся в первичную для любой академической карьеры систему исчисления статуса.

³ Большинство символов академического статуса именно таковы: статья опубликована или опубликована в данном журнале, степень присуждена или нет. Встречаются, однако, исключения типа символов, допускающих упорядочение индивидов по нескольким ранжированным классам (дипломы с отличием — дипломы без отличия — отсутствие диплома) или даже интервальным шкалам (индексы цитирования, GPA). Эти различия, однако, не затрагивают основную логику модели.

чьих достижений для этого недостаточно (см. рис. 1). Инвестиции индивидов в этой системе будут направлены на приобретение символов, которые стоят так высоко в иерархии, как для них представляется возможным¹. Представим себе исследователя X, достижения которого оцениваются теми, кто входит с ним во взаимодействие, в 6.1 балла. Он подготовил статью, которая может быть принята в три журнала — А, В и С. Про журнал А известно, что он не берет статьи, которые представили авторы с уровнем ниже 5.2, В — ниже 5.9, С — ниже 4.5. Оптимальным для него, разумеется, является журнал В, поскольку появление в нем гарантирует, что рейтинг автора не ниже 5.9. А и С описывают значительно более широкую область, не проводя желательного различия между ним и теми, кто стоит на несколько строчек ниже в академической иерархии.

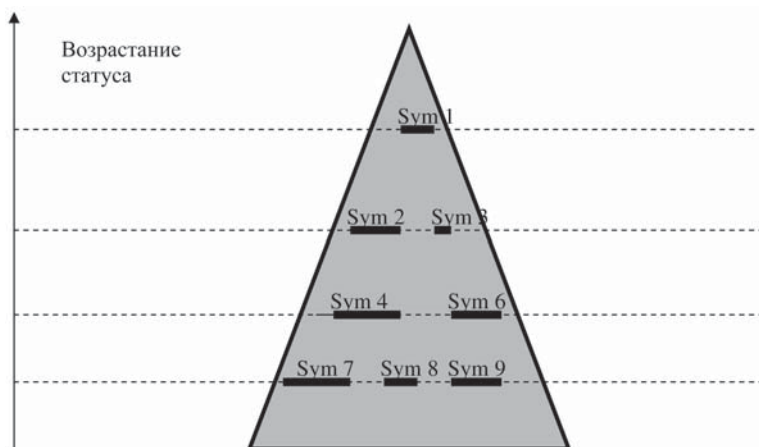

Рис. 1. Элементарная модель идеально консолидированной дисциплины

Дисциплинарное сообщество, для которого выполняются указанные выше условия, вероятно, вскоре придет к *идеально консолидированному состоянию*, которое графически будет характеризоваться параллельностью всех пересекающих сообщество линий. Два символа всегда будут описывать множества, одно из которых будет подмножеством другого. Если статья X может быть принята журналом А, но не может быть принята журналом В, следовательно, журнал В находится выше в иерархии

¹ Эти рассуждения основываются на допущении, что затраты труда на приобретение символа какого-то одного типа (степень, публикация) приблизительно равны: тот, кто может написать статью уровня 7, не выиграет существенно во времени, если напишет текст уровня 6.

академических символов. Обратная ситуация, когда статья, отвергнутая А, была бы принята В, исключается.

Состояние подобной консолидации было бы равновесной точкой в данной системе. Действительно, представим себе, что редакция одного из журналов, оцениваемого на основании предыдущих публикаций как издание шестого уровня, приняла несколько статей, которые не тянут и на четвертый. Поскольку этот факт становится известным его потенциальным авторам шестого уровня, те, вероятно, предпочтут какое-то другое издание, которое более выгодным для них образом отграничивает их от нижестоящих. Журнал, допустивший неразборчивость, фатально проиграет в качестве поступающих в него рукописей, поскольку его ошибкой немедленно воспользуются сохранившие свой уровень конкуренты.

В итоге мы можем ожидать появления жестко стратифицированной журнальной системы, в которой курирующие группы символов высшего уровня получают статьи ото всех, от кого захотят, а все прочие — от тех, кто останется после того, как стоящие выше получают свою долю. Символы де факто отграничивают их носителей не только от стоящих ниже, но и от стоящих выше. В только что использованном примере появление статьи в журнале А будет однозначно интерпретировано как указание на то, что «потолок» автора располагается где-то между 5.9 («стоимость» журнала, в котором он не смог опубликоваться) и 5.2 («стоимость» журнала, который статью все-таки принял¹).

Публикации в периодике являются одним из символов, предложение которых ограничено заранее заданными рамками: например, журнал может опубликовать лишь определенное количество статей. Картина, однако, не меняется существенно, даже когда мы переходим к рассмотрению символов, предложение которых неограниченно. Чисто технически факультет может выдать сколько угодно дипломов или присудить сколько угодно степеней. Но уровень претендентов, которых он получает, все равно ограничен верхней планкой. Расширить спрос в любой момент возможно лишь за счет нижестоящих университетов, однако любой сдвиг в эту сторону немедленно приведет к потере лучших абитуриентов или диссертантов и соответственно к потере статуса преподавательским составом.

---

¹ Более полная модель должна была бы учитывать, что символы используются для оценки предельного уровня не только индивидуальных достижений, но и их количества. В противном случае для тех, кто опубликовался однажды в лучшем из существующих журналов, не было бы никакого стимула продолжать писать вообще. Это важное соображение было предложено автору Марией Юдкевич (ГУ ВШЭ). Тем не менее для целей данной статьи оно может быть временно отложено в сторону.

Сдвигать планку вниз безнаказанно в подобной системе могут только университеты, и так находящиеся в самом низу иерархии и заведомо согласные вручить диплом любому, кто заплатит за это. Стремясь к максимизации статуса, который можно вычислить на основании находящихся в их распоряжении кристаллических символов, претенденты и курирующие группы создают равновесие, при котором ни один из участников игры не может отклониться от стратегии «выбирать лучший из доступных символов» / «выбирать лучших из возможных претендентов», не ухутив своего положения¹.

Элементарная модель демонстрирует лишь весьма отдаленное сходство с хорошо знакомой нам всем реальностью. Самое очевидное несовпадение состоит в наличии в ней консенсуса по поводу того, что составляет «хорошую работу». Социология, служащая основным источником примеров для данной статьи, часто описывается как конгломерат враждующих «академических банд» [Scheff 1995], не испытывающих к работе друг друга ничего, кроме презрительного неприятия. Наивно надеяться на то, что позитивист лазарфельдовского толка, критический теоретик и этнометодолог легко договорятся до каких-то общих оценок². Более точное графическое отображение системы символов академического статуса должно представлять собой не рассеянный горизонтальными прямыми треугольник, а множество концентрических линий, проходящих по разделенной исходящими из одного центра лучами плоскости. Сектора соответствуют субдисциплинарным областям, исследовательским специальностям и теоретическим направлениям — тем зонам внутри дисциплины, в которых существуют разные представления о том, чем хорошее исследование отличается от плохого.

Здесь мы приходим к возможности нарисовать две совершенно разные схемы, которые будут отображать две разные формы

---

¹ Эти рассуждения имеют параллели в формальной теории социального статуса, предложенной Джассо [Jasso 2001], которая выделяет следующие его разновидности: (1) индивидуальный, основанный на количественных параметрах (количество денег или, в нашем случае, оценка «профессионального уровня» индивида его/ее непосредственной аудиторией); (2) категориальный, основанный на средних показателях для представителей той или иной социальной группы (гендерной, расовой, группы преподавателей конкретного университета); (3) условно-индивидуальный, рассчитанный на основании принадлежности индивида к категориям. Поскольку информация о принадлежности индивида к расе значительно легче доступна, чем информация о состоянии его банковского счета (или информация об университете, в котором он работает, доступнее, чем информация о его импакт-факторе), в ход часто идут оценки индивидуального статуса, основанные на том, что известно о «таких людях, как он(а)» в целом. Эти оценки не теряют значения, даже когда появляются данные, необходимые для исчисления статуса первого типа.

² Тот факт, что *in situ* им это иногда все-таки удается, служит, возможно, самым сильным аргументом в пользу продолжения занятий социальными науками. То, что подобное невероятное событие случается, доказывает, что в нашем предприятии есть какой-то смысл.

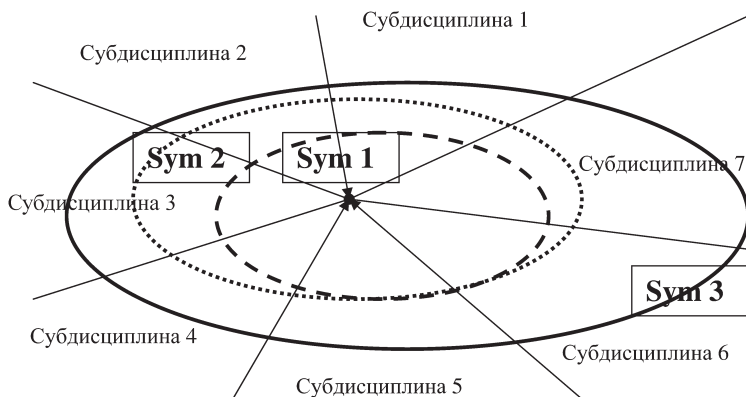

Рис. 2. Идеально консолидированная дисциплина федеративного типа

организации статусной системы дисциплинарного сообщества. Первую из них можно уподобить политической конфедерации, вторую — анархии.

Конфедеративная схема (рис. 2) предполагает, что — невозможным, на первый взгляд, образом — разные сектора дисциплины продолжают использовать одни и те же символы академического статуса. Каждая из этих зон осуществляет селекцию среди стремящихся на освободившиеся места в «центре» дисциплины на основании собственных принципов (гендерные статьи редакция передает рецензентам, известным работами именно в этой области, а гендерные диссертации в западных университетах обсуждают состоящие из гендеристов *dissertation committees*). При этом отсутствие общих критериев совершенства не делает дисциплинарный авторитет зыбким, поскольку сами по себе символы академического статуса, которыми вознаграждаются успешные претенденты, остаются прежними: степень по социологии Ivy League университета или публикация в ASR котируется, в какой бы субдисциплинарной области она ни была получена¹.

Научные революции в этой системе остаются дворцовыми переворотами. Их производят блестящие ученики и младшие

¹ Фактически лицемерие этой системы иногда приводит к подозрениям, что авторитет «центра» не обязательно сделает зыбким отсутствие каких бы то ни было критериев совершенства. Пригодность любого символа в качестве теста академического достижения может определяться исключительно его «конструктивной валидностью» — конвергенцией полученных с его помощью результатов с результатами других подобных тестов. Как показывает пример современной психологии, индустрия тестирований может существовать и развиваться весьма долго в отсутствие сколько-нибудь ясных представлений о том, что же все-таки измеряется тестами. Этим пессимистическим подозрениям трудно что-то противопоставить кроме опыта неожиданного взаимопонимания с членами «конкурирующих банд».

коллеги тех, против чьего научного авторитета они направлены. Фактически развитие успешной «теоретической группы» [Mullins 1977; Wiley 1979] требует контроля над институциональной инфраструктурой, которая ассоциируется с высшим академическим классом: доступа к степеням лучших университетов, публикаций в лучших журналах и т.д. Только те, кто обладает стартовым капиталом всего этого, входя в соответствующие курирующие группы, могут обеспечить продвижение своих сторонников в академической системе и соответственно успех своего движения, и по этой причине они вовсе не заинтересованы в полной аннигиляции своих символических ресурсов.

Схема дисциплинарной анархии гораздо больше похожа на то, что наблюдает российский чиновник, оставленный нами в начале статьи (рис. 3). Разные сектора распределяют разные статусные символы, каждый из которых рассматривается как имеющий какую-то ценность лишь людьми, тесно связанными с курирующей его группой. Остальные отказываются признавать, что обладание ими обязывает их к какому-то почтению к обладателю. В их глазах оно может даже полностью его дисквалифицировать¹. Первая схема выглядит утопичной, но более или менее точно характеризует положение дел в американской социологии. Вторая значительно ближе к российским реалиям. Вопрос, на который требуется дать ответ, состоит в том, что обуславливает большую близость дисциплины в конкретной стране к тому или иному идеальному типу.

Мы можем найти частичный ответ в истории развития дисциплины в границах национальной академической системы. Американская социология развивалась из одного центра, которым на протяжении десятилетий был Чикагский университет [Wiley 1979; Abbot 1995]. В Чикаго возник не только первый факультет социологии в Новом Свете², но и первый журнал (*American Journal of Sociology*) и первая профессиональная ассоциация (*American Sociological Society*, ныне — *American Sociological Association*). Лидирующие позиции в них долгое время занимались одними и теми же людьми, работавшими в Чикагском университете, с другими университетами на ролях младших

---

¹ *Человек, который защитился в совете у N, ... ну, может он и нормальный... но я боюсь, что он такой же сумасшедший — у N в основном защищаются его ученики, а это, мягко говоря [ухмылка], о многом говорит. Ср.: Западные степени — это хорошо и прекрасно, но надо еще знать российские реалии, надо много лет потратить на их изучение, а не сразу, вернувшись оттуда, начинать учить всех. Знание западной теории важно, но надо уметь ее адаптировать, вот. Сама по себе западная степень еще не сделает хорошего социолога, в России по крайней мере.*

² Не считая почти сразу исчезнувшего факультета в Канзасе, о существовании которого историки социологии вспомнили лишь несколько десятилетий спустя [Becker 2001].

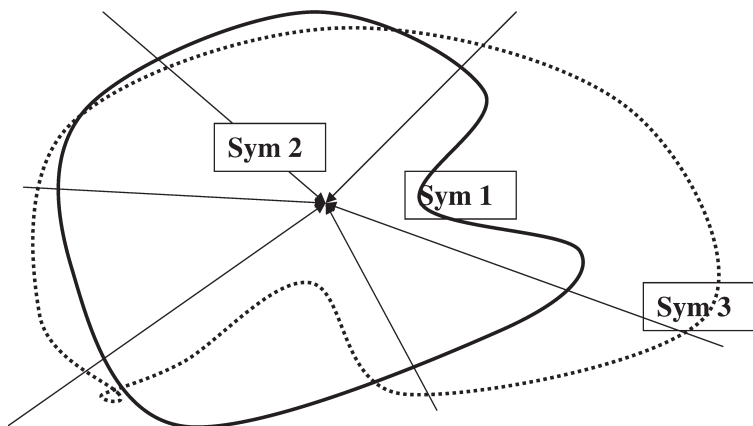

Рис. 3. «Анархическая» дисциплина с неконсолидированной статусной системой

партнеров. Первые интеллектуальные оппозиции (сторонники этнографических case studies против более ориентированных на статистику исследователей) возникли внутри этой малой группы, члены которой курировали одни и те же символы. Относительная потеря влияния Чикаго в 30-х и выход на первый план Колумбийского университета и Гарварда сопровождалось скорее постепенным переходом к последним контроля над этими символами, чем созданием новых, поскольку оппозиционеры успели уже инвестировать в их приобретение годы упорного труда.

Заманчиво объяснить развитие конфедеративного устройства дисциплины сравнительной гладкостью этого пути. Некоторые другие случаи, однако, заставляют нас отказаться от взгляда на историческую траекторию как на единственный имеющий значение фактор. Одновременно с институционализацией американской социологии происходила великая трансформация американской медицины, описанная Полом Старром [Starr 1982]. Ее состояние в середине XIX в. способно вызвать у современного российского читателя слезы радостного узнавания. В книге Старра он найдет и diploma mills, соревнующиеся за то, чтобы присвоить степень доктора медицины в кратчайшие сроки (с рекордом в полгода заочного обучения), и множество конкурирующих школ, каждая из которых с собственной теорией, объясняющей все недуги одной причиной и прописывающей от них одно универсальное лекарство (одной из таких панaceй была ртуть), и национальные ассоциации, неспособные убедить хотя бы малую часть коллег заплатить членские взносы, тем более признать необходимость следования каким-то профессиональным нормам.

За четыре десятилетия, прошедшие между 1880 и 1920 гг., из этого хаоса возникла сплоченная профессиональная корпорация с единой, универсально признаваемой статусной системой, которая оказалась способной отстаивать свою автономию перед лицом правительства и крупнейших корпораций. Старр идентифицирует несколько причин, стоявших за этим изменением:

(1) громкий успех, который имели опыты по вакцинации и другие достижения в той области, которая постепенно стала медицинской наукой;

(2) связанная как с ними, так и с изменением законодательства мощная грантовая поддержка ведущих исследовательских университетов со стороны магнатов типа Рокфеллера;

(3) экономический рост и увеличение платежеспособного спроса на услуги профессиональных медиков, причем спроса, который ориентировался на дипломы исследовательских медицинских школ как на стандарт качества.

Вместе эти факторы позволили группе медиков, работавших в исследовательских университетах, утвердить свое доминирование в профессии и вынудить остальных принять их стандарты¹.

Противоположным примером может служить советская социология, оказавшаяся, с точки зрения статусной организации, в конце XX в. примерно там, где находилась американская медицина во второй четверти XIX в. Парадоксальным образом, ее развитие до конца 1980-х гг. больше напоминало социологическую, а не медицинскую историю, рассказанную выше. Вскоре после создания социология в СССР приобрела бесспорный организационный центр (Институт конкретных социальных исследований АН, между 1968 и 1972 гг.), в котором работало значительное большинство ее лидеров, занимавших также ключевые посты в Советской социологической ассоциации и поставлявших значительную долю статей в единственный социологический журнал «СОЦИС» (после 1974 г.). Внутри дисциплины существовали общепризнанные авторитеты, ведущее положение которых никто не оспаривал². Единственным сбоем, наметившимся в работе статусной системы, было

---

¹ Им удалось, например, вначале сделать в глазах масс потребителей принадлежность к контролируемой ими Американской медицинской ассоциации основным сертификатом качества медицинских услуг, а затем поставить условием членства в ней шесть лет медицинского образования по одной из одобренных Ассоциацией же университетских программ.

² Эти люди по-прежнему составляют большинство тех, кто пользуется общенациональной известностью. Интересно, что их виденье прошлого советской социологии и роли, которую каждый из них сыграл в развитии науки (несмотря на разделившие их позднее идеологические конфликты), осталось одинаковым (ср., например, интервью Осипова, Ядова и др. в: [Батыгин 1999]).

присвоение степеней: многие из пользовавшихся несомненных признанием исследователей так и не обзавелись ими, а многие из идеологических кураторов социологов, напротив, сделали это. В общем и целом, однако, ничто не предвещало случившегося потом. Начальная точка еще не определяет всю траекторию.

Другой ответ на вопрос о причинах, обуславливающих развитие одного из типов статусной организации, отсылает нас ко второму фундаментальному упрощению, заложенному в идеальной модели. Она имплицитно предполагает, что присвоение символа мотивировано только соображениями наращивания своего кристаллического статуса претендентом, с одной стороны, и курирующей группой — с другой. Очевидно, однако, что в любом реальном акте такого рода передача символа является лишь одним из измерений обмена. Университет не просто присваивает степень, он ее продает заплатившим за образование, а научные руководители чаще всего возятся со студентами не потому, что хотят способствовать их профессиональному росту, а потому, что, откажись они делать это, их просто уволят.

Обмен может быть — и обычно бывает — асимметричным, с разными сторонами, вносящими разные ресурсы. Возьмем использовавшийся выше пример соавторства. Каждый из авторов передает другому права на использование своего имени в чужом списке публикаций. Когда эти имена неравноценны, мы предполагаем, что мезальянс компенсировался инвестициями другого рода: младший автор проделал большую часть работы по сбору данных для теории старшего, или аспирант выдал отличную идею, а научный руководитель своим именем обеспечил им публикацию в высокоцитируемом журнале, или шеф нашел деньги под проект, в рамках которого были получены результаты¹.

Назад, к российскому случаю

Главное российское затруднение, которому посвящена эта статья, имеет свои истоки как раз в преобладании асимметричных обменов, при которых символы академического статуса или

¹ Мертон [Merton 1968] указывал, что слава при этом также диспропорционально достается обладателю более известного имени (книга Латура и этого... как его?). Младший партнер, однако, также получает существенные выгоды именно благодаря фоновому знанию о том, как устроены подобные обмены. Указав совместную работу с Робертом Мертоном в своем списке публикаций, мы ставим под сомнение, что в состоянии были внести достаточные дополнительные инвестиции, чтобы заставить Мертона, имевшего значительный выбор потенциальных соавторов, предпочесть именно нас. Каковы бы ни были эти инвестиции: трудолюбие, оригинальность, эрудиция или (если наблюдатель опускается до циничного академического фольклора) сексуальная привлекательность — в нас явно что-то есть.

попросту продаются членами курирующей группы, или раздаются как можно большему количеству претендентов, поскольку акт передачи сопровождается выплатами от третьей стороны¹, или становятся предметом бартера без всякого внимания к качеству работы (*наша кафедра всегда писала положительные отзывы дипломникам N., так что он теперь мне вроде как должен... положительный отзыв на диссертацию*). Вопрос об организации системы статусных символов, таким образом, приводит нас к исследованию эффективности сдержек и противовесов, предназначенных для того, чтобы сделать подобное распоряжение ими нерациональным. Действительно, каковы же условия, заставляющие курирующие группы воздержаться от перспективы превращения символов, находящихся в их распоряжении, в источник быстрого обогащения, хотя бы и ценой их скорой инфляции?

На основании предложенной выше модели мы можем идентифицировать несколько подобных критериев.

А. Для того чтобы кристаллические символы имели существенное значение, должен существовать достаточно объемный и предпочтительно географически протяженный рынок труда со свободным перемещением рабочей силы. В сети, где все всех знают, потребность в формальных сертификатах достижения невелика: в любом случае, все и так представляют себе, кто чего стоит. Наши credentials становятся важны, когда мы соприкасаемся с людьми, которые будут ориентироваться на них, решая, как им себя с нами вести.

В. Должна существовать высокая степень конкуренции между курирующими группами, предлагающими свои символы. Статус символа не должен быть зафиксирован так, чтобы неудачное распоряжение им могло привести к быстрой и бесповоротной потере его ценности.

С. Система рент, выплачиваемых за обладание символом, должна быть достаточно стабильна, а доходы от нее даже на низших уровнях — достаточно велики, чтобы допустить инвестирование в достижения, способные окупиться лишь в неопре-

---

¹ Бюджетное финансирование факультета в государственном вузе определяется количеством обучающихся на нем. Основным аргументом при переговорах с министерством о расширении приема является конкурс. По причинам, находящимся за рамками данной статьи (см. [Соколов 2007]), в российских условиях снижение требований к учащимся является наиболее надежным способом увеличения конкурса на факультетах социального профиля. Это положение делает стратегию diploma mills единственной реалистичной для них. В довершение всего, надо добавить, что отчисление уже принятых студентов неизбежно влечет за собой сокращение доходов — во-первых, потому, что сокращает количество учащихся и соответственно финансирование, и, во-вторых, потому, что министерство рассматривает значительный отсев как достаточное основание для сокращения бюджетных мест.

деленном будущем. Временной горизонт агентов не должен быть ограничен необходимостью выживать здесь и сейчас [Соколов, в печати].

Д. Не-символические селективные выгоды для членов курирующих групп должны быть минимизированы действующим институциональным устройством. В самой очевидной форме это значит, что передача символов в распоряжение других людей не должна быть предметом сдельной оплаты.

Мы видим, что ни одно из этих условий не выполняется в России в полной мере. Общенациональный рынок труда и общенациональный рынок символов существуют лишь в предельно редуцированной форме. Чертой, наложившей свой отпечаток на развитие российской науки, являлась исключительно низкая, по западным меркам, географическая мобильность отечественных ученых. Острый жилищный дефицит советского времени и запредельно высокие относительно средних доходов ученых цены на жилье в постсоветской России в сочетании с малоэффективными институтами рынка недвижимости существенно сужают выбор как возможных работодателей, так и доступных символов.

Примерно половина существующих в стране университетских программ по социологии являются единственными таковыми в своем городе, и только в Москве и Петербурге есть по несколько диссертационных советов, исследовательских организаций и периодических изданий¹. Переезд в другой город является в российских условиях весьма сложным и дорогостоящим предприятием, и работодатели и курирующие группы, локализованные там же, где и претендент на статусный символ, имеют поэтому огромные преимущества. Их поведение значительно меньше подвержено влиянию конкуренции, чем это предполагает изложенная выше модель. Вместо одного общенационального мы имеем множество локальных монополистических рынков².

¹ В 2006 г. 98 университетов выпускали бакалавров или специалистов-социологов. Из этих 98 в Москве было расположено 14, в Петербурге — 7, в Новосибирске — 4, в Казани и Перми — по 3, и в еще десяти городах существовало по две программы.

² Примером институционального устройства, способствующего консервации такого положения вещей, является политика многих университетов, не взимающих плату за защиту со своих бывших выпускников. Учитывая значительность суммы (до \$ 3000 в ценах 2008 г.), это гарантирует диссертационным советам некоторое количество защит, которые в иных условиях могли бы состояться в любом другом вузе. Рассматриваемая обычно как благотворительная мера, эта практика фактически гарантирует факультету, что сквозь него пройдет некоторое количество диссертаций вполне приличного уровня и полной инфляции соответствующей степени не произойдет.

Интересным следствием всего этого оказывается территориальная сегментация дисциплины, при которой основные линии ее внутреннего деления проходят не между субстанциональными

Следствием для индивидов оказывается относительная нерентабельность вложений в кристаллические символы. Будучи запертыми на локальном рынке труда, они могут значительно больше выиграть от выстраивания отношений с конкретными деканами, чем от накопления символов, способных произвести положительное впечатление на каких-то других деканов в других городах. Следствием для курирующих групп является то, что они могут увеличивать сбыт символов за счет снижения требований к уровню достижений, не опасаясь оттока наиболее квалифицированных претендентов, поскольку этот отток потребовал бы от тех огромных дополнительных издержек.

Вернемся к нашей схеме, линия расщепления которой может быть сколь угодно далеко сдвинута вниз без потери верхнего сегмента потенциальных потребителей. Символы, таким образом, перестают однозначно обозначать какой-то уровень академических достижений. Одну и ту же степень получают и на одном и том же факультете работают ученые как самые лучшие, так и крайне посредственные.

Символы не могли потерять своей ценности вовсе еще и потому, что некий минимальный порог их рентабельности защищен институциональным устройством, гарантирующим надбавки и разряды за степень и делающим обладание ими обязательным условием занятия определенных позиций. Это устройство создавало и продолжает создавать минимальный платежеспособный спрос, готовность удовлетворять который подкрепляется еще и многочисленными вознаграждениями за каждую конкретную операцию присвоения символа. Так, научное руководство аспирантом засчитывается в качестве педагогической нагрузки в объеме 50 часов в учебный год, его защита приближает руководителя к званию профессора или ведущего научного сотрудника, добавляет институту баллов по министерскому «показателю результативности» («количество аспирантов, защитившихся в течение года после окончания аспирантуры») и снижает вероятность расформирования диссертационного совета. Ничто, кроме смутных моральных сомнений, не удерживает членов кури-

---

областями или теоретическими направлениями, а между локальными группами. Этот паттерн вполне очевиден на примере еще советской социологии с ее «ленинградской», «новосибирской», «пермской» и другими школами, между которыми не существовало выраженных интеллектуальных разногласий, но которые, тем не менее, обладали сильной лояльностью к своим лидерам (лучшее описание динамики таких школ в интервью Татьяны Заславской [Батыгин 1999: 142–155]). Сектора, которые на рис. 2 соответствуют субдисциплинам, на рис. 3 преимущественно указывают на группы с территориальной и институциональной (РАН, вузы Минобра и т. д.) привязкой.

рующих групп от расширения числа получивших их символ. И хотя сомнения иногда (чаще, чем сугубо утилитаристская теория заставляет нас предполагать) берут верх, их оказывается недостаточно, чтобы развернуть вспять общее движение системы¹.

Вместо заключения

Добравшись до этого места в своих рассуждениях, наш чиновник не может не задаться несколькими новыми вопросами.

1. Может ли считаться рассмотренная им ситуация в социологии типичной для постсоветской науки? Возможно, в других дисциплинах — не только естественных, но и социальных — дело обстоит благополучнее, будь то за счет особенностей исторической траектории или внутренне присущих им более определенных критериев научного достижения.

2. До какой степени это положение вещей определяет отставание российской науки, и, что еще более важно, каков прогноз на случай, если государство в его лице полностью устранился от проведения институциональных реформ? Если эволюция статусной системы продолжится в том же направлении, в котором она совершалась последние годы, то где российские социальные науки окажутся через 10 лет?

3. Если он все-таки придет к выводу, что должен предпринять решительные шаги, то существуют ли символы академических достижений, на которые он может опереться как на надежные и неподверженные инфляции, пусть даже в качестве временной меры?

4. Если единственным выходом будет создание новых символов академического статуса, то можно ли сконструировать такую их систему, которая, во-первых, не допускала их покупки или обмена, во-вторых, наилучшим образом поощряла бы интеллектуальные достижения, в-третьих, внедрение которой не было бы заблокировано оппозицией, владеющей циркулировавшими ранее символами?

На все эти вопросы автор данной статьи признает себя бессильным ответить. Дело за читателем.

¹ Картина дополняется тем, что диссертационные советы присваивают одну и ту же степень, эквивалентность которой установлена законодательством, создающим тем самым очаровательный пример «дилеммы общинных пастбищ». Отдельный совет, повышая требования к диссертанту, не может ни изменить общей ситуации, ни даже улучшить репутацию своих членов. Он может лишь сократить количество защит, приблизив себя к расформированию.

Благодарности

Среди многих людей, которые щедро делились с автором идеями и сведениями, легшими в основу этого текста, он хотел бы специально поблагодарить Даниила Александрова, Виктора Воронкова, Владимира Гельмана, Катерину Губу, Елену Здравомыслову, Кирилла Титаева, Юргена Фельдхоффа и Марию Юдкевич.

Библиография

- Батыгин Г.С.* (ред.) Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.
- Даймонд А.* Поведение университетов и ученых: Экономическое объяснение // Семенова М. (ред.) Экономика Университета: Институты и Организации. М., 2007 (1993). С. 8–47.
- Калимуллин Т.* Российский рынок диссертационных услуг // Экономическая социология. 2006. № 7 (1). С. 14–37.
- Министерство образования и науки РФ. Доклад о результатах и направлениях деятельности на 2008–2010 годы. 2007. <<http://www.mon.gov.ru/work/itog/>>.
- Соколов М.* Российская социология после 1991 года: Интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // *Laboratorium*. Журнал новых социальных исследований. №1. 2008 (в печати).
- Соколов М.* Реформируем ли соцфак МГУ? Некоторые институциональные препятствия на пути студенческой революции. 2007. <www.POLIT.ru/story/sozfak.html>.
- Abbott A. (with E. Gaziano).* The Second Chicago School / Ed. by G.A. Fine. Chicago, 1995.
- Alatas S.F.* Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences // *Current Sociology*. 2003. 51 (6). P. 599–613.
- Becker H.* The Chicago School, So-Called. 2001. <<http://home.earthlink.net/~hsbecker/chicago.html>>.
- Gieryn Th.* Boundary Work and Demarcation of Science from non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists // *American Sociological Review*. 1983. 48 (6). P. 781–795.
- Goffman E.* Symbols of Class Status // *British Journal of Sociology*. 1951. 11. P. 294–304.
- Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. New York, 1959.
- Goffman E.* Strategic Interaction. Philadelphia, 1969.
- Jasso G.* Studying Status: An Integrated Network // *American Sociological Review*. 2001. 66 (1). P. 96–124.
- Katz D.* Faculty Salaries, Promotion and Productivity in a Large University // *American Economic Review*. 1973. Vol. 63. No. 3. P. 469–477.
- Merton R.K.* The Mathew Effect in Science // *Science*. 1968. 159. P. 56–63.

- Mullins N.* Theories and Theory Groups in Contemporary American Sociology. N.Y., 1977.
- Scheff Th.* Academic Gangs // Crime, Law and Social Change. 1995. 23. P. 157–162.
- Starr P.* The Social Transformation of American Medicine. Basic Books, 1982.
- Tuckman H., Leahey J.* What Is an Article Worth? // The Journal of Political Economy. 1975. 83 (5). P. 951–968.
- Wiley N.* The Rise and Fall of Dominating Theories in American Sociology // Snizek W.E., Fuhrmann E.F., Miller M.K. (eds.) Contemporary Issues in Theory and Research. Westport, 1979. P. 49–78.

МАРИНА ВОЛОХОНСКАЯ**Почему ученые-психологи не занимаются наукой: наблюдение изнутри**

Психологическая наука, как и любая другая, открывается взгляду своего адепта постепенно. Возможно, если бы автор этой небольшой заметки обладал некоторым количеством статусных символов, хотя бы и не вполне внятных, то он испытывал бы больший восторг по поводу предстоящей ему научной карьеры и эта аффективная реакция помогла бы ему в решении сложной задачи грамотной стратификации отечественных ученых. Впрочем, скорее всего, в этом предположении просто слышится голос присущего автору не до конца задавленного оптимизма.

Наука развивается в рамках соответствующего сообщества, и, как совершенно справедливо замечает в своей статье М. Соколов, научное сообщество в России отличается рядом специфических черт, которые отнюдь не облегчают его эффективное функционирование и развитие. Хотелось бы дополнить этот ряд собственными размышлениями о психологической науке. Наблюдения мои касаются не столько системы определения статуса ученых-психологов, сколько психо-

Марина Сергеевна Волохонская
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

логических факторов, которые в данный момент препятствуют использованию учеными *любой* статусной системы.

Во избежание возможного непонимания следует заранее предупредить, что наблюдения эти носят сугубо феноменологический характер, в том смысле что: а) они исключительно субъективны; б) анализ их результатов выстроен в логике монографического исследования единственного объекта — некой Вполне Определенной Кафедры Вполне Определенного Вуза, к коим автор имеет самое непосредственное отношение вот уже в течение десяти лет.

Итак, первая особенность психологической науки, открывающаяся нашему взгляду, состоит в том, что ученые, работающие в государственных университетах (за исключением, вероятно, сотрудников вузов федерального значения), подвергаются жесткому прессингу со стороны собственного университетского начальства. Автор своими ушами слышал перечень претензий, предъявляемых научно-исследовательской частью (НИЧ) Вполне Определенного Вуза к сотрудникам Вполне Определенной Кафедры, в число которых среди прочего входили:

— замечание относительно небольшого числа аспирантов, дошедших до защиты кандидатской диссертации, и угроза сократить количество мест в аспирантуре;

— требование увеличить количество заявок на гранты, подаваемых не в индивидуальном порядке, а посредством НИЧ университета;

— обвинение в недостаточном числе значимых научных публикаций.

Эти претензии, тон которых заставляет предположить, что на Вполне Определенной Кафедре работают завзятые трутни и саботажники, выглядели бы вполне обоснованно, если бы не наличие некоторых факторов, которые однозначно игнорируются руководством университета.

а) Аспиранты, поступающие на Вполне Определенную Кафедру, вне зависимости от декларируемых целей обучения там более чем в половине случаев ставят реальной целью не столько защиту кандидатской диссертации, сколько отсрочку от службы в армии, поиск выгодного замужества, карьерный рост в совершенно другом месте и продление инфантильного периода жизни. Кандидатскую диссертацию в результате защищают либо те аспиранты, которые ставили себе реальную, четкую цель ее защитить, либо те, научные руководители которых одновременно нашли время, силы и желание выполнить за своих аспирантов их работу. Университет со своей стороны не может

повлиять на жизненные цели своих аспирантов, но в принципе мог бы мотивировать научных руководителей к появлению означенных времени, сил и желания. Никаких действий на этот счет университетом не предпринимается. Сокращение количества мест в аспирантуре ничем не помогает решению вопроса, тревожащего научно-исследовательскую часть университета.

б) Университет забирает себе столько денег, отпускаемых по вышеупомянутым грантам, что для ученых, работающих на Вполне Определенной Кафедре, экономически совершенно невыгодно подавать заявки на эти гранты.

в) Университет никак не поддерживает издание научных публикаций своих сотрудников. Сумма, которую требуется потратить на публикацию своей средних размеров статьи в периодическом издании университета, приблизительно соответствует ежемесячному окладу доцента, работающего в этом университете на полную ставку. Издательство университета отказывается также и от бесплатной публикации сборников научных трудов сотрудников кафедр.

Таким образом, мы делаем наше первое наблюдение: университет, сотрудниками которого являются ученые-психологи, осуществляет явный саботаж их собственной научной деятельности, игнорирует ситуацию с аспирантами и одновременно обвиняет самих ученых в том, что они плохо работают. Автор преисполнен радостного удивления по поводу того, что после этого сотрудники Вполне Определенной Кафедры все еще остаются ее сотрудниками.

Вторая особенность психологической науки, реализуемой на Вполне Определенной Кафедре, состоит в том, что ученые-психологи одновременно являются преподавателями вуза. Когда автор этого текста еще учился в магистратуре, ему были предоставлены исчерпывающие объяснения относительно того, каковы обязанности преподавателя высшей школы. В число этих обязанностей, как известно, входит собственно преподавание, научно-исследовательская работа, а также учебно-методическая работа. Во Вполне Определенном Вузе, который в данный момент является объектом нашего исследования, сочетание этих видов деятельности обладает следующими особенностями:

а) Нагрузка преподавателей университета включает *только* аудиторные часы. При этом расчет нагрузки осуществляется исходя из общепринятых нормативов. На Вполне Определенной Кафедре, где ситуация с нагрузкой в сравнении с другими кафедрами выглядит очень неплохо, средняя нагрузка асси-

стента — 520 аудиторных часов, доцента — 500 аудиторных часов, а у разных профессоров этот показатель слишком отличается, чтобы высчитывать среднее арифметическое.

б) Все преподаватели должны осуществлять учебно-методическую работу. Для примера: в прошлом учебном году учебно-методическая работа кафедры в основном заключалась в составлении учебно-методических комплексов по приблизительно 120 дисциплинам, читаемым сотрудниками кафедры. Объем учебно-методического комплекса составляет в среднем 3 п.л. Кафедра насчитывает порядка 30 сотрудников (в среднем 4 дисциплины по 3 п.л. на человека).

Автор предполагает, что если бы преподаватели были роботами, специально обученными для проведения научных исследований и учебно-методической работы, то, несомненно, у них еще осталось бы время на съемки в продолжении фильма «Трансформеры». Но, к сожалению, преподаватели не роботы и не статистические единицы. И научная работа — это то, что в первую очередь страдает от помех, создаваемых выполнением других обязанностей. Можно из года в год читать одни и те же лекции, можно набить руку так, что составление одного учебно-методического комплекса займет всего два часа, но автоматически заниматься научными исследованиями нельзя. Недаром один из самых важных советов, которые автор получил (но, увы, так и смог применить) в период своего обучения в аспирантуре, заключался в том, что кандидатскую диссертацию следует писать летом, в отпуске. В любое другое время года это занятие обречено на скорый провал.

В этом пункте следует также отметить, что для получения соответствующей степени недостаточно написать и защитить диссертацию — следует выполнить также ряд формальных телодвижений, которые отнимают массу времени и энергии. По количеству затраченного времени формальные телодвижения догоняют и перегоняют собственно научную работу, необходимую для написания диссертации. То же самое можно сказать и о получении звания, публикации статьи в ряде изданий и других действиях, направленных на повышение научного статуса.

Таким образом, наше второе наблюдение состоит в том, что у ученых, преподающих в вузе, не остается времени и сил на то, чтобы заниматься какой бы то ни было (даже чисто квалификационной) научной работой.

И, наконец, зададимся вопросом: а как все вышеописанное влияет на сотрудников Вполне Определенной Кафедры? Лю-

бые препятствия, включая перечисленные в этом тексте, могут быть преодолены в том случае, если у субъекта, их преодолевающего, наличествует мощное желание заниматься наукой. Но практика показывает, что соблюдение всех установленных правил для желающих заниматься наукой (работа на кафедре, защита кандидатской диссертации, защита докторской диссертации и так далее) не усиливает и не поддерживает, а очень сильно ослабляет и затемняет это желание. Автор не обладает достаточной квалификацией для того, чтобы проанализировать все факторы, приводящие к такому неожиданному эффекту, но к ним, вне всякого сомнения, относится все вышеописанное.

До этого момента автор намеренно не касался вопроса заработной платы преподавателей вуза, поскольку ее размер никак не зависит от их научной деятельности, а увеличивается прежде всего в силу выполнения дополнительных административных обязанностей. За исключением, разумеется, надбавок за степень и звание. Однако в этих двух случаях получаемое материальное вознаграждение настолько интересно соотносится с количеством затраченных усилий, что для мало-мальски талантливого и ориентированного на достижения человека гораздо выгоднее реализовывать свои таланты в какой-либо области, только не в отечественной психологической науке.

Все вышеописанные наблюдения приводят нас к неутешительному выводу о том, что в существующих условиях на Вполне Определенной Кафедре могут работать только а) люди, настолько преданные науке, что для них абсолютно неважно, где ею заниматься; б) люди, для которых университет — это место, где получают формальный статус (кандидат, доцент, доктор, профессор), имея который можно стать более успешным практиком; в) люди, для которых не важно, чем заниматься, лишь бы коллектив был приятный. Из этих трех категорий людей только первая может претендовать на успех в научной деятельности. Автор не будет уточнять, какова численность первой категории.

Автор хотел бы, несмотря ни на что, остаться оптимистом. Ведь это и его кафедра тоже. Поэтому этот текст закончится очень оптимистическим наблюдением: внешний прессинг со стороны университета приводит к тому, что сотрудники Вполне Определенной Кафедры объединяются и становятся сплоченным коллективом, готовым успешно отражать удары внешнего врага. Жаль только, что отражение ударов отнимает у этого прекрасного коллектива силы и время, которые могли бы быть потрачены на развитие научного потенциала.

ВЛАДИМИР ВОЛОХОНСКИЙ

Психология сама по себе

Статью Михаила Соколова было весьма интересно читать, так как она поднимает всё более актуальные вопросы, и образ чиновника министерства образования, который хочет понять, как бы это ему обустроить российскую науку, не так уж фантастичен. Попробуем взглянуть с предлагаемой точки зрения на российскую психологию и попутно ответить на первый вопрос — *может ли считаться рассмотренная им ситуация в социологии типичной для постсоветской науки?*

Прежде всего следует отметить такое разительное отличие психологии от социологии, как практически полное отсутствие в ней заметных групп ученых, ориентированных на получение статусов в зарубежной науке¹. Нет, разумеется, это всячески приветствуется, никто не скажет об этом ничего плохого, но при этом совершенно непопулярно.

Причин у такой ситуации довольно много, однако основной является то, что отказ от марксизма-ленинизма вовсе не означал отказа от советской психологии, ибо в отличие от социологов психологи имели возможность в своих работах использовать марксистские конструкции лишь в качестве специального охранного амулета, который позволял быть опубликованным. Никакой научной революции, пересмотра ценностей и парадигм, ничего такого с психологией не случилось. Более того, она стала совершенно эклектичной. И, кстати, никого не вынуждали отказываться от марксизма.

Психологи вообще практически перестали причислять себя к какой бы то ни было психологической школе — фраза «наше объяснение детских страхов основано на представлениях Зигмунда Фрейда и Джона Уот-

**Владимир Львович
Волохонский**
Санкт-Петербургский
государственный университет

¹ Если не считать людей, купивших дипломы членов некоей Нью-Йоркской академии наук, которые стоят всего 115 долларов в год.

сона» вряд ли кого-то удивит, и вряд ли от автора кто-либо потребует сделать наконец-то выбор между этими двумя противоречащими друг другу авторами. А в случае если такой вопрос будет задан, ответ будет скорее всего в духе того, что лучшие элементы этих теорий объединены в авторской концепции. Интересно, а в социологии есть авторские концепции, удачно сочетающие в себе достоинства Энгельса, Лумана и Лукмана, а также ряда древнегреческих авторов в одном флаконе¹?

Уже в конце 1980 — начале 1990-х гг. становится заметным крах программы основателя факультета психологии ЛГУ Б.Г. Ананьева о помещении психологии в центр человекознания. Отечественная психология, столкнувшаяся с огромным спросом на ее практические приложения, вышла не только за рамки философии, но и на этом пути к статусу самостоятельной научной дисциплины фактически прервала связи с другими науками, как гуманитарными, так и социальными².

Контакты отечественной психологии с западной также носят характер случайных связей³. Да, звезды американской психологии иногда приезжают в Россию с гастрольным турне, наши психологи посещают международные симпозиумы. Но чтобы найти хотя бы одну публикацию отечественного психолога-неэмигранта в западном журнале, надо будет очень постараться⁴. Поэтому применять международное признание в качестве рейтинга бессмысленно, ибо найдутся единицы ученых, для которых подобный показатель не будет нулевым.

В мире психологии нет такого широкого ассортимента ассоциаций: практически безраздельно властвует в этой области Российское психологическое общество — правопреемник Общества психологов СССР, представленное как центральным аппаратом, так и многочисленными региональными отделениями. Также есть некоторое количество небольших ассоциаций,

---

¹ См. по поводу допустимости подобных ситуаций: *Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2005. № 1.

² Ярким примером тому является судьба основанного все тем же Б.Г. Ананьевым Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований СПбГУ, призванного объединять специалистов разных профилей, — среди его сотрудников довольно трудно найти психолога, получившего диплом в постсоветское время, в то время как нарастание социологического компонента в комплексных исследованиях института привело в конечном итоге к объединению с соответствующим факультетом в учебно-научный центр социологии.

³ Впрочем, в области психофизиологии контакты кажутся чуть более систематическими, но в этой области вполне показательным является то, что люди, у которых такие контакты имеются, чаще институционально принадлежат к биологии, а не к психологии.

⁴ Коллектив кафедры, на которой работает автор, вполне может считаться одним из ведущих научных коллективов по психологии в стране, но за последние пять лет вряд ли удастся найти хотя бы три публикации в англоязычном реферируемом журнале.

объединенных по признаку территории или предмета деятельности¹.

В результате российское научное сообщество в области психологии более-менее соответствует представленной М. Соколовым модели консолидированной дисциплины федеративного типа.

За исключением одной интересной особенности. В психологии есть такая интересная вещь, как практика. И вот тут-то и возникает проблема значимости тех или иных статусов, профессиональных ассоциаций, сертификатов, дипломов и прочих символов. Нужен ли диплом о высшем образовании, чтобы работать психотерапевтом²? Необходима ли сертификация в рамках сообщества практиков или же диплом психолога самодостаточен для работы с людьми? Вопрос о статусах в области практической работы еще более сложный, чем в академических кругах.

В качестве примера девальвации символа можно упомянуть серию «Мастера психологии» издательства «Питер», публикацию в которой стало довольно трудно рассматривать в качестве такого статусного символа после выхода в ее рамках книги Николая Козлова³. Некоторые символы в силу характеристики совокупности их носителей становятся даже отрицательными маркерами, понижающими авторитет в сообществе. Так, довольно скверным способом демонстрации собственного статуса является указание членства в Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации и ряда других менее известных общественных академий.

В той или иной степени подобную же девальвацию на рубеже веков пережили и все традиционные статусные символы — дипломы специалиста, степени магистра, кандидата наук, доктора, ученые звания и прочие. В итоге нельзя говорить о том, что какие-то символы признаются в одних группах и не признаются в других, скорее можно говорить о малой ценности

¹ Не обошла психологию и тенденция клерикализации — Православное общество психологов постепенно наращивает численность и влияние.

² Вернее, «заниматься психокоррекцией» — слово «психотерапия» входит в круг медицинских специальностей, и просто так работать психотерапевтом в России нельзя. А вот психологом — можно. В то время как в США, например, для занятия психологической практикой и позиционирования себя на рынке как психолога необходимо не просто высшее образование, а степень PhD!

³ Николай Козлов известен судебными преследованиями критики в его адрес, поэтому ограничимся лишь упоминанием того, что в 2004, 2006 и 2007 гг. были вынесены судебные решения, признающие утверждения о принадлежности сообщества его последователей «Синтон» к тоталитарным сектам, а также псевдопсихологическим культам, «не соответствующим действительности» (более подробную информацию о нем см. в Википедии).

любого из этих символов. Однако ценность символа в заметной степени определяется его дефицитностью. Так, в провинциальных вузах и многочисленных коммерческих учебных заведениях ученые степени оказываются в большой чести, так как они необходимы администрации для формальных процедур подтверждения статуса всего вуза в целом¹. В общем ценность символа может быть определена еще и через те возможности, которые этот символ предоставляет, через конкурентные преимущества.

Таким образом, отвечая на первый вопрос, можно сказать, что психология является федеративной дисциплиной, но это не так уж хорошо, как можно было бы подумать, — такая ситуация является результатом закрытости российской психологической науки по отношению к внешним влияниям.

Обращаясь ко второму вопросу — до какой степени эта ситуация определяет отставание российской науки и каков дальнейший прогноз на случай отстранения государства от попыток реформирования — можно сформулировать несколько позиций. Во-первых, понятие «отставание» не совсем применимо. Для того чтобы говорить об отставании, для начала надо было бы определиться с тем, на пути куда происходит это отставание, да и следует ли догонять Америку, которая, как нам известно, катится напрямик в пропасть? Таким образом, как справедливо замечает и сам М. Соколов, некоторыми учеными вполне может быть постулировано не отставание, а выход российской науки на лидирующие позиции, к вящей зависти забугорных конкурентов. Впрочем, отогнав от себя это наваждение, можно смело сказать, что отсутствие существенной² внешней мотивации к получению тех или иных символов статуса является существенным фактором, мешающим развитию науки. Сказать же, где российские науки окажутся через десять лет, довольно трудно, скорее всего, там же, где и сейчас.

Третий вопрос — на какой из символов статуса чиновник мог бы опереться. Парадокс заключается в том, что сколь бы ни были плохи те или иные символы, выбор любого из них окажется вполне положительным событием. Впрочем, лучше всего было бы ориентироваться на какие-либо характеристики, отражающие текущую активность, а не достигнутый статус.

---

¹ Что-то подобное можно отметить и в армейских структурах, где в строевых военных частях полковник практически небожитель, а в столичных академиях — совершенно рядовой экземпляр.

² Доплата в три тысячи рублей в месяц за обладание кандидатской степенью вряд ли привлечет сколько-нибудь толкового специалиста.

Так или иначе не вызывает особых сомнений, что среди ученых, которые опубликовали за последние три года больше десяти статей, доля достойных поддержки больше, чем среди тех, кто не опубликовал ни одной. Да, разумеется, среди них будут и графоманы, и плагиаторы, и сумасшедшие. Но среди них не будет огромного балласта бездельников. Пусть цветут все цветы, даже страшненькие.

На четвертый вопрос — о новых символах академического статуса — также трудно дать какой-либо ответ. Конечно, хорошо бы вывести специальный вирус, который вызывал бы у плохих ученых появление шерсти на ушах, как это происходило в известном романе Стругацких, но пока об этом остается только мечтать.

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН

Ресурсы и репутации на периферийных рынках: постсоветские социальные науки

Статья М. Соколова «Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии» ставит проблемы, выходящие за рамки конкретного случая и значимые для постсоветских (и не только постсоветских) социальных наук в целом. Дело не столько в том, что описанная Соколовым картина с теми или иными вариациями могла бы относиться к ряду других дисциплин и государств, сколько в том, что помимо констатации бедственного положения дел в науке статья исследует причины этих явлений и возможные механизмы их преодоления.

Нельзя сказать, что проанализированная Соколовым ситуация, при которой в рамках одного и того же академического сообщества конкурируют различные статусные системы, сама по себе является уникальной для социальных наук. Достаточно вспомнить «Номо Academicus» П. Бурдьё, где эти процессы анализировались на примере французской академической среды 1970-х гг. [Bourdieu 1988]. Однако фокус внимания Соколова совершенно иной: он рассматри-

вает рассогласование статусных систем и кризис академических авторитетов как одну из причин институционального упадка постсоветских социальных наук. С основными тезисами его статьи трудно не согласиться, но предложенная Соколовым модель нуждается в существенных уточнениях. Необходимо понять, в какой мере данная ситуация обусловлена структурно и обречена оставаться таковой, по крайней мере в обозримом будущем, и в какой мере те или иные реформы способны если не изменить ее к лучшему, то, по крайней мере, не ухудшить?

В этой связи необходимо переосмыслить те функции, которые выполняет в науке академический авторитет. Продолжая рыночные аналогии, предложенные Соколовым, ближайшим экономическим эквивалентом академического авторитета следует признать репутацию фирмы, действующей на рынке. Репутация позволяет участникам рынка снизить информационные издержки и риски приобретения недоброкачественных товаров; соответственно, в условиях конкуренции за потребителя фирмы заботятся о своей репутации, инвестируя ресурсы в ее создание и поддержание, не говоря уже о затратах на рекламу. Сходным образом, имена общепризнанных классиков в социальных науках сродни брендам; условно говоря, имена Аристотеля или Вебера можно уподобить названиям «Mercedes» или «Coca-Cola». Однако институциональная организация академических рынков в постсоветских социальных науках такова, что она существенно снижает стимулы к инвестициям в научную репутацию как для отдельных участников рынка, так и для академических учреждений в целом.

Особенностью академических рынков социальных наук является тот непреложный факт, что производители научной продукции выступают основными ее потребителями (в отличие от той же упоминаемой Соколовым медицины). Исключения в отдельных дисциплинах, связанные с некоторыми прикладными приложениями знания социальных наук (экономика, психология и др.), скорее подтверждают правило. С одной стороны, это обстоятельство как будто бы снижает информационные издержки для участников рынка, с другой — снижает стимулы к инвестициям в репутацию, поскольку они дают низкую отдачу на тех рынках, где пул потребителей заведомо ограничен. Не случайно описанный Соколовым процесс кристаллизации авторитета в американской социологии занял десятилетия и был связан с (1) расширением пула участников академического рынка и (2) нарастанием конкуренции на нем между университетами на фоне (3) более-менее стабильной институциональной организации научного сообщества.

Такое сочетание условий (отмеченных Соколовым как необходимые), однако, является нечастым, в особенности для тех рынков, которые по определению являются периферийными. Примером такого рынка служат, в частности, постсоветские социальные науки. Они находятся в ситуации своего рода «двойной периферии»: как по отношению к естественным и техническим наукам, которые оттягивают на себя наибольшую часть ресурсов, так и по отношению к собственным дисциплинам, в рамках которых сегодня сложились международные (если не глобальные) академические рынки, где постсоветская наука присутствует лишь маргинально.

Периферийность академических рынков в постсоветских социальных науках стала результатом длительной исторической эволюции, и в краткосрочной перспективе она, скорее всего, сохранится. В странах Восточной Европы социальные науки переживают процесс поглощения своих локальных академических рынков общеевропейскими, что сказывается на институциональной организации социальных наук (от ориентации на включение отдельных ученых и целых коллективов в общеевропейские научные сети до признания индекса цитирования по ISI в качестве основного показателя академического авторитета).

Для России такого рода развитие событий представляется маловероятным: ему препятствуют не только низкая конкурентоспособность большей части отечественного научного сообщества на внешних академических рынках, но и значительный совокупный объем локальных академических рынков. Поэтому как бы ни развивалась российская социология, трудно ожидать, что сегодняшние и завтрашние российские социологи в массовом порядке будут стремиться к тому, чтобы претендовать на гранты крупных американских и европейских научных фондов, писать труды по-английски и публиковать их в *American Journal of Sociology* — и не только в силу своей квалификации. В большой стране стимулы к тому, чтобы искать внутреннее финансирование исследований, писать по-русски и публиковаться в «СОЦИСе», едва ли могут быть подорваны без серьезных потрясений.

Периферийные рынки, в том числе академические, отличаются инерционностью не только с точки зрения производимых товаров, но и с точки зрения стимулов к поведению участников. Их можно уподобить базарам в деревне, где собираются ведущие натуральное хозяйство местные крестьяне, которые время от времени обменивают сало на хлеб или картошку на самогон (примерами такого рода обменов в российской социологии полна статья Соколова). Изредка посещающие эти рын-

ки селяне из соседних деревень или заезжие купцы общей картины не меняют. Крестьяне же, в свою очередь, торгуют лишь в своей деревне (или максимум в соседней), поскольку не располагают ресурсами для выхода на внешние рынки, где они, вероятно, не смогут конкурировать с крупными производителями. Понятно, что крестьяне едва ли заинтересованы инвестировать ресурсы в свою репутацию. Точнее, их репутация носит преимущественно локальный характер и обусловлена не качеством производимой ими сельхозпродукции, а набором доступных им ресурсов и плотностью их социальных сетей.

Отмеченная Соколовым локализация научных сообществ и формирование устойчивых академических сетей вокруг обладающих ресурсами факультетов и кафедр местных вузов становится естественным состоянием периферийного академического рынка. Кроме того, временной горизонт у участников периферийного рынка довольно сильно ограничен — им попросту не потянуть долгосрочных инвестиций. Точно так же, как крестьянам порой важнее, даже не торгуясь, продать своим соседям скоропортящиеся продукты, постсоветским социальным исследователям приходится бороться за официальный статус в локальном научном сообществе «здесь и теперь» вместо того, чтобы долгое время добиваться признания за его пределами. Так что не стоит удивляться тому, что ценность академического авторитета специалистов в социальных науках оказывается подверженной инфляции в гораздо большей мере, нежели официальный статус (степень доктора наук, пост заведующего кафедрой и т.д.), который, по крайней мере, может принести краткосрочную отдачу в виде притока ресурсов.

Добавим к этому, что если в данной деревне (читай: в локальном научном сообществе) господствуют нормы «аморальной семейственности» по типу отмеченной Э. Бэнфилдом в Южной Италии [Banfield 1958], то у крестьян едва ли возникнут стимулы и к тому, чтобы расширять производство и повышать качество своей продукции. Именно такое (на первый взгляд экономически целесообразное) поведение грозит подорвать их локальную репутацию и даже повлечь за собой осуждение со стороны соседей. Спектр вариантов поведения эффективного крестьянина в ситуациях такого рода — от принятия сложившихся норм как данности («быть как все») до отъезда на заработки в город или найма в батраки к владельцу расположенной неподалеку фермы — хорошо известен всем тем, кто знаком с практикой постсоветских социальных наук.

На долю большинства специалистов в сфере социальных наук остаются переезд в столицы или (гораздо реже) за рубеж, уход во внеакадемическую деятельность или лояльность существу-

ющим нормам. Парадоксальным образом наступающая академическая глобализация закрепляет эти тенденции — периферийные рынки реагируют на эти процессы своего рода инволюцией, свертыванием «вовнутрь», отгораживанием от рынков, на которых им попросту нет места.

Как могут повлиять на стимулы поведения участников академического рынка варианты тех или иных институциональных изменений? Соколов справедливо отмечает, что приток в социальные науки более масштабного финансирования является необходимым условием преодоления периферийного характера этого рынка. Однако это условие отнюдь не выглядит достаточным — ведь мы никогда не слышали, например, о достижениях социальных наук в богатых нефтяных странах Персидского залива, хотя выделяемые местным университетам средства вполне достаточны для хорошего оснащения библиотек и лабораторий и выплаты гонораров приглашаемым время от времени американским профессорам.

Очевидно, что увеличение объема ресурсов на периферийных рынках само по себе не влечет долгосрочных инвестиций их участников в свою репутацию. Приток ресурсов может создавать новые стимулы для участников академического рынка лишь в том случае, если будет изменена институциональная среда научного сообщества.

Казалось бы, именно на это и направлены реформы высшего образования, инициируемые российскими властями. Чиновники разного уровня произносят много правильных слов о необходимости конкурентоспособности отечественной науки, правительство формирует пул федеральных университетов, призванных стать локомотивами ее прорыва на мировой рынок, порой даже заявляя о привлечении в российскую науку западных специалистов с целью создания отечественных научных школ.

Цели этих преобразований вполне оправданы, но средства их осуществления могут привести к прямо противоположным результатам. Примерами могут служить одобренные Президентом России Д. Медведевым в июле 2008 г. планы сокращения числа высших учебных заведений в стране до полутора сотен или механизмы создания федеральных университетов путем механического слияния нескольких ранее существовавших региональных вузов различного профиля.

В лучшем случае такого рода решения явно не способны принести ожидаемый эффект. Так, создание федеральных университетов аналогично тому, как если из деталей нескольких разбитых «Запорожцев» собрать один автомобиль, выкрасить его

в красный цвет и ожидать, что он станет ездить так же, как новый «Феррари». В худшем случае известные последствия в виде «распила» приходящих на академические рынки средств приведут лишь к некоторому повышению жизненного уровня части представителей локальных научных сообществ, не оставив сколь-нибудь значимых содержательных результатов (которые заведомо не могут быть достигнуты в течение короткого срока).

Что же может изменить стимулы к поведению участников академических рынков и создать научные репутации в социальных науках если не сейчас, то через 15–20 лет? Для начала, по всей видимости, необходимо признать, что нынешнее положение дел — всерьез и надолго и что подавляющее большинство отечественных научных учреждений в социальных науках не способны служить источниками не только академического авторитета, но и нового научного знания как такового. Постсоветские социальные науки невозможно реформировать, им можно только дать умереть.

Вместо бесплодных попыток вдохнуть новую жизнь в ныне существующие факультеты и кафедры целесообразно инвестировать ресурсы в новые учреждения, которые необходимо создавать «с нуля», набирая их состав из российских выпускников американских и европейских аспирантских программ либо с привлечением сотрудников ориентированных на зарубежные академические статусные системы российских образовательных учреждений.

Институциональное закрепление неравенства между «новой» и «старой» наукой (на уровне оплаты труда, принципов выделения средств для проведения исследований и т.д.) рано или поздно вынудит российских ученых либо переориентироваться на новые статусные принципы, либо покинуть академический рынок.

Крестьяне на сельском базаре едва ли научатся вести себя иначе: даже если они станут выращивать большие урожаи или если цены на их продукцию резко возрастут, этот базар не превратится в супермаркет сам по себе. Но если раз и навсегда отказаться от ставки на крестьян, то реформирование базара придется осуществлять по полной программе: завозить в деревню рабочих, которые построят с нуля новое здание, проведут к нему дороги и подведут коммуникации. При достаточном уровне инвестиций и мастерства строителей и менеджеров на смену периферийному рынку через некоторое время придет современный загородный торговый центр, где места крестьянам уже попросту не останется.

Как бы ни был жесток (или жёсток) этот способ выхода отечественного академического рынка из периферийного состояния, иной вариант его успешного реформирования мне представляется едва ли возможным. Реализация данных рекомендаций маловероятна, но все же полагаю, что предпринимаемые попытки косметических изменений нынешнего положения дел грозят отечественным социальным наукам дальнейшей стагнацией, если не полным разложением.

Библиография

Banfield E. The Moral Basis of a Backward Society. Glencoe, 1958.

Bourdieu P. Homo Academicus. Stanford, 1988.

КАТЕРИНА ГУБА

Российский индекс цитирования: некоторые препятствия на пути к успеху

М. Соколов показал в своей статье, что ни одному из существующих символов не удастся с легкостью переходить институциональные контексты и быть безоговорочно легитимным в любой части социологического сообщества¹. Кроме того, одна из опасностей, подстерегающих разнообразные символы академического статуса, заключается в вероятности оказаться присвоенными курирующей группой, которая зачастую стремится не воздать должное научным достижениям ученых, а превратить существующие символы в предмет сдельной оплаты.

Катерина Сергеевна Губа
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

¹ Автору остается только сожалеть о том, что административные структуры не могут легитимно использовать неформальную информацию, касающуюся научной деятельности ученых. Вероятно, сами ученые более или менее ориентируются в том сообществе, в котором им приходится взаимодействовать. Они высказывают мнение о происходящем, посещая разного рода академические события (конференции, семинары, летние школы), делая заметки в личных дневниках on-line или рассылая открытые письма через институциональные рассылки. Главный недостаток такой информации заключается в том, что ее невозможно перенести в другой контекст: обычно мнению ученых доверяют внутри одного сегмента, но пытаются подвергнуть дискредитации за его пределами. Поэтому, к сожалению, это вряд ли устроило бы того самого чиновника, озаботившегося судьбой российской науки.

Размышления привели автора данной заметки к тому, что избежать неприятных последствий несправедливого использования кристаллических символов можно, сделав ставку на использование индекса цитирования для оценивания деятельности российских ученых. Основанием определенных надежд стала скорее не известная попытка создания российского аналога индекса цитирования, а простая мысль о том, что его курирование заключено в руках трех различных агентов, что, вероятно, затрудняет контроль со стороны заинтересованных лиц.

В первую очередь мы сами решаем, кому оказать внимание на страницах своих научных работ, пытаемся ли мы отдать должное интеллектуальным достижениям своих коллег или обеспечить свою статью мощной поддержкой в виде достойного библиографического списка. Во вторую очередь редакторы¹ журналов решают вопрос о публикации наших исследовательских результатов. В этом случае решение касается не только авторов статей, которые с помощью публикации получают необходимый для дальнейшей карьеры символ научного признания, но и тех людей, которые попадут в список литературы, что будет зафиксировано как положительная оценка их научной деятельности.

Но и на этом цепочка действующих агентов не заканчивается: пока мы имеем лишь множество статей вместе со ссылками, рассыпанными на сотнях страниц десятков социологических изданий. Например, мы можем открыть «Социологический журнал» и после каждой статьи² увидеть некоторое количество ссылок, но мы не в состоянии обозреть их все вместе, у нас нет возможности одновременно открыть все статьи этого журнала за все время его издания и увидеть потоки и паттерны цитирования. Это под силу только институтам, специализирующимся на создании библиографических баз, содержащих информацию о цитатах, сделанных учеными на ту или иную литературу. Именно

---

¹ Например, одна из претензий к качеству статей в журнале «Социологические исследования» касалась излишней предрасположенности авторов к цитированию иностранной литературы в ущерб российским исследователям: «В присылаемых материалах цитируются только зарубежные исследователи и никак не выражается отношение к отечественным ученым. Как, например, можно писать об информационном обществе, не упомянув ни одного отечественного исследователя?» [Тощенко 1997: 5]. Косвенное подтверждение того, что редакторы «СОЦИСа» прилагают специальные усилия для изменения авторских списков литературы, можно найти в цифрах о распределении количества ссылок на иностранные и русскоязычные журналы. Так, если в «СОЦИСе» за последние пять лет лишь 28% ссылок приходится на иностранные журналы, то в ЖССА и «СоцЖуре» 46% и 50% соответственно.

² Если бы мы открыли, например, «СОЦИС», то, боюсь, нашли бы ссылки не в каждой статье, несмотря на заверения Латура о том, что научная статья без ссылок похожа на маленькое дитя, гуляющее без сопровождения по ночным улицам большого города [Latour 1997: 33].

они создают «чудо» — выводят в несокрытое то, что является повседневной практикой в написании научного текста.

Казалось бы, индекс цитирования является одним из самых привлекательных символов: он охватывает множество разрозненных авторов, что изначально затрудняет его возможность стать предметом торга. Лица, заинтересованные в его приобретении, попадают в ситуацию выстраивания длинной цепочки, в которой им приходится учитывать три различные группы агентов. К сожалению, все преимущества индекса цитирования перестают работать, если мы наблюдаем отсутствие главного условия для его существования: прежде всего нужно быть уверенными, что и авторы, и редакторы руководствуются в основном интеллектуальной значимостью в публикации и цитировании своих коллег.

На примере социологических изданий хорошо видно, что и те и другие скорее руководствуются *административными* соображениями. Последнее отсылает нас к особенностям журнальной системы, которым будет уделено внимание в первой части этой заметки. В то же время некоторые наблюдения за тем, как планируется курирование символа со стороны его разработчиков, вызывают надежду на его успешное функционирование. Для описания действий создателей РИНЦ автор позволил себе воспользоваться поздними идеями Б. Латура: создание индекса цитирования будет рассматриваться как конфигурация различных сил в духе actor-network теории.

Российские академические журналы: принцип локальной укорененности

Если исследователь задастся целью выяснить, кого печатают редакторы основных социологических журналов, то ему придется просмотреть не один журнал. Пролистав несколько номеров первого из них, он почти сразу найдет своих «лидеров» — организации, постоянно занимающие большую часть публикационного пространства. Стоит ему обратиться в не менее уважаемое дисциплинарное социологическое издание, как он обнаружит, что картина изменилась почти самым кардинальным образом. Вдруг появились одни кафедры и институты, но бесследно исчезли другие, что приводит к сомнению в том, что исследователь имеет дело с журналами *того же самого* академического сообщества.

Но в одном он может быть уверен — на первом месте всегда будут находиться организации, непосредственно выпускающие журнал. В случае ЖССА — это социологический факультет СПбГУ (26%), в случаях «СОЦИСа» (14%) и «СоцЖура» (26%) —

Институт социологии РАН¹. Вероятно, авторы — сотрудники институтов — имеют доступ к редколлегии как курирующей группе, которая становится важным посредником в распределении символов академического статуса, в данном случае публикаций в основных социологических журналах. Тогда возможность опубликоваться в том или ином журнале в том числе зависит от близости к выпускающей его организации².

Локализация академических журналов происходит не только внутри конкретных институтов, но и внутри местных сообществ, поэтому мы наблюдаем минимальное количество обменов между городами, когда исследователи из каждого города предпочитают публиковаться в своих изданиях. Петербургские социологи, работающие в разных социологических организациях, крайне редко появляются в московских изданиях. Например, в «СОЦИСе» за последние пять лет опубликовались 1335 авторов, но только 56 из них являлись представителями петербургского сообщества. ЖССА в этом случае только повторяет паттерн локальной укорененности: за тот же период московские социологи опубликовались в нем не более 16 раз. В итоге чаще всего социологи выбирают для публикаций «свои» издания, находящиеся как в географической, так и в институциональной близости.

Принцип укорененности печатных изданий внутри локальных сообществ сам по себе не являлся бы таким важным для описания состояния социальных наук, если бы авторы выходили за пределы журналов, в которых они публикуются. К сожалению, распределение внимания между дисциплинарными журналами показывает, что исследователи замкнуты внутри цитирования одного издания. Во всех трех случаях им является старейший журнал — «Социологические исследования» («СОЦИС»), но главным образом на него ссылаются авторы, в нем же и печатающиеся. И здесь наиболее впечатляющим являются обычные цифры: из 1050 ссылок, сделанных на «СОЦИС» в трех журналах, 885 принадлежат авторам, публикующимся в этом издании. В других социологических журналах также легко заметить предпочтение авторов цитировать то издание, в кото-

---

¹ Здесь автор воспользовался результатами исследования журнальной системы российской социологии. В качестве объекта выступили три социологических журнала — «Социологические исследования», «Социологический журнал» и «Журнал социологии и социальной антропологии»; временные рамки исследования 2002–2006 гг. Окончательная база данных включала информацию об институциональной принадлежности 1335 человек в «СОЦИСе», 302 — в ЖССА и 156 авторов — в «СоцЖуре». Всего было собрано 3220 ссылок в «СОЦИСе», 1184 — в ЖССА и 782 — в «СоцЖуре».

² Например, в ЖССА можно найти достаточно заметное количество авторов из немецких университетов Билефельда, Магдебурга, Меркатора, что является результатом программы сотрудничества соцфака СПбГУ с немецкими университетами.

ром они публикуются. Соответственно в первую очередь авторы с социологического факультета СПбГУ цитируют ЖССА, а авторы, работающие в Институте социологии РАН, оказывают внимание как «СОЦИСу», так и «СоцЖуру» в зависимости от локализации их публикаций¹.

Все это указывает на то, что мы не можем найти журнал, который создавал бы репутацию для всего сообщества и которому оказывали бы *одинаковое* внимание во всех важных социологических организациях². Взамен мы наблюдаем чуткое внимание к изданиям своих институтов³. Такая организация журнальной системы создает репутации в пределах одного сегмента, что позволяет авторам оставлять в зоне легитимного невнимания не только остальные социологические журналы, но и целые сегменты.

Именно это заставляет сомневаться в том, что при такой организации журнальной системы можно успешно пользоваться индексом цитирования для оценки научных достижений ученых. Каждый из журналов будет обладать своим списком выдающихся ученых и значимых публикаций, и эти списки вряд ли будут пересекаться в различных изданиях⁴. Поэтому индекс цитирования будет зависеть от того, какие журналы подвергнутся библиографическому анализу. Даже если предположить, что будут отобраны все социологические журналы⁵, то и в этом случае ситуация останется неизменной: каждый журнал будет создавать репутацию внутри своего сегмента, что сделает существование индекса цитирования бесполезным внутри *всего* научного сообщества.

Отвлечемся немного от действительности и предположим, что грамотные институциональные меры разрушили принцип ло-

¹ Последнее очень любопытно: мы можем говорить не только о различиях в паттернах цитирования между организациями, но и о различиях у людей, принадлежащих к одной организации. Было бы интересно сравнить фамилии авторов — сотрудников ИС РАН из «СОЦИСа» и из «СоцЖура». Пока неизвестно, увидели бы мы их взаимное пересечение.

² Интересно, что мы не находим такого российского издания, в то время как в цитировании иностранных журналов авторы во всех трех журналах едины в своих предпочтениях: на первом месте находятся *American Journal of Sociology* и *American Sociological Review*.

³ Особенно ярко это заметно в «СОЦИСе»: если в других случаях можно было говорить о некоторых ограничениях, так как в целом количество ссылок невелико, то здесь, безусловно, наиболее цитируемым журналом является «СОЦИС», ссылками на который отмечены все институты. При этом авторы из ИС РАН и РРГУ намного чаще сотрудников других московских институтов цитируют журнал, который издается их родным институтом, — 110 и 76 ссылок соответственно.

⁴ Это можно было бы ожидать в случае специализированных журналов, публикующих материалы по различным теоретическим направлениям.

⁵ Как справедливо отметил М. Соколов в своей статье, это повлечет за собой дополнительные трудности по определению дисциплинарных социологических изданий.

кальной укорененности изданий внутри отдельных институтов и городов. Теперь социологические журналы в России не связаны ни с одной конкретной организацией. Они обладают независимым финансированием, которое позволяет редакции отбросить административные причины для публикации тех или иных статей и сосредоточиться исключительно на их интеллектуальных достоинствах. Редакторы в первую очередь заинтересованы во внимании признанных исследователей, поэтому публикуют только качественные статьи высокого профессионального уровня, поиск которых заставляет задействовать более широкий круг авторов.

Предположим также, что статьи в этих журналах дают авторам значительные академические бонусы (последнее обеспечено специальными мерами административного характера), обладание которыми становится необходимым для построения успешной академической карьеры. Если в сообществе циркулирует несколько таких журналов, это заставляет редакцию не снижать планку требований к публикациям, так как в противном случае на первое место выйдет конкурент. Все это указывает на то, что публикации в таких журналах выступают как символ академического статуса для всего сообщества.

Как в этом случае стали бы действовать авторы? Скорее всего они стали бы стремиться опубликовать в указанных журналах свои статьи, которые действительно говорили бы о их академических достижениях. Теперь перед ними стоял бы ощутимый выбор: опубликоваться в «своем» журнале, потеряв по шкале престижности, но сэкономив время и усилия, или попытаться опубликовать статью в признанном дисциплинарном издании. Последнее хотя и потребовало бы увеличения издержек, но могло бы дать ощутимый вклад в академическую репутацию авторов.

Вероятно, в первую очередь им пришлось бы повысить профессиональный уровень своих работ, чтобы добиться их публикации. Если мы введем в воображаемую журнальную систему активно действующий индекс цитирования, на который ориентировалось бы как академическое сообщество, так и бюрократические структуры, то исследователям пришлось бы стараться привлечь внимание как можно большего количества ученых. Правда, в этом случае необходимо ввести дополнительные условия для его успешного функционирования, в первую очередь начав учитывать ссылки на ученых, сделанные сотрудниками из других социологических организаций.

В идеале возможная стратегия авторов заключалась бы во внимательном изучении публикаций других исследователей, ци-

тирование которых могло бы повлечь ответное внимание. Тогда мы должны были бы наблюдать активные ссылки на самые разнообразные российские источники внутри дисциплинарных изданий. Авторам стало бы невыгодно оказывать внимание своим непосредственным коллегам по институту, хотя прежде это в значительной степени сокращало издержки, когда не нужно было тратить дополнительные усилия, изучая публикации в других журналах. Теперь лучшей стратегией явилось бы расширение внимания, что вывело бы из зоны легитимного невнимания не только значительное число социологических журналов¹, но и целые сегменты научного сообщества.

Пока мы можем наблюдать лишь попытку создания российского индекса цитирования. Приведет ли она к желаемой трансформации академического сообщества, во многом зависит от того, каким образом он будет создан. И здесь в курирование индекса вступают уже не авторы и редакторы журналов, а люди, специально занимающиеся сбором разрозненных ссылок вместе, чтобы в итоге мы получили интернет-сайт с удобным дружественным интерфейсом, позволяющим просматривать множество ссылок одновременно. Посмотрим далее на их работу более внимательно².

Создание российского индекса цитирования: попытка деконструкции сети

Для описания создания российского индекса цитирования заманчиво воспользоваться поздними идеями Б. Латура, который стремился посмотреть, каким образом сети, состоящие из разнообразных союзников, производят то самое неявное повседневное знание [Latour 1997]. Сущность сети заключается в жесткой увязке разных групп или потенциальных союзников, которые в совокупности составляют сеть-коалицию. Сеть как ассоциация разнородных элементов сильна своими связками, ее успех зависит от любого ее звена. Найти эти узловые моменты достаточно сложно, особенно в затвердевшей сети: там они теряют свою видимость. Если же сеть только проходит этап

¹ Паттерн цитирования российской периодики социологами чаще всего выглядит следующим образом: ученые активно цитируют два-три журнала, между делом ссылаясь на огромное множество других изданий. При этом разрыв между количеством ссылок на издания может достигать колоссальных размеров. Например, сотрудники РГГУ, публикующиеся в «СОЦИСе», первым делом цитируют «СОЦИС» (76 ссылок) и только затем «Полис» (4 ссылки).

² Дальнейшие рассуждения во многом основаны на анализе отчета о научно-исследовательской работе по теме «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса цитирования» за 2005 г. Остается неизвестным то, насколько задуманное воплотилось в действительности. Сейчас РИНЦ является открытой библиографической базой, доступной по адресу: <<http://www.elibrary.ru>>.

конфигурации — собирания вместе разнородных элементов, то можно попытаться их зафиксировать.

Разработчики российского индекса национального цитирования только недавно создали сеть, осуществив поиск возможных союзников, дабы превратить индекс цитирования в обычный элемент повседневного академического мира, затем чтобы акторы уже не видели иных путей достижения целей, за исключением заявленных его создателями. Более внимательный взгляд на тех союзников, которых пытаются увязать вместе создатели РИНЦ, поможет увидеть, насколько успешным станет действие сети.

Попытки создания национальных индексов цитирования являются прекрасным примером ограничения протяженности и прочности сети, когда идеи бесплатны, но национальный бюджет должен за все это платить [Хархордин 2006: 39]. Распространение во времени и пространстве черных ящиков должно быть оплачено фантастическим увеличением количества элементов, связанных вместе в единую сеть. Случай разработки РИНЦ показывает, что иногда более выгодно создать новую сеть, чем пытаться протянуть старую коалицию актантов. Так, ISI¹ покрывает совсем небольшую часть российских журналов: всего в базе представлено около 70 российских журналов, тогда как американских, например, около 1500, т.е. почти 40 % от общего числа индексируемых журналов [Отчет 2005: 9]².

Соответственно ISI является недостаточно протяженной сетью, чтобы охватить другие страны. Даже когда она пытается охватить большее пространство, выдвигаемые требования — метрология собственного изобретения — являются зачастую невыполнимыми. Так, ISI ставит достаточно твердые требования для журналов, включенных в индекс: строгая регулярность выхода издания, наличие англоязычной версии для библиографии и, крайне желательно, аннотации статей. Те журналы, которые отклоняются от этих условий, могут быть исключены из базы. Издания, которые когда-то преодолели сложный квали-

---

¹ На мировом рынке научной информации представлены два главных индекса цитирования. Известный продукт Института научной информации в Филадельфии (ISI) покрывает более 8700 изданий на английском и отчасти на немецком языках. С недавнего времени его конкурентом является индекс компании Elsevier под названием «Scopus». Он обрабатывает более 15 000 действующих журналов. И в первом, и во втором явно доминируют публикации на английском языке.

² То же можно наблюдать в случае создания китайского индекса научного цитирования. Статья о создании китайской национальной базы начиналась с горькой констатации: «Несмотря на то что Китай занимает пятое место в мире по населению, а количество исследователей составляет не менее 925 000 человек в год (третье место в мире после США и России), китайские публикации в SCI никогда не составляли более 5 %» [Wu 2004: 335].

фикационный порог, необходимый для функционирования сети, могли из-за непредсказуемого финансирования не справиться с требованиями и прервать ISI-представление [Терехов и др.].

Проект РИНЦ был осуществлен в ответ на заказ **государства** в области науки и техники — создание объективных оценок деятельности ученых. В 2005 г. Федеральное агентство по науке и инновациям объявило конкурс «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных Российского индекса цитирования», головным исполнителем которого стала Научная электронная библиотека. Оказавшись в ситуации, когда необходимо разработать собственный индекс цитирования, а по сути — создать новую сеть, разработчики РИНЦ пошли по пути увязывания максимального количества союзников, как заинтересовывая необходимых актантов, так и оказывая на них административное давление.

Категория интереса показывает, что акторы из множества потенциальных возможностей выбирают то, что помогает им достичь целей; в нашем случае побеждает тот, чей путь окажется наиболее соответствующим интересу государства, которое становится важнейшим звеном в сети. В основном оно участвует через существование государственных стандартов, регулирующих научную деятельность на разных уровнях. Например, журналы, попадающие в базу данных, должны выбираться из списка, подготовленного ВАК; при создании рубрик используется Государственный рубрикатор научно-технической информации; оформление библиографии, которое и дает возможность создания индексов, также регулируется стандартами. Таким образом, практически во всех узловых моментах мы видим присутствие государства.

Создателям базы цитирования необходимо не только увязать интересы союзников и свои собственные, но и осуществлять за ними контроль, чтобы сделать их действия предсказуемыми [Latour 1997: 121]. Для функционирования индекса цитирования необходимо, чтобы выполнялся ряд требований. В первую очередь все статьи должны быть снабжены библиографиями, на основе которых создается индекс цитирования. Если авторы не будут составлять библиографию, а редакторы печатать ее, то невозможно будет создание никакого индекса цитирования. В первом случае за правильным составлением ссылок следит не столько редакционная политика, сколько само сообщество через нормы научного цитирования. Во втором случае создателям индексов цитирования уже пришлось приложить усилия для того, чтобы заинтересовать **редакторов** в выполнении их требований.

Например, в прошлом многие китайские журналы с целью снижения стоимости издания журналов ограничивали авторов в пространстве для библиографического аппарата. Редколлегии устанавливали лимит количества сносок, некоторые редакторы даже удаляли ссылочный аппарат, указанный автором. Функционирование CSTPC¹ привело к тому, что включение в список журналов, реферируемых базой, стало достаточно престижным. И если редакционная политика не обеспечивала полную пристатейную библиографию, то у журнала не оставалось шансов попасть в этот список. Узнав об этом, работники CSTPC могли даже исключить журнал из уже существующего списка [Wu 2004: 392].

Таким образом, действует схема, когда для редакторов журналов становится выгодно попасть в информационную базу, что дает видимые бонусы. Поэтому важно удерживать интересы всех союзников вместе, иначе они могут рассеяться, каждый в своем направлении. Сила сети состояла в том, что после того, как союзники выполнили требования создателей этой базы, у их не осталось возможности отступить назад. В результате их действия становятся контролируемыми и предсказуемыми.

В проекте разработки РИНЦ работа с издателями журналов также занимала важное место: специальные действия были направлены на создание интереса со стороны издателей. Руководителям журналов, входящих в список ВАК, были разосланы письма, где объяснялись преимущества их включения в РИНЦ: более широкое распространение информации о журнале; повышение цитируемости публикуемых в нем статей; рост авторитета и привлекательности для авторов и как следствие — увеличение подписки [Отчет 2005].

Включение издательств в сеть является одним из узловых моментов, на чем строится вся цепочка действий. Сейчас создатели РИНЦ обладают единственным способом получения электронной версии журнала — через непосредственный контакт с издательством с просьбой присылать оригинал-макет издания в электронном виде. Некоторые другие соображения авторов проекта говорят о том, что они не всегда надеются убедить необходимых союзников, в иных случаях они стремятся навязать им этот интерес с помощью административных мер. Например, в дальнейшем планируется, что импакт-фактор журналов может повлиять на принятие решения об их включении или исключении из списка ВАК [Отчет 2005: 15].

---

¹ CSTPC — China Scientific and Technical Papers and Citations.

Набор актантов, действующих внутри сети по созданию индекса цитирования, захватывает и **ученых**, которые должны сами пополнять базу данных. Авторы и авторизованные представители научных организаций могут добавлять в единый реестр научных публикаций (ЕРНП) информацию по собственной инициативе, а также вносить в нее коррективы, с последующим контролем со стороны администраторов системы. И здесь разработчики также предлагают не столько заинтересовать ученых, сколько обязать их через более жесткие способы стимуляции.

В первом варианте предполагается, что авторы будут осведомлены о том, что уровень государственного финансирования, вероятность получения грантов, победы в конкурсах, присвоение премий, званий будут зависеть в том числе и от оценок РИНЦ. Если же это не подействует на ученых, то можно обеспечить обязательность наличия списка публикаций в ЕРНП как необходимое условие при подаче заявок на различные конкурсы или отчеты по государственным контрактам и программам [Отчет 2005: 28–30].

Реконструкция сети, создающей российский индекс цитирования, была бы не совсем полной, если бы я не закончила свое повествование вниманием к **неживым актантам** — IT-технологиям, мощным процессорам, компьютерной технике и сети Интернет. Без их успешного функционирования невозможно было бы собрать разрозненные ссылки вместе, создать информационную базу, фиксирующую колебания в паттернах цитирования. И здесь нет отличий между национальными базами: все они построены на основе мощных компьютерных технологий¹.

Разработчики РИНЦ попытались учесть опыт уже существующего взаимодействия между техникой и человеком, характерного для западных аналогов. Традиционный подход, используемый в SCI, основан на взаимодействии механизмов и людей — операторов. Все начинается со сканирования и распознавания всех выпусков обрабатываемых журналов. Затем оператор в ручном режиме выделяет в тексте название

---

¹ Такая ситуация казалась невероятной еще несколько десятилетий назад. В статье М. Лианшенг [Liansheng 2000] можно найти замечательное описание условий создания китайских библиографических баз (в том числе и индекса цитирования). До 1990-х гг. существовали лишь теоретические разработки, ситуация поменялась коренным образом в начале 1990-х, когда появились новые технологии и компьютерная система стала постоянно улучшаться (например, была установлена компьютерная телекоммуникационная сеть, подключенная к Интернету). Только тогда многие библиотеки и информационные центры получили возможность установить компьютерное обеспечение и стали создавать собственные базы данных.

статьи, авторов, адрес, номер тома, страницы и т.д. и копирует эти данные в поля базы данных, так же обрабатываются библиографические ссылки к статье. Автоматически в базе данных проверяется библиографическое описание для каждой ссылки, и если она уже имеется, это засчитывается в ее счетчике цитирования.

Создатели РИНЦ назвали такой процесс обработки публикаций чересчур трудоемким, где слишком многое делегируется человеку, что создает дополнительные возможности появления ошибок в базе данных [Отчет 2005: 17]. В целом их усилия по модификации системы были направлены на минимизацию участия человека/оператора в процессе обработки публикаций, ведь на него не всегда можно положиться (в отличие от механизмов)¹. В идеале система должна быть «самообучаемой»: обращаться к оператору, только когда она не может принять самостоятельного решения.

***

Безусловно, эта небольшая попытка рассмотреть действующих вместе союзников внутри сети по созданию российского индекса цитирования не является исчерпывающей. Но она полезна уже тем, что мы увидели не столько намерение разработчиков проекта завоевать интерес необходимых союзников, сколько стремление обязать их участвовать в сети, воспользовавшись широкими возможностями административных рычагов². Автор предполагает, что использование административных рычагов, застрагивающих личную выгоду ученых, сможет превратить индекс цитирования в неотъемлемую часть академического мира, что с некоторыми модификациями превратило бы его в надежный символ академического статуса.

Для этого необходимо, чтобы институциональное регулирование касалось не только участия авторов и редакторов в создании индекса цитирования, но и некоторых особенностей публикации научных материалов. Прежде всего действия должны быть направлены на разрушение цепочки, когда ученые публикуются в издании «своего» института и ссылаются на своих же коллег, что препятствует обширным интеллектуальным обменам.

---

¹ Подобные рассуждения авторов проекта являются замечательной иллюстрацией тех преимуществ, которыми обладают механизмы по сравнению с человеком. Подробнее см.: [Латур 2003].

² Вероятно, такая стратегия вызвана и материальными соображениями (например, участие и ученых, и издательств может заметно снизить издержки по созданию библиографической базы).

В ином случае не сложно предугадать инерцию журнальной системы, ведь и авторы, и редакторы заинтересованы в институциональной концентрации авторства в журналах, что значительно сокращает издержки. Авторы могут быть уверенными, что у них всегда будет место для публикации, а редакторы — в том, что в журнале не останется пустых страниц¹.

Видимо, тогда нужно создать такие ограничения, игнорирование которых приводило бы к значительным потерям в продвижении академической карьеры. Замыслы создателей российского индекса цитирования оставляют надежду о том, что они движутся в верном направлении, как бы всем нам ни было неприятно сталкиваться с институциональным давлением.

Библиография

- Тощенко Ж.Т.* К читателю // Социологические исследования. 1997. № 12. С. 3–5.
- Латур Б.* Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестн. МГУ. Сер. «Философия». М., 2003. Вып. 3. С. 20–39.
- Отчет о научно-исследовательской работе (промежуточный) по теме «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса цитирования». М., 2005. <<http://elibrary.ru/projects/citation/docs/report.doc>>.
- Терехов Л.М., Мирабян Л.М., Мамаев В.Л.* Комплексный подход к оценке развития научного направления с использованием компьютерных баз данных. РФФИ. <http://www.rfbr.ru/default.asp?doc_id=4420>.
- Хархордин О.* Предисловие редактора // Латур Б. Нового времени не было. СПб., 2006. С. 5–56.
- Latour B.* Science in Action. Cambridge, 1997.
- Liansheng M.* Document Database Construction In China In the 1990s: a Review of Developments // The Electronic Library. 2000. 18 (3). P. 210–215.
- Wu Y.* China Scientific and Technical Papers and Citations (CSTPC): History, Impact and Outlook // Scientometrics. 2004. 60 (3). P. 385–397.

¹ В ином случае, посылая свою статью в журнал другой институции, автор совершенно не уверен, что ее действительно опубликуют, тем более что рассмотрение статьи зачастую занимает значительное количество времени. Редакторам также достаточно затратно искать авторов из других городов и организаций, что становится особенно важно в ситуации минимального финансирования изданий, жалобы на которое часто можно найти в редакторских заметках.

ДЖЕЙН ЗАВИСКА**Комментарий к статье
Михаила Соколова**

Для того чтобы оценить состояние российской социологии, Соколов выстраивает типологию академических статусных систем — анархическая и неконсолидированная VS построенная на договоре и консолидированная. Российская социология является анархическим образованием, порождающим статусные символы, которые не являются универсально признанными и распределяемыми на основе заслуг. Соколов завершает статью, задавая вопрос (и не давая ответа) о том, как российская социология и академический мир в целом могли бы выстроить статусные символы, которые награждают таланты и достижения, а не финансовые приобретения или иные неинтеллектуальные рычаги влияния.

С точки зрения Соколова, примером подобной консолидированной системы оказывается американская социология. Это предполагает, что российская наука об обществе выиграла бы от заимствования, по крайней мере, некоторых аспектов американской системы (хотя перенос академической системы целиком едва ли был бы желательным или возможным). Цель моего ответа Соколову — более детально объяснить статусный порядок американской социологии и предложить свою точку зрения на преимущества и недостатки рыночной логики, управляющей распределением символических благ.

Согласно Соколову, ключевой проблемой российской социологии является возникновение местных монополий на статусные символы, что мешает появлению общенационального консенсуса по поводу того, как оценивать научный потенциал и достижения. Существуют три основные причины этого положения дел: институциональная изоляция, ограниченная географическая мо-

бильность, а также обмен статусных символов на деньги и другие формы неакадемического капитала.

Эти проблемы являются относительно редкими в Соединенных Штатах, где социология и другие академические пространства организованы на общенациональном уровне, а успех зависит от конкуренции на общенациональном рынке рабочих мест, возможностей публикации, грантов и премий. Рыночная логика встроена в дисциплинарный дискурс: научные руководители советуют учащимся, правильно ли сейчас «выходить на рынок рабочих мест»; главы отделений говорят недовольным преподавателям, что о повышении заработной платы невозможно говорить без «предложений извне»; комиссии, нанимающие на работу, обсуждают «рыночную привлекательность» тех или иных кандидатов на рабочие места на основе списков публикаций.

Рынок позиций. Как поддерживается функционирование этого национального рынка? Целый ряд институциональных структур мешает возникновению локальных картелей и децентрализует властные функции по оценке академических достижений. Процесс начинается на уровне приема аспирантов; здесь и факультеты, и учащиеся состязаются за позиции исходя из формализованных оценок качества. Оценки, полученные учащимися за GRE (Graduate Record Examination), общенациональный стандартизированный тест, являются основой для первого шага в решении факультета о приеме. Учащиеся, в свою очередь, полагаются на общенациональные оценки качества программ для того, чтобы оценить престиж того или иного факультета и решить, стоит ли подавать туда документы¹.

Ведутся споры по поводу того, насколько точно эти показатели измеряют интеллектуальное качество программы или кандидата. Играть роль и другие факторы, причем большое влияние оказывают рекомендательные письма от известных ученых. Процесс базируется на консенсусе высокой степени, поскольку те же самые студенты стремятся подать документы и быть принятыми институциями, обладающими сходными статусами, что ведет к интенсивной конкуренции среди преподавателей за уже принятых студентов².

¹ Наиболее важная общенациональная оценка проводится Национальным исследовательским советом Национальной академии наук, который предлагает оценки факультетов по дисциплинам приблизительно каждые десять лет (новые оценки должны появиться в конце 2008 г.). Методику оценки и основания можно найти на сайте: <<http://www7.nationalacademies.org/resdoc/index.html>>.

² Отметим, что благодаря National Resident Matching Program <nrmpp.org> медицина в США обладает формализованной системой, нацеленной на достижение оптимального равновесия. Студенты-медики предлагают свой выбор самых лучших мест для прохождения ординатуры,

Сходным образом функционирует общенациональный рынок профессоров. Как правило, сведения о вакансиях распространяются через бюллетень Американской социологической ассоциации, причем сроки подачи документов и проведения интервью расписываются таким образом, чтобы кандидаты и факультеты могли собрать максимальное количество информации и набрать максимальное количество вариантов. Кандидаты-докторанты понимают, что скорее всего им придется переезжать, если они захотят работать профессорами, поскольку для американского университета крайне нетипично нанимать на работу того, кто получил докторскую степень в данном университете. Это позволяет избежать видимости nepoтизма, порождает стимулы для приобретения статусных символов, обладающих общенациональным хождением, а также поощряет интеллектуальный обмен, поскольку молодые ученые должны начинать свою карьеру в новом окружении.

Моя собственная траектория является типичной: мои студенческие годы прошли в Нью-Йорке, докторскую степень я получила за 5000 км от Нью-Йорка, в Беркли, затем вернулась на восточное побережье, получив постдокторскую позицию в Северной Каролине, после чего последовала доцентура в юго-западном штате (в Аризоне).

Рынок публикаций. Конкуренция за публикационные пространства также организована на общенациональном уровне, что предотвращает институциональную изоляцию журналов, которая наблюдается в России. Редакционное лидерство в «American Sociological Review», ведущего журнала по социологии, периодически переходит к новой институции, отбираемой комиссией Американской социологической ассоциации (например, в настоящее время издание готовится в Ohio State University, а несколько лет назад это происходило в University of Pennsylvania).

Даже самые маленькие региональные журналы, которые не могут подвергать ротации свою институциональную базу, стремятся улучшить свой статус, набирая географически пестрые редакционные коллегии, списки рецензентов и текстов, предложенных для публикации. Авторы стремятся не печататься в журналах, которые готовятся в тех же самых институциях, поскольку кураторы тех или иных наград и позиций могут не принять в расчет публикации, по поводу которых есть подозрение во «внутренней работе».

в то время как факультеты указывают свои параметры для тех, кого они хотят видеть ординаторами, и на основе этих данных при помощи компьютерного алгоритма каждый год студентов приписывают к факультетам, пытаясь максимизировать совпадение предпочтений на общенациональном уровне. Участие зависит от согласия с результатами состязания.

Общенациональная интеграция рынка различных наград поддерживается тем, что кураторы полагаются на «внешние отзывы» в оценке качества рукописей, заявок на гранты и кандидатов на работу. Журнальное или книжное издательство считается научным, если оно «рецензируется равными», т.е. если издатели стремятся получить рецензии от общенационального (а часто и международного) сообщества ученых, являющихся экспертами в этой области знания¹.

Сходным образом институции, распределяющие гранты, вроде Национального научного фонда (National Science Foundation), для того чтобы оценить заявки, приглашают внешних экспертов. «Внешние» отзывы являются исключительно важными и для продвижения кандидата, и для решения о предоставлении постоянных мест (tenure decisions)². Цель внешнего отзыва во всех этих процедурах двойная — помочь неспециалистам оценить качество работы в области, с которой они могут быть незнакомы, и воздать должное достижениям, которые получают широкое признание вне рамок институции, с которой связан кандидат.

Честность процесса рецензирования подкрепляется тем, что отзывы являются «слепыми», т.е. идентичность рецензентов (и авторов в случае публикаций) остается конфиденциальной информацией. Анонимность отзыва предоставляет рецензенту возможность критиковать рукописи или заявки без опасения обвинений со стороны недовольных, а также дает относительно неизвестным ученым шанс получить возможности для продвижения на основании только их работ. Кроме того, анонимность отзывов позволяет избежать дискриминации, оставляя половую принадлежность, этничность, возраст и позицию, зачисляемую кандидатом, неизвестными для рецензентов.

С моей точки зрения, описанные выше особенности американской академической системы функционируют очень хорошо, что позволяет выстраивать общенациональный консенсус по поводу статусных маркеров, а также гарантировать, что на-

---

¹ Ученые пишут отзывы бесплатно, на добровольной основе в качестве гражданского долга, а также в качестве возможности повлиять на то, что публикуется. Редактор комбинирует эти отзывы (обычно 2–4 на каждую представленную работу) со своим собственным суждением, вынося решение о том, принять ли к публикации ту или иную статью, отвергнуть ее или потребовать изменений. Затем редактор пишет письмо, объясняющее логику своего решения, а также предоставляет авторам копии внешних отзывов.

² Американская система предполагает, что после испытательного периода, длящегося обычно 6 лет, доценты проходят процедуру оценки, в результате которой выносится решение о предоставлении им постоянного рабочего места. Рекомендации вырабатываются благодаря голосованию факультета, в зависимости от одобрения декана и президента университета. Еще до факультетского голосования ученых из других институций просят написать письма, оценивающие качество работ кандидата и их влияние. Эти письма становятся основой оправдания решений для администрации более высоких уровней.

грады будут распределены на основе оценок академических достоинств, а не финансовых возможностей или личных связей. Естественно, всегда существуют возможности злоупотреблений, однако репутационные риски являются высокими, а кроме того существует целый ряд проверок и противовесов. Конечно, эти механизмы сами по себе не дают объективных критериев для оценки достоинств или качества. Все, что они могут сделать, — это способствовать тому, чтобы оценки достоинств были главным базисом распределения ресурсов и наград.

Теперь позвольте мне указать на некоторые дисфункции американской системы: исключительный вес географической мобильности, устойчивость бессознательной предубежденности в оценке достоинств, а также низкий уровень консенсуса, касающийся конкретных индикаторов достоинств.

Мобильность и способность к передвижениям. Соколов приписывает отсутствие консолидации академического пространства России отчасти ограниченной географической мобильности, что способствует возникновению местных монополий и мешает ученым инвестировать в статусные символы, которые обладают весом за пределами их географических локусов.

Ситуация в Соединенных Штатах представляет собой другую крайность. «Рыночная привлекательность» является главной валютой в приобретении ресурсов в американских исследовательских центрах, а главным символом рыночной привлекательности оказывается приглашение перебраться в другую институцию. Как правило, ученые выходят на рынок труда по крайней мере дважды в течение своей карьеры — в поисках своей первой доцентуры, а также в тот год, когда решается вопрос о получении ими постоянного места, — и в том и в другом случае для того, чтобы обезопасить свою позицию и в надежде получить многочисленные предложения, которые можно использовать для того, чтобы торговаться по поводу лучшего «стартового пакета» (зарплата, финансирование исследований, а также преподавательская нагрузка).

Ученый может использовать на всем протяжении своей карьеры так называемые внешние предложения для того, чтобы выторговывать разные прибавки и льготы. Поскольку американский рынок труда является общенациональным, ученые ориентируются на приобретение признанных символов достоинств, что делает их более привлекательными в рыночном отношении.

Идеализированный рынок позволяет эффективно сравнивать ученых и позиции на основе достоинств. Однако американский рынок труда является одновременно неэффективным

и нечестным благодаря тому весу, которым наделяется географическая мобильность. Ученые вынуждены подавать документы на получение работы даже тогда, когда у них на самом деле нет намерений переезжать, только для того чтобы подтвердить свою рыночную привлекательность. Факультеты тратят значительное время и деньги в усилиях по найму, оплачивая авиаперелеты кандидатов для интервью, а также угощая их роскошными обедами, и все только для того, чтобы через некоторое время понять, что они являются лишь пешками в местной игре. Это означает, что наниматели пытаются перед назначением интервью или предложением работы оценить, насколько готовым к переезду является кандидат.

Тот, кто хочет переехать, кажется таковым или способен на это, является, таким образом, более «рыночно привлекательным», в то время как привязанных географически не приглашают к участию в игре. Готовность к переезду связана не с академическими достоинствами, а с семейной структурой и жизненными обстоятельствами. Например, развод является удачным моментом: если известный ученый развелся, предложения работы могут буквально посыпаться на него. И наоборот, люди с детьми школьного возраста представляются менее готовыми к переездам. Имеет значение и то, чем занимается супруг(а): люди, чьи супруги не работают или работают в областях, где работы много (например, школьные учителя, врачи, администраторы), кажутся более перспективными для переезда.

Значимость, которой обладает готовность к переезду, ставит в особенно невыгодное положение женщин, чьим мужьям, как правило, труднее переехать; кроме того, считается, что женщины не очень хотят перевозить детей. Таким образом, внешние факультеты не столь охотно поощряют заявки на работу, приглашают на интервью или предлагают рабочие места, а факультеты, на которых женщины работают, едва ли готовы создавать им выгодные условия и удерживать их от выхода на рынок труда. Меньшие возможности продемонстрировать рыночную стоимость означают меньшее количество ресурсов: женщины в Соединенных Штатах с меньшей вероятностью, чем мужчины, получают постоянные позиции, они получают меньшую зарплату, обладая тем же статусом, что и мужчины, а также менее вероятным является получение ими институциональной поддержки в карьере, вроде финансирования исследований или уменьшения преподавательской нагрузки¹.

¹ Конкретные свидетельства см. в серии отчетов исследовательской программы Американской социологической ассоциации о состоянии дисциплины. <http://asanet.org/cs/root/leftnav/research_and_stats/research_index_page>.

Это не значит, что устранение препятствий для географической мобильности не является хорошей идеей, — улучшение ситуации с жильем в России является долгим путем к этой цели. Однако ограничения, касающиеся мобильности, всегда будут существовать из-за семейных проблем и жизненных обстоятельств. Тем не менее последствия можно смягчить. Главы факультетов должны не так жестко полагаться на внешние предложения как на индикатор ценности на академическом рынке, больше обращая внимания на другие достижения (список публикаций, индексы цитирования, премии и гранты), которым не мешает география. А кураторы общенациональных премий и грантов могут облегчить исследовательскую работу талантливым людям, которые занимают места ниже своего уровня и не могут переехать в места, оптимальные для исследования.

Неосознанная предубежденность. Ограниченная географическая мобильность является только одним из факторов, объясняющих отставание женщин по сравнению с мужчинами в академическом мире. Быть может, женщины менее продуктивны, чем мужчины, просто из-за большего круга семейных обязанностей. Тем не менее большое количество исследований показывает, что это в лучшем случае только часть истории. Неосознанная предубежденность отчетливо играет свою роль в распределении академических наград, несмотря на добрые намерения кураторов. «Сообщества старых знакомых», состоящие из известных ученых, которые, как правило, являются белыми мужчинами, более заметны, обладают большей «видимостью» в академическом мире и, таким образом, имеют больше возможностей для того, чтобы монополизировать статусные символы.

Эксперименты показывают, что решение женщинами и представителями меньшинств определенных задач оценивается ниже, чем мужчинами или доминирующими этническими группами, даже если объективная ценность работы остается той же. Исследования, посвященные академическому миру, обнаружили вездесущую предубежденность, которая проявляется во всем — от рекомендательных писем до практики приема на работу и восприятия обязательств по отношению к науке.

Подобные проблемы не затронуты в статье Соколова и могут показаться вторичными в системе, где отсутствует базисная консолидация. Я хочу сказать, что консолидация сама по себе не является гарантией эффективности или честности, как демонстрирует американская ситуация. Стабильность и консенсус могут достигаться, хотя при этом дискриминационные предпосылки относительно достоинств продолжают существо-

вать. Рынок сам по себе не решает этой проблемы, несмотря на знаменитое предсказание экономиста Милтона Фридмана о том, что дискриминация исчезнет под влиянием капитализма в силу своей неэффективности.

Практика анонимных отзывов помогает. Например, одно исследование показало, что женщин охотнее нанимают в симфонические оркестры, если музыканты, участвующие в конкурсе, скрыты во время прослушивания занавесом. Американские университеты пытаются использовать целый ряд добавочных стратегий для того, чтобы решить проблему неосознанной предубежденности, — от специальных тренировочных семинаров по толерантности до льгот расовым меньшинствам при приеме на работу. Некоторые из этих стратегий потенциально могут быть адаптированы российскими университетами без того, чтобы ожидать широкой консолидации статусной системы¹.

Измерение достоинств. Будучи по определению консолидированным полем, американская социология обладает высоким уровнем консенсуса относительно того, какие факультеты, ученые, журналы и награды являются лучшими. Однако любой индикатор достоинств может быть оспорен. Как показывает Соколов, американская социология организована как свободная конфедерация, в которой широко признанными являются статусные символы, однако доля, которая приходится на различные субдисциплины, а также критерии, оперативные внутри этих субдисциплин, варьируются. Это заставляет обратить внимание на просто сконструированные показатели, вроде того, сколько раз автора процитировали другие, в качестве меры влияния. «Показатели воздействия» журнала также рассчитываются как агрегат цитат².

Эти замеры, конечно, что-то измеряют — если тебя не цитируют, значит, твои работы не очень или совсем не влиятельны, тогда как высокий уровень цитации и означает влиятельность. Между тем корреляция между уровнем цитации и существенным воздействием работ того или иного автора не представляется линейной. Множество цитат является чисто церемониаль-

¹ Неосознанная предубежденность очень широко исследовалась по отношению к гендеру, однако сходные результаты были получены при исследовании расовых меньшинств. Программа Американского национального научного фонда ADVANCE спонсирует проведение исследований и пилотные программы в нескольких университетах, которые нацелены на улучшение жизни женщин и меньшинств. Рецензии на книги, а также советы о том, как избежать неосознанной предубежденности при формировании профессорского состава, можно найти на веб-сайте программы «ADVANCE» Университета Аризона: <<http://www.advance.arizona.edu/resources.cfm>>.

² Пример оценки социологических журналов замерами, оценивающими влиятельность, можно найти на: <http://incites.com/research/2005/december_5_2005-1.html>.

ным — знаком признания (особенно потенциального рецензента, который может обидеться, не найдя себя в библиографии), не обозначающего подлинной значимости цитируемой работы для данного исследования.

Оценки работы факультетов на основе публикаций и рейтингов цитирования коррелируют только до известной степени с оценками, полученными в результате опросов ученых (например, с оценками, даваемыми National Research Council, US News или World Report). Факультеты среднего уровня, например в Университете Айовы или в Нью-Йоркском университете в Олбани, получают самые высокие оценки, основанные только на количественной продуктивности, тогда как оценка лидирующих факультетов в Гарварде и Беркли стремительно снижается¹. Не удивительно, что факультеты среднего уровня, испытывающие беспокойство по поводу статуса, принимают индексы цитирования гораздо более серьезно, особенно в случае решений о повышении по службе или предоставлении постоянного рабочего места, тогда как самые престижные факультеты обходятся без формальных замеров, отдавая предпочтение неформализованным оценкам влиятельности, основанным на внутренних и внешних рецензиях письменных работ.

С моей точки зрения, слишком большое доверие к индексам цитирования поощряет «безопасные», но не особенно инновационные работы: ученые, продуцирующие массу статей в четко определенном научном пространстве, могут цитироваться в большом количестве, причем эти цитаты будут относительно церемониальными и не свидетельствующими о подлинном влиянии авторов на науку. Престижные факультеты оказываются более благоприятными структурами для рискованных и потенциально более инновационных работ, фокусируясь не столько на количестве, сколько на качестве. Эти высокостатусные факультеты обладают большей уверенностью (или высокомерием) в своей способности оценивать качество, не прибегая к формализованным измерениям.

Вероятно, невозможно достичь консенсуса о том, как измерять качество, — особенно в социологии, которая, как указывает Соколов, является диффузным и неоднородным полем. Быть может, лучше всего считать достоинство латентной переменной — подверженной одновременно ошибкам в измерении и проблемам с надежностью. Использование целого ряда замеров может помочь в выстраивании противовеса ошибкам и спорам, без которых не функционирует ни одна система измерений.

---

¹ <<http://www2.asanet.org/footnotes/feb00/fn02.html>>.

Соколов упоминает, что российское правительство пытается установить подобные индексы для оценки факультетов и журналов. Интересно было бы узнать больше о том, как конструируются эти индексы. Национальная система оценок могла бы стать важным шагом к консолидации российской социологии и других дисциплин в зависимости от двух критериев. Во-первых, принципы оценки должны быть прозрачными и четко связанными с множественными за мерами достижений (например, общенациональные обзоры престижа программ, индексов цитирования, статусность тех учебных заведений, в которых учился аспирант). Во-вторых, необходимы стимулы, которые предполагают, что высокие оценки принесут значимые воздаяния.

Пер. с англ. Аркадия Блюмбаума

ЕЛЕНА ЗДРАВОМЫСЛОВА

Спорадические заметки по поводу статьи Михаила Соколова

Михаил Соколов, обсуждая структуру поля советской социологии, выдвигает два главных тезиса. Первый — отсутствие консолидированного авторитета в современной российской социологии. Второй — низкий уровень качества социологических продуктов (в частности социологического образования) в связи с асимметрией обменов между курирующими группами и претендентами на символы социологического поля.

Первый тезис подтверждается исследованиями фрагментации социологического поля и коммуникативных разрывов между его автаркическими сегментами. Придерживаясь разных представлений о призвании и смысле социологии, занимая разные структурные позиции, российские социологи, по мнению автора, не в состоянии выдвинуть единые критерии оценки профессионализма. Этим они ставят государственных чиновников в затруднительное положение. Чиновник не знает, кому дать деньги и как повысить международный статус российской социологии. Все это происходит потому,

**Елена Андреевна
Здравомыслова**
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Центр независимых
социологических
исследований,
Санкт-Петербург

что в самой российской социологии царит анархия, приводящая к отсутствию дисциплинарного единства.

Позиция растерянного чиновника описана автором очень убедительно. Конечно, именно государственное око не может смириться с отсутствием единства в социологических рядах. Но мне представляется, что фрагментация социологии — дело не сугубо российское. С удивительной регулярностью, соответствующей смене поколений, социологи во всем мире обсуждают проблемы кризиса науки, разбираются с дилеммами ангажированности/автономии, транснациональности/локальности социологического знания, дисциплинарной чистоты/междисциплинарности. Вопрос о теоретическом многообразии и отсутствии единого социального нарратива решен положительно и бесповоротно. Питер Бергер уже никого не приглашает в социологию, а, напротив, сетует на утрату основных принципов социологического исследования в США. Создается впечатление, что саморефлексия социологов постоянно ставит под сомнение легитимность научных знаний об обществе. Вслед за С. Эйзенштадтом мне кажется это характерной чертой социологического знания.

Но, конечно, трудно не заметить российскую специфику. Институционализация российской социологии была непростой, чрезвычайно длительной, событийно насыщенной, в критической степени зависимой от политических поворотов российской истории XX в. С конца 1980-х появились социологические факультеты, стало постоянно расти число выпускников, но преподавателями по-прежнему оставались люди, в большинстве своем не получившие профессионального социологического образования. Все еще преподают социологию в большинстве своем автодидакты (за исключением пары десятков выпускников западных вузов). Быстрая институционализация социологического образования привела к разрыву между численностью свободных вакансий и квалифицированных кадров. Оттого социологическое образование в основных вузах и оказывается до сих пор не соответствующим стандартам.

Мне представляется, что рассуждение об авторитетах можно продолжить следующим образом.

Идеально консолидированное дисциплинарное сообщество (рис. 1), как и предполагает автор статьи, — абстрактная модель. Никакая общественная наука не соответствует ей. А российская, обремененная давлением политической и экономической конъюнктуры, и подавно. Стратегии рядовых игроков социологического поля постоянно ориентированы на полити-

ческие и экономические условия и предпочтения. Что называется «не до жиру». В борьбе элит, наблюдаемой в нынешней ситуации, «массы» остаются в стороне. Они ориентированы прагматически. И будут поддерживать сильнейших, тех, кто победит в конфликте «консерваторов» и «реформаторов». Но все-таки мы знаем социологов, которые действуют, исходя из представлений о своем профессиональном долге, а не по мотивам материальной выгоды или политической лояльности. Это связано с тем, что мотивы творческой деятельности — а именно такой деятельностью занимаются социологи-профессионалы — не исчерпываются ни социальным, ни государственным заказом, ни стремлением к высоким заработкам, которые все равно в науке гораздо ниже, чем в бизнесе. В социологии что-то есть от науки — любовь к знанию, выявление интересубъективной правды (термина «истина» я избегаю), сравнительно низкие зарплаты.

Мне представляется, что необходимо выделить формальные критерии престижа, признанные в социологическом поле, и неформальные, которые могут либо противоречить первым, либо усиливать их. Формальные критерии — именно те, которые помогают учесть наукометрические данные. Это должности, степени, число публикаций в реферируемых журналах. Они, конечно, важны. На них ориентируется наш чиновник.

Но мы живем в обществе, где все формальные критерии вызывают сомнение, — это часть нашего институционального недоверия, усугубленного профессиональным сомнением исследователя.

Ранжирование позиций в дисциплинарном поле опирается на сложные процессы приписывания статусов, которые не исчерпываются чисто наукометрическими критериями. Репутации создаются не только степенями и публикациями (хотя эти параметры нельзя сбрасывать со счетов). Смею предположить, что специфика российской ситуации и заключается в том, что обычные наукометрические параметры недостаточны. Важно ли для репутации, где защитился социолог? Далеко не всегда. Значимо, пожалуй, различие — дома или за рубежом... А где дома — Саратов, Петербург, Московский университет — об этом даже не спрашивают... (а где за рубежом — Беркли или заштатный университет; кроме того, дома место защиты при нынешних коррумпии и блате действительно не имеет значения).

Важно ли, в каком журнале опубликовался — «СОЦИС», ОНС, «СоцЖуре». Да не столь это важно. Журнальные профили у нас невыразительны. А вот если в AJS... Тогда это что-то! Важно ли, в каком издательстве вышла социологическая книга? Пока

нет — пока репутации всех этих институций тоже не очевидны, не кристаллизировались, так сказать, или носят сомнительный характер. И ясно, что существует некий эффект статусной неконсистентности: формальный показатель — должность, число публикаций, степень — может не соответствовать интеллектуальному авторитету... (В журнале «Soziologie» приведены два списка немецких авторов, наиболее публикующихся (цитируемых) в Германии и США, — эти списки практически не пересекаются!)

Неформальные критерии (как и все реально значимое) трудно измерить, но можно к ним приблизиться, используя репутационный метод. Как измерить ядовскую харизму или авторитет И.С. Кона? Конечно, ссылками на их работы. Но кажется, этого недостаточно. Важно то, кто с одобрением отозвался о Коне, в каких категориях охарактеризовали его деятельность — как просветителя или как администратора... Поэтому нам так важны для понимания динамики поля российской социологии материалы архива профессиональных биографий социологов, который собрали Борис Докторов и Дмитрий Шалин.

Репутационный метод состоит в опросе экспертов по определенным методикам. Экспертами в данном случае должны являться сами социологи — их отбор тоже спорная процедура. Предполагаю, что мы опять получим несколько фрагментов поля, несколько сильно различных иерархических списков, что само по себе нормально.

Второй мой комментарий связан с проблемой асимметрии обменов между курирующими группами, которые распределяют позиции в поле социологии, и искателями символов. Эта асимметрия встроена в правила игры на социологическом поле. Курирующие группы в силу иерархической позиции обладают большим символическим весом. Но что заставляет их следовать принципам справедливости, а не ориентироваться на наживу и не злоупотреблять статусным доверием? Наверное, залогом может служить профессиональная честь представителей курирующих групп, распределяющих сертификаты, дипломы и прочие символы. Лишь профессиональный этос, консолидирующий сообщество, может препятствовать тому, чтобы исключительно мирские экономические и политические выгоды диктовали поведенческие выборы социологов. А если этот профессиональный этос не сформирован, то защиты от политиканства и рынка нет.

Профессиональный этос формируется долго, несмотря на то что «моральный кодекс социолога» принят в 1988 г. Его формированию препятствуют давление государства и рынка.

На мой взгляд, государство по-прежнему претендует на то, чтобы править бал в распределении символических статусов. Стандарты образования в социологии — государственные. УМО только по названию является автономной ассоциацией. Национальное поле политики диктует свои правила социологам. Молодые социологи, готовя предзащитные статьи, хотели бы публиковаться в «Социологическом журнале» или в «Журнале социальной политики» (и публикуются там), но оба эти издания до сих пор не включены в ВАКовские списки. Авторы вынуждены выискивать другие возможности. Чтобы удовлетворить ВАКовским требованиям, претенденты выискивают провинциальные и относительно дешевые (авторы сами оплачивают публикацию!) издания, практически недоступные профессиональной публике, и таким образом получают доступ к символам. Курирующие группы в нашей ситуации — это УМО и ВАК... А кто там начальники?! Назвать поименно?

Итак, выбирая издание, авторы действуют исходя из принципа экономии «издержек на публикацию». Среди обстоятельств, которые при этом учитываются, — доступность и «ВАКовский статус» издания, протяженность публикационного цикла и проч. Лояльность к политике издания очень редко становится критерием выбора, так как политика журнала далеко не всегда известна молодым авторам, да и выбор социологических периодических изданий невелик. Мотивы публикаций тоже различны. Одни авторы выполняют план академической активности, что является условием обеспечения карьерного роста. Другие публикуются, потому что не могут молчать, потому что им есть что сказать и высказаться надо как можно скорее. О социологически наболевшем... Но журналы, как правило, очень неповоротливы для таких авторов. Для этих целей все более интенсивно используется интернет-пространство, где репутации формируются более независимо.

Что же можно сделать, чтобы избежать злоупотреблений, которые соблазняют власть имущих, т.е. курирующие группы? Как противопоставить их символам что-то иное? (Создать конкурирующую систему символов?) На мой взгляд, само представление о курирующих группах должно быть деконструировано. Ведь озадаченному чиновнику, описанному автором статьи, на самом деле все ясно. У него нет сомнений в том, кого сделать экспертом при формировании госполитики в отношении социальных наук. Он хорошо знает, что к экспертизе должны быть приглашены «социологические генералы» — академики, администраторы социологических учреждений, руководители национальных ассоциаций, на худой конец руководители

исследовательских центров, но только тех, которые являются политически лояльными, чьи взгляды на российское общество и его перспективы соответствуют представлениям партии власти.

Мне кажется, что даже если выделяемые автором структурные условия будут соответствующими, то сами по себе они не гарантируют профессиональной автономии. Структурные обстоятельства, конечно, важны. К ним относятся и разделение на центр и периферию, и низкая степень конкуренции между курирующими группами, т.е. монополизация, и нестабильность ренты, получаемой обладателями символов, и непропорциональные доходы курирующих групп. Но важное структурное условие — отделение социологии от государственной идеологии — в списке этих условий отсутствует. Чиновник должен исходить из того, что социология — это не обслуживание власти. Она должна быть ориентирована на критику общества. Есть и еще одно важное обстоятельство — это формирование профессионального этоса социолога.

Чтобы быть честным социологом, надо что? Надо иметь совесть. А что такое совесть социолога? Неизбежно, что представления о ней окажутся различными у социологов разных мастей. Они диктуются представлениями о том, что такое социология и какую роль она должна играть в обществе, а именно — является ли она идеологией, обеспечивающей осуществление национальных проектов, или критической наукой, ориентированной на деконструкцию механизмов социального исключения.

Монополия официальных кураторов, слава богу, не тотальна. Она сильна в сфере образования, но поколеблена в сфере эмпирических исследований. В социологическом поле с остороженностью относятся к академикам административного призыва, поскольку коллективная память социологов содержит знание об издержках сервильности. Не принадлежащие Академии наук или вузам исследовательские центры имеют больший потенциал политической независимости, чем курируемые министерством. Их престиж как аналитиков достаточно высок и продолжает расти. Сошлемся хотя бы на спрос на аналитику Левада-Центра, который демонстрируют российские медиа.

Сравнение с американской медициной XIX в. приятно, оно обнадеживает. Может, и у нас в российской социологии будет неплохо лет через «-дцать». Но стоит ли уподоблять социальные науки естественным? Та ли логика развития? Таков ли спрос на социологические знания? И что считать таковыми? Есть ли жесткие знания, по поводу которых есть консенсус?

Маленькое замечание. Автор преувеличивает, на мой взгляд, консолидированность советской социологии в 1970-е гг. Фрагментация началась уже тогда. Грубо, но наглядно сформулировал эти различия Батыгин, разделивший социологов, как собак на породы — охотничьи, декоративные и служебные. Далее Фирсов описал разные стратегии взаимодействия социологов с властями. Столь же много свидетельств теоретического плюрализма. Но мне представляется, что самое устойчивое воспроизводящееся разделение в поле российской социологии — это разделение на профессионалов и идеологов (иногда совпадающее с разделением на западников и славянофилов). До тех пор пока эта дихотомия, воспроизводясь в каждом поколении российских социологов, приобретает политический характер, мы не можем ждать консенсуса по поводу авторитетов и манипулирования символами, разделяющими сообщество. Потому что до сих пор основным вопросом российских социологов является вопрос: «Куда идет Россия?», и именно мировоззренческие представления об ответе на него диктуют позицию социолога в отношении к власти.

Как повысить уровень российской социологической науки? Во-первых, необходимо выйти в оценках продукта социологической деятельности за национальные пределы. Одним из формальных шагов в этом направлении будет уравнивание западных и российских академических степеней, уравнивание значимости публикаций в зарубежных и российских журналах, пересмотр рекомендованных ВАКом списков журналов. (Ликвидация ВАК, госстандартов и государственного управления наукой, автономия университетов (каждый со своими стандартами). Тогда, например, возникнет иерархия репутаций университетов — чьи выпускники и чьи степени лучше...)

Во-вторых, нужно было бы развивать другую сторону политической ангажированности социологии — ее критическую ориентацию — и бороться за ее общественное признание. Критическая социология — «совесть социологической науки» — не только отвечает на вопрос о том, как возможно то или иное действие, но и анализирует его немедленные и отдаленные последствия с учетом массы приводящих обстоятельств, последствия которых должны быть учтены, — социальная стабильность, социальная поляризация, социальная интеграция, степень социального исключения.

ТАТЬЯНА ЗИМЕНКОВА

**Проблема консолидации в социологии
вне постсоветского контекста:
ответ на статью Михаила Соколова**

Написать книгу о профессионализации немецкой социологии меня в свое время побудило именно ощущение того, что состояние этой дисциплины на Западе все же как-то отличается от ее состояния в России. В итоге после пяти лет работы и кропотливого анализа я поняла, что заблуждалась. Возможно, дезинтегрированность немецкого социологического сообщества не настолько очевидна. Однако до того состояния, которое Соколов называет «консолидированной научной дисциплиной», ему очень далеко, и, по моему мнению, оно никогда его не достигнет. В этом комментарии я постараюсь сопоставить некоторые результаты моего исследования профессионализации немецкой социологии [Zimenkova 2007] с идеями, изложенными в статье Михаила Соколова.

Оговорюсь, что исхожу из посылки, что социология как таковая, в силу специфики своего предмета, имеет иной путь профессионализации, нежели классические дисциплины, такие как медицина или юриспруденция [Abbott 1988; etc.], хорошо описываемые социологическими теориями профессионализации [Oevermann 1990; 2003; Stichweh 1994; 2000; 2003a; 2003b; 2004; 2005 etc].

Вторая оговорка состоит в том, что я ни в коей мере не хочу сказать, что профессионализация или институционализация дисциплины в Германии и в России происходит одинаковым образом. Мне хотелось бы только указать на некоторые общие аспекты, скорее связанные со спецификой социологии как дисциплины, чем со спецификой развития российской науки или наук в постсоветском пространстве.

Татьяна Викторовна Зименкова
Билефельдский университет /
Центр изучения Германии
и Европы, Германия

Дезинтегрированность немецкой социологии достаточно явственно проглядывает из термина «социологии-через-тире» (Bindest

richsoziologien), описывающего области специализации, такие как социология спорта, городская, гендерная и тому подобные социологии. Внутри этих областей действуют определенные механизмы признания и стандарты качества, которые, впрочем, зачастую признаются только экспертами, принадлежащими к этим группам. То же можно сказать и об образовательных стандартах. Вне этих *Bindestrichsoziologien*, в некоем общем социологическом поле, даже определение предмета дисциплины оказывается весьма проблематичным, что, конечно, негативным образом сказывается на возможности консолидированного представления социологии не-социологам и разработки унифицированной системы социологического образования.

Мой анализ показал, что необходимый набор знаний, кодекс или базисный курс обучения, общепринятый в социологическом сообществе, отсутствует и в Германии. Не представляется возможным точно сказать, что именно изучал человек, получивший диплом социолога, скажем, в Киле, Берлине или Билефельде, даже зная названия пройденных им курсов. Определить это можно, только зная имена его преподавателей, будучи знакомым с их работами и их системой оценки знаний студентов. Одним словом, контроль качества абсолютно не унифицирован¹.

Имея в виду механизмы профессионализации [Oevermann 1990; 2003; Stichweh 1994; 2000; 2003a; 2003b; 2004; 2005], описанные социологами, можно смело сказать, что в самой социологии как профессии они не работают — по крайней мере в Германии. Упомянем хотя бы отсутствие унифицированного образования, критериев контроля качества и механизмов исключения из социологического сообщества. Контроль качества происходит, но только в рамках неформальных социологических объединений (результатом этого контроля может быть завоевание хорошей репутации или исключение из неформального объединения, но, конечно, не из сообщества социологов как такового). Мне не удалось найти сведений ни об одном случае исключения из Немецкого социологического сообщества (DGS²). Возможности официально отказать кому-то в принадлежности к профессиональной социологии и довести эту оценку до сведения не-социологов в Германии не существует (сравнивая эту с ситуацией с юриспруденцией, медициной или даже психологией, мы, вероятно, оценим резкость контраста).

¹ Что, впрочем, как говорят, будет меняться с переходом на Болонскую систему. Будучи сама преподавателем, пока никаких изменений не наблюдаю.

² <<http://www.sozioologie.de/>>.

Примерно такая же ситуация и с социологическим образованием: формальных критериев оценки студенческих достижений не существует точно так же, как не существует унифицированных программ социологического образования — даже для базового уровня. Очевидно, что все это не может не препятствовать консолидации. Обращаясь к истории дисциплины, необходимо сказать, что социология в Германии после Второй мировой войны ощущала острую нехватку кадров, приведшую к тому, что социологическое образование было полностью направлено на восстановление академической среды и возвращение нового поколения ученых [Klima 1976]. Социологов было мало, и получить диплом, место ассистента, а позже и профессора было значительно проще, чем сегодня. При этом образование студенты получали в тесном контакте с руководителем, что закономерно усугубляло фрагментацию дисциплины. Образовывались небольшие группы, обладавшие экспертным знанием и вырабатывавшие свои критерии профессионализма и механизмы признания.

На данный момент социология в Германии стоит перед необходимостью образовывать социологов для не-научной карьеры. При этом связи между социологами в академической среде и вне ее фактически нет, что сильно затрудняет ориентацию социологического образования на нужды практики. Соответственно, социологическое образование до сих пор таково, что студенты готовятся стать учеными и только учеными, зная, впрочем, что это невозможно. Члены Профессиональной социологической ассоциации (BDS¹), единственной в Европе организации, объединяющей социологов, работающих вне академических институтов, вынуждены решать дилемму двойной идентичности, создаваемую необходимостью самоопределения в социологии и невозможностью такого самоопределения вне академического контекста. Немецкая социология, не имея возможности консолидироваться при помощи определения одного, общего для всех предмета дисциплины, предлагает консолидацию вокруг принадлежности к академической среде.

Вопрос прозрачности любой научной дисциплины или профессии для не принадлежащих к ней, также затронутый в статье, есть важнейший вопрос профессионализации. Решение его в социологии представляется особенно сложным. Я полагаю, что в связи с близостью предмета социологии к темам, близким и интересным непрофессионалам [Davis 1994], у нее возникает особенно сильная потребность или даже необходимость обозначить свое знание как особенно сложное, профессиональное

---

¹ <<http://www.bds-soz.de/>>.

и научное (искушение, которому не так часто подвергается, скажем, квантовая физика).

По крайней мере среди немецких социологов одним из таких механизмов является искусственное усложнение языка социологии [Lachenmeier 1971]. Непонятность языка дисциплины выдается за доказательство научности и авторитетности социологического знания. Владение «социологическим языком» является критерием интегрированности в сообщество. Этот феномен, впрочем, сосуществует с желанием быть воспринятым несоциологическими аудиториями, с желанием быть принятым и востребованным несоциологическим сообществом в качестве эксперта.

И тут мы имеем дело с некоторыми очень интересными феноменами, тесно связанными с профессионализацией дисциплины, приобретением и потерей научной репутации, признания коллегами.

Вопрос востребованности обществом и необходимости образовывать студентов не только для научной карьеры рождает необходимость создания социологической профессии, способной существовать вне академической среды, востребованной вне ее и обладающей экспертным, исключительным, социологическим знанием. Немецкая социология, оба ее сообщества, академическое и неакадемическое (DGS & BDS), на данный момент предпринимают попытки позиционировать на рынке экспертных услуг категорию «социологический консалтинг» [Zimenkova 2007]. Этот термин, охватывающий любую неакадемическую деятельность социологов, вряд ли можно назвать четким описанием профессии, но он, по крайней мере, отсылает к некоему профессиональному экспертному знанию. Как бы то ни было, консалтинг возможен, только если общение с клиентами не осложняется социологическим языком. Но отсутствие специального научного языка лишает социологическое знание наукообразности. Отсюда возникает дискурс необходимого перевода: само упоминание перевода есть заявление о научности социологического знания.

В контексте данного комментария упоминание о социологическом консалтинге релевантно, поскольку наблюдаются очевидные попытки консолидировать общую картину социологической профессии для не-социологов, для потребителей социологического знания [Blättel-Mink, Katz 2004; Behrendt 2003; 2004; Alemann von 2002], при этом абсолютная неконсолидированность академической дисциплины остается фактом.

Я не уверена, что социология как таковая может прийти к состоянию идеально консолидированной дисциплины, в силу

невозможности четкого определения предмета этой дисциплины и гетерогенности феноменов, которыми она занимается. Возвращаясь к немецкой ситуации: общенемецкая социологическая организация (немецкое социологическое сообщество, DGS) формально объединяет всех ученых-социологов в Германии (именно ученых, лишь несколько лет назад стало возможным вступление в организацию без степени PhD). Тем не менее конгрессы сообщества не консолидируют дисциплину. Общение на них происходит в основном в рамках тематических секций, где если что-то и происходит, то лишь формализация узких кругов ученых, объединенных одной темой.

Идеальная схема, предложенная Михаилом Соколовым, безусловно, интересна, но если брать две предложенные схемы консолидации дисциплины, то немецкая социология будет находиться где-то посередине между ними. Курирующие группы, *de facto* куда более узкие, чем «социологии-через-тире», продолжают быть основными производителями и потребителями репутаций.

В условиях преобладания социологического образования, ориентированного на академическую карьеру, и одновременно дефицита рабочих мест в академической среде основным механизмом признания социолога в Германии является принадлежность или не-принадлежность к университету или исследовательскому институту. Многие мои респонденты, люди, хорошо устроенные в секторе маркетинга или консалтинга, успешные в финансовом смысле, считали развитие своей карьеры большой неудачей по сравнению с истинным предназначением социолога. Дальше начинают работать (или не работать) другие механизмы признания, не обладающие, впрочем, никакой универсальностью (за исключением публикаций в паре уважаемых журналов). Наличествуют и квазинаучные механизмы, такие как спрос на экспертное знание социолога со стороны правительства, экономики или СМИ. Впрочем, тут сообщество делится на тех, кто считает, что все, что делается не из соображений чистой науки, таковой не является и что любая уступка потребностям рынка (например упрощение научного языка ради его понятности для широкой публики) есть популизм и «оненаучивание» науки [Kühl 2003; 2004; Kühl, Tacke 2003] и тех, кто согласен идти навстречу неакадемической аудитории.

Конечно, такой феномен, как инфляция (репутации вузов, журналов), присутствует, но и она не оформлена никак, кроме слухов (в таком-то университете слабый диссертационный совет, пропускают всех, в таком-то журнале несерьезное рецензирование), и в целом не полностью отнимает у изданий, вузов

и ученых, связанных с ними, статусные символы. Я благодарна Михаилу Соколову за замечание о том, что возможность естественности географической мобильности в сообществе делает его более транспарентным, более консолидированным, стабилизирует символы признания и т.д. Безусловно, в условиях географической мобильности кристаллические символы работают лучше, но сама эта мобильность не есть гарантия их работы.

Исследуя профессионализацию социологии, я поняла, что индикаторы, основные механизмы профессионализации функционируют в этой научной дисциплине совсем иначе, чем во многих других. Отчасти вследствие того, что дисциплина как таковая постоянно ищет и не находит возможности показать эксклюзивность своего предмета исследований или своего подхода к нему [Funken 2000], ее гетерогенность высока настолько, что ожидать консолидации по некоей идеальной схеме не стоит... Мне кажется, что положение, столь правильно и четко описанное в статье Михаила Соколова, является скорее правилом, чем исключением, для социальных наук и что оно определяется не спецификой процессов их трансформации, а самим их предметом.

Библиография

- Abbott A.D.* The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labour. Chicago, 1988.
- von Alemann A.* Soziologen als Berater: eine empirische Untersuchung zur Professionalisierung der Soziologie. Opladen, 2002.
- Behrendt E.* Theorielose Praxis — praxislose Theorie: die Zukunft der Soziologieausbildung // Franz (Hg.) Forschen — lernen — beraten. Berlin, 2003. S. 327–338.
- Behrendt E.* Editorial // Journal Praxis. 2004. Jahrgang 2. Heft 1. S. 4 <<http://www.sfs-dortmund.de/docs/journalpraxis0104.pdf>> (accessed 27.12.06).
- Blätzel-Mink B., Katz I.* Soziologie als Beruf?: Soziologische Beratung zwischen Wissenschaft und Praxis. Wiesbaden, 2004.
- Davis J.A.* What's Wrong with Sociology? // Sociological Forum. Special Issue: What's Wrong with Sociology? 1994. Vol. 9. No. 2. P. 179–197.
- Funken Ch.* (ed.) Soziologischer Eigensinn. Zur «Disziplinierung» der Sozialwissenschaften. Opladen, 2000. S. 5–28.
- Klima R.* Role Conflict and Anomie in German Sociology: Some Problems Confronting West German Sociology as a Profession // Crawford E., Rokkan S. (eds.) Sociological praxis: Current Roles and Settings. Beverly Hills, 1976. P. 67–96.
- Kohl S.* Das Theorie- Praxis Problem in der Soziologie // Soziologie: Forum der Deutschen Gesellschaft für Soziologie. 2003. Heft 4. S. 7–19.

- Köhl S.* Warum sich soziologisches Wissen so schwer in die Praxis umsetzen lässt // Journal Praxis. 2004. Jahrgang 2. Heft 1. S. 7–8 <http://www.sfs-dortmund.de/docs/journalpraxis_0104.pdf> (accessed 27.12.06).
- Köhl S., Tacke V.* Als-ob Professionalisierung in der Soziologie. Überlegungen zu einer «nachhaltigen» Lehre am Beispiel der Organisationssoziologie // Soziologie: Forum der Deutschen Gesellschaft für Soziologie. Opladen, 2003. Heft 2. S. 5–22.
- Lachenmeyer Ch. W.* The Language of Sociology. Columbia, 1971.
- Oevermann U.* Klinische Soziologie. Konzeptualisierung, Begründung, Berufspraxis und Ausbildung. Unveröffentlichtes Manuskript. 1990. <<http://www.uni-frankfurt.de/~hermeneu/Download.htm>> (accessed 27.12.06).
- Oevermann U.* Wissenschaft als Beruf, Einführungsvortrag auf einem Symposium der Studienstiftung. Unveröffentlichtes Manuskript. Frankfurt-am-Main, 2003.
- Stichweh R.* Wissenschaft, Universität, Professionen: soziologische Analysen. Frankfurt-am-Main, 1994.
- Stichweh R.* Professionen im System der modernen Gesellschaft // Merten R. (Hg.). Systemtheorie Sozialer Arbeit. Neue Ansätze und veränderte Perspektiven. Opladen, 2000. S. 29–38.
- Stichweh R.* Genese des globalen Wissenschaftssystems // Soziale Systeme. 2003a. 9. S. 3–26.
- Stichweh R.* The Multiple Publics of Science: Inclusion and Popularization // Soziale Systeme. 2003b. 9. P. 210–220.
- Stichweh R.* Wissensgesellschaft und Wissenschaftssystem // Schweizerische Zeitschrift für Soziologie. 2004. 30. S. 147–165.
- Stichweh R.* Wissen und die Professionen in einer Organisationsgesellschaft // Klatetzki Th., Veronika T. (Hg.). Organisation und Profession. Wiesbaden, 2005. S. 31–44.
- Zimenkova T.* Die Praxis der Soziologie: Ausbildung, Wissenschaft, Beratung. Eine professionstheoretische Untersuchung. Bielefeld, 2007.

АЛЕКСЕЙ ЕЛФИМОВ

О дисциплине, авторитете и прочем

В статье Михаила Соколова много интересного и наталкивающего на размышления. Для российского этнографического (этнологического, антропологического — как угодно) цеха такие статьи вдвойне полезны, ибо этнографический цех (в силу специфики профессионального взгляда, традиционно направленного на «других») в то время, когда он бодрствует, находится в счастли-

Алексей Леонидович Елфимов
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва / Университет Райса,
Хьюстон, США

вом неведении относительно себя самого. Да и вообще, меньше знаешь — спокойнее живешь. Впрочем, как намекает автор статьи, на самом деле в сообществе все всё знают. А еще точнее, не в сообществе, а в сообществах. Ибо и цеха-то как такового нет — производство раздроблено и представляет собой, как и многое другое в нашей стране, постфордистский пейзаж переходного периода с его развалом на местничества, каждое из которых пока что старается выкарабкаться как может.

Действительно, приходится согласиться с автором в том, что «вместо одного общенационального мы имеем множество локальных монополистических рынков», что накладывает характерный отпечаток на проблему академического авторитета. Думаю, однако, что в сегодняшнем российском контексте можно говорить не столько о локальных «рынках», сколько все-таки о локальных «местничествах» (что вроде бы вытекает и из самих рассуждений автора). Вряд ли мы имеем дело с «рынками», поскольку отбор научных кадров ведется, как и отбор мэров, губернаторов и прочих работников мелкого и крупного почина, в большинстве случаев келейно. Местные научные структуры (а сегодня они все — местные) представляют собой псевдокорпорации, в основном служащие интересам их номенклатурного костяка, и свободный отбор в них видится опасным (для выживания этого номенклатурного костяка). Это не указание на что-то «крамольное» (и вообще не оценочное суждение); это констатация проблемы — и эффекта — структурных условий, в которых в России живет научное сообщество.

Во-первых, в ситуации, где горизонтальная (как географическая, так и социальная) мобильность, как верно отмечает автор, чрезвычайно низка, идеалом становится оседание, а не движение (и этот идеал, конечно, знаком и близок человеку еще с советских времен). В самом деле, в условиях, когда перспектива движения блокируется массой вещей, включая прописку (этот неизживаемый рудимент крепостного права), перспектива удачного оседания для многих выглядит как лучшая (из доступных) возможность реализоваться. Но научные организации, наполненные сотрудниками с такими (резонными, с точки зрения карьерных интересов) идеалами, превращаются в «эндогамные» по мировоззрению коллективы, в которых стабильность и отсутствие внутренних изменений являются приоритетами, переигрывающими собственно научную миссию организации. Во-вторых, компетентность научного работника в таких условиях хоть и важна, но в некотором роде представляет собой вторичный фактор отбора; на первый же план выходит фактор лояльности. (На этом фоне выглядит малоудиви-

тельной верно подмеченная автором «территориальная сегментация дисциплины, при которой основные линии ее внутреннего деления проходят не между субстанциональными областями или теоретическими направлениями, а между локальными группами».)

Далее, раз роль «научного» фактора ослаблена в деле отбора в сообщество, ее сопровождают разнообразные послабления и в других плоскостях (в деятельности ученых советов, в деле раздачи или не-раздачи степеней и других статусных символов, наконец, в деле выстраивания локального авторитета). Иными словами, это система, в которой существуют накатанные дорожки выживания, ибо жизнь в науке — такое же экзистенциальное предприятие, как и жизнь в любой другой сфере (просто со своими профессиональными аберрациями). Все это вовсе не значит, что интеллектуальный компонент как таковой в научных сообществах сведен на нет; это значит лишь то, что между интеллектуальными и карьерными интересами присутствует огромное напряжение. Точно так же, как оно присутствует в научных сообществах США и других стран. У «нас» оно выражено вот таким специфическим образом. В других странах оно проявляется в других ипостасях, многие из которых нам лучше и не знать (во всяком случае не иметь).

Наука (и образование) как сфера — это, разумеется, институт, существующий во многих параллельных и перпендикулярных измерениях, которые накладываются друг на друга или пересекаются друг с другом совсем не гармоничным образом. Желание интеллектуалов выстроить интересный и грамотный научный дискурс и вести познание окружающего мира — лишь одно из этих измерений (и, пожалуй, в сравнении с другими оказывающееся не в самом приоритетном положении). Есть и измерение государственного заказа на науку как инструмент поддержки комплексного геополитического потенциала. И есть измерение корпоративного заказа на научное знание как продукт (особенно болезненно ощущаемое, например, в США). Есть, наконец, и измерение «социального лифта», которое задает критерии и планки, не работающие эффективно в других измерениях, но оказывающие воздействие на способы формирования академического авторитета, потому что академический авторитет — это то, что фактически складывается из статусных символов, полученных в любых измерениях.

Последнее измерение, в частности, является одинаково influentialным как в России, так и, например, в США, где очень сильна риторика «маркетинга» научных степеней, т.е. идеология позиционирования университетской степени как билета на вход в социальную сферу, где другие стартовые перспективы

и другие зарплаты. (Характерное выражение этого — система формального и неформального рейтингования университетов и даже кафедр с точки зрения принципа «the best value for your money» — это, конечно, то же, о чем говорит Михаил Соколов, когда указывает, что «университет не просто присваивает степень, он ее продает заплатившим за образование».)

В России, где все это хоть и не оформлено в такой официальной терминологии, как в США, но является предметом чутко усваиваемого кулуарного знания, сфера науки и образования испытывает на себе могущественный «драйв» снизу, который связан не с внутренними целями науки, но как раз с тем, что научное образование было и продолжает быть (во всяком случае продолжает представляться) социальным лифтом. В самом деле, прокатиться в этом лифте можно вне всякой связи с целями науки. И в этом следует видеть не негативное, а скорее позитивное явление, так как в результате в общество вливаются массы худо-бедно, но все же образованных людей. Но проблема в том, что сегодняшняя система научного образования в России выстроена таким образом, что способствует этой самой безболезненной «прокатке» в лифте без особых усилий, затрачиваемых на собственно научную деятельность, и последующему оседанию «прокатившихся» в научных структурах и особенно на руководящих должностях.

Это фактор, который вызывает сильную эрозию (опять же в *некоторых* из измерений науки как сферы), ибо наступает ситуация, когда, как говорится, кадры начинают решать все. Но, еще раз, проблема вовсе не в «кадрах». Это структурная проблема, и во многом она поддерживается той иерархической системой статуса, поощрения и продвижения, которая, прошу прощения за лексику, «застряла» в нашем обществе со времен николаевской России (или бог весть с какого времени). Иерархия «дипломантов-кандидатов-докторов-членкоргов-академиков», над которой коллеги из США недоумевают, представляет собой линейку, которая диктуется преимущественно из этого могущественного измерения «социального лифта» и выслужиться по которой (что также составляет разделяемое кулуарное знание) гораздо легче вне связи с научной деятельностью как таковой. (Выборы в академики в России — это спектакль, который на самом деле воспроизводится на микроуровне и в локальных «выборах» в кандидаты или же представляет собой, если поменять угол зрения, наивысшее воплощение того, что имеет место на локальном уровне.)

В США, где в научной сфере, как и во многих других, доминирует ориентация на прагматизм, практику и оценку достижений по практике (в чем вообще, в более глубинном смысле,

проявляется роль традиции прецедентного, а не формально-статутного права), в карьере гуманитария или обществоведа присутствует лишь один формальный статусный порог — Ph.D., который нагружен ролью инициации и ритуала перехода в другую социальную плоскость. Пройти его можно, занимаясь научной деятельностью или не занимаясь ей, — это не важно. Важно то, что, перейдя в новую плоскость, ты оказываешься (с точки зрения полученных «погон») навсегда наравне со всеми остальными, и дальнейшее твое продвижение связано только с твоей *практикой*.

В российской же системе продвижение опосредовано тянущейся далее, до самой пенсии, цепочкой формальных статусных переходов и прибавлением звездочек (и хотя, как написано в научном уставе, звездочки якобы даются за практические заслуги, на самом деле всем известно, что звездочки и практические заслуги — это просто вещи, находящиеся в разных измерениях). Различие между этими двумя системами характерно выражается в массе мелких нюансов и расставленных акцентов — например, в способе представления автора в журнальных и книжных публикациях, где в американской ситуации указание на Ph.D. вообще опускается (в том же редком случае, когда оно присутствует, можно понять, что автор — неофит, только что получивший степень), а сообщается о месте работы автора, его исследовательских интересах и основных опубликованных трудах. В российской ситуации последнее как раз обычно не упоминается, поскольку несущественно, но все мы знаем, с какой любовью выписываются «кандидат исторических наук», «доктор социологических наук», «член-корреспондент РАЕН» и прочие указания на лычки.

Мне, например (когда я знакомлюсь с автором, представленным в публикации подобным образом), эти указания *абсолютно ничего* не говорят о компетентности автора, и мне действительно вместо этого хочется узнать о его научных интересах и основных работах. Но я понимаю, что в «послужной» системе, где целеполагающими ориентирами в массе является достижение лычек, репрезентация авторитета необходимо строится на других принципах.

Поэтому на полную иронию ремарку Михаила Соколова о том, что, «к несчастью, исследования “рынка диссертационных услуг” <...> или однократное посещение сайта, предлагающего “диссертации под ключ”, способны раз и навсегда подорвать веру в то, что обладание степенью означает наличие каких-либо научных заслуг», я могу ответить лишь двумя замечаниями. Во-первых, не к несчастью, а, наоборот, *к счастью*. А во-вторых, никакой веры в указанное ни у кого нет и не должно

быть. Обладание степенью *не* означает (и не должно означать) наличия каких-либо научных заслуг — степень есть просто формальная лицензия на профессиональное (не в смысле «высококачественное», а в смысле «относящееся к профессии») занятие исследованиями в той или иной области. И потому она должна быть *одна*. Покуда степень является не лицензией на практику, а мнимым результатом практики, лычкой (выполняющей еще и функцию дифференцирования) и покуда их так много, чтобы заполнить мыслями о них всю жизнь и карьеру человека, все останется в нашей системе, как было.

Хотелось бы добавить ко многим справедливо высказанным в статье мнениям еще и следующие. Безусловно, в реальных процессах формирования академического авторитета оказываются замешаны не только внутренние, но и внешние факторы, и вряд ли российское научное сообщество (или сообщества) можно рассматривать как сбалансированную и в каком-либо смысле самодостаточную систему. Присутствие «Запада», как всегда, провоцирует определенный внутренний дисбаланс, и силы внешней академической гравитации постоянно создают «возмущение» в этой системе, вызывая свои приливы и отливы.

С одной стороны, по каналам «нашей» системы достаточно традиционно циркулирует некое подспудное знание (возможно, лучше сказать «представление» — но, может быть, оно и есть «усвоенное знание»), что центр сосредоточения интеллектуального научного капитала находится за ее пределами. А раз так, то все, что происходит в нашей системе, в некотором роде обесценивается в своих же глазах. С другой стороны, в мировоззрении интеллектуала, работающего в нашей системе и по каким-то причинам не удовлетворенного ей, всегда есть потенциальный *escape* туда, в «правильную» систему, что тоже оказывает очень специфическое воздействие на векторы мысли и векторы деятельности. В мировоззрении научного работника в США, например, такого *escape* нет, и недовольство своей системой (а такого в США не меньше, чем в России) нельзя разрешить посредством обращения к внешней.

Что касается сравнения дисциплинарных устройств и принципов генерирования авторитета, то схемы, приводимые Михаилом Соколовым, в целом представляются резонными. Однако во многих аспектах такое сравнение не совсем благодарная вещь, хотя и педагогически полезная, ибо, например, относительная гармоничность и логичность конфедеративного дисциплинарного устройства в США, наблюдаемая на поверхности, скрывает под собой массу самых болезненных проблем. Это и гиперинфляция остепененных специалистов, и нервная самооценка академического сообщества, и очень специфич-

ческие дискурсивные «зажимы» и «блоки» (как ни парадоксально, но в сообществе, которое исторически является более [за неимением лаконичного русскоязычного эквивалента] *psychologically sensitive*, в свою очередь больше и психологических блоков; как говорится, большому кораблю — большие пробоины). Все эти факторы в чрезвычайно конкурентной среде, которая имеет место в США, вносят сильнейшие искажения в то, что нам может видаться как более или менее разумные принципы формирования академического авторитета.

Кроме того, насколько я могу судить, проблема академического авторитета в США стоит не менее остро, чем в России (и заявила о себе в острой форме раньше, чем в России). Клиффорд Гирц — да и не он один — более четверти века назад констатировал, что согласие по поводу того, что конституирует научный авторитет, безнадежно растаяло. Ибо основа, на которой покоился тот тип авторитета, к которому привыкли мы, ушла в прошлое, как метко заметил он, «вместе с надлежащими ванными, комфортабельными повозками и множеством других вещей», включая «старые книги» и «старые манеры». И действительно, если мы начнем размышлять о том, на чем зиждется научный авторитет, знакомый нам по идеалам высокой современной эпохи (читай: «эпохи модернизма»), нам, пожалуй, придется сделать много неожиданных открытий.

В конфедеративном типе дисциплинарного устройства с согласием по поводу академического авторитета все так же не просто, как и в анархическом (в анархическом типе все проблемы на виду; в конфедеративном они «ритуализованы»). Есть, как удачно называет их Михаил Соколов, разнообразные «курирующие» группы с их негласными договоренностями, в «шахматном» взаимодействии которых, так сказать, вырисовывается логика авторитета как постоянно позиционируемой и оспариваемой плавающей точки. В таком типе устройства для рядового ученого может быть (и на самом деле есть) столь же много «несправедливого» и даже «вопиющего», как и в анархическом; но, на мой взгляд, он все равно предпочтителен анархическому и представляет собой более продвинутый уровень академического взаимодействия.

Между тем взаимодействие такого рода становится возможным, пожалуй, тогда, когда достигнута определенная интеллектуальная «критическая масса» (этнографическое же сообщество в России, например, еще очень мало и далеко от точки насыщения). В этом смысле переизбыток остепененных кадров, как бы он ни был болезнен в других отношениях, увы, необходим для качественного насыщения сообщества. Но вопрос о подготовке кадров, к сожалению, уводит нас к печально из-

вестному вопросу о ресурсах — самых разных ресурсах, включая ту же научную литературу (в библиотеках университетов США, даже не входящих в «первую десятку», этнографам доступны коллекции литературы, на которые в нашей стране могут рассчитывать лишь два-три-четыре центральных — и, увы, как всегда, московских или петербургских — вуза).

Не отвечая за другие дисциплины, должен констатировать, что в сегодняшней российской этнографии ситуацию со снабжением студентов и аспирантов (да и самих преподавателей) современной литературой хочется просто назвать словом «безнадега». В основном наши этнографы (подчеркиваю, *в основном*) продолжают оперировать корпусом литературы 1960–1970-х гг. (а то и 1930–1950-х) и спорить с концепциями, которые уже давно «пройденны».

Какие перемены необходимы, чтобы положение, обрисованное Михаилом Соколовым, начало изменяться?

Считаю, что, во-первых, должна быть устранена эта изжившая себя «николаевская» иерархия академических степеней. Понимаю, конечно, что если устранить иерархию и лычки, то сразу поднимется глас возмущения: «А что же тогда останется делать в науке?» (ведь общество без цветовой дифференциации штатов, как известно, не имеет смысла). А останется тогда одно: работать наконец.

Во-вторых, необходима оценка сотрудника по практике, а не по лычкам, т.е. чтобы зарплата, как, например, в США, могла быть гибко регулируемой в соответствии с практическими достижениями и ценностью сотрудника для организации. (Однако, увы, если зарплата у нас сможет гибко повышаться в согласии с ценностью сотрудника для организации, то я представляю себе, что за сотрудники сразу станут высокооплачиваемыми и «ценными», — российская ситуация — она ведь до боли знакома.)

В-третьих, как абсолютно правильно замечает Михаил Соколов, необходимы изменения, способствующие интенсификации горизонтальной мобильности научных кадров в стране (что невозможно при нынешнем состоянии развития городов и социальной сферы, которая окутывает повседневную жизнь человека). Согласен я и с другими критериями, намечаемыми Михаилом Соколовым в конце его статьи.

Сославшись еще раз на Клиффорда Гирца (хотя здесь можно было бы сослаться и на Маршалла Салинза, и на Ирвинга Гоффмана, и на многих других антропологов и социологов, «авторитетных» в системе координат, в которую, наверное, попал я), хотел бы в завершение своего комментария повторить мысль

(их мысль, с которой я всего лишь согласен), что процессы в науке, как и в любой другой сфере, опосредованы процессами в повседневности в гораздо большей степени, чем мы иной раз позволяем себе представить. Наука — это одновременно и профессиональный, и экзистенциальный проект, на который оказывают воздействие стимулы и раздражители по обе его стороны. И в этом смысле «наша» наука (равно как и американская в ее контексте) — это кривое отражение «нашей» повседневности в зеркале тех структурных условий, которые эта же повседневность и создала. Нельзя изменить эти структурные условия, не затрагивая сложившейся рутины повседневности. Что-то придется вырывать с корнем.

Еще раз спасибо Михаилу Соколову и «Антропологическому форуму» за стимулирование дискуссий, которые жизненно нужны для оттачивания самосознания наших разрозненных дисциплинарных сообществ.

ПИТЕР РАТЛЕНД

Статья М. Соколова дает анализ дисциплины, оказавшейся в ловушке между некоторыми скверными привычками советского прошлого и новыми типами поведения, которые являются результатом рыночного бюджетного прессинга. Постсоветская социология получила в наследство советские иерархии и символические генераторы (Академия наук, большие диссертационные советы, степень доктора наук и т.д.). Необходимость иметь много студентов и обширный список публикаций привели, как полагает автор, к понижению стандартов.

Не став единым пространством, российская социология продолжает существовать в качестве ряда групп, самодостаточных и оценивающих себя самостоятельно, причем эти группы возникают вокруг определенных институций и соответствующих журналов — с сильным региональным компонентом.

Эта картина представляется убедительной. Однако отличается ли она от того, что мы находим в западных странах? В ситуации увеличения публикаций и их объема становится все труднее вычленять и калибровать иерархии внутри дисциплин.

Питер Ратленд
(Peter Rutland)
Уэслианский университет,
Миддлтаун, США

В Соединенных Штатах существуют явные суперзвезды, а кроме этого — сотни и тысячи социологов, кучкующихся в сообществах, возникших вокруг субдисциплин или региональных центров, без отчетливо идентифицируемых экспертных иерархий.

Отрицательное ли это явление? Все больше да, по мере того как дисциплинарные границы становятся непроницаемыми, а развитие Интернета и онлайн-публикаций увеличивает скорость, с которой циркулируют знания и идеи.

Действительно, кажется, что в США существует больше признаков общенационального академического рынка, чем в России. И это, по-видимому, заставляет американских исследователей больше заботиться о качестве. Кроме того, представляется, что американские журналы более строги, когда дело идет об анонимных отзывах, чем это происходит в России.

Впрочем, это относительно легко исправить: конечно, журнал будет в более выгодном положении, став более эксклюзивным, и сможет подняться по шкале, измеряющей статусность наград. Мне было бы интересно познакомиться с данными, касающимися редакционной практики различных журналов в России, количества присланных статей и полученных отказов в публикации. Кроме того, мне интересно знать, насколько М. Соколов убежден в том, что хорошую работу все еще можно сделать, несмотря на общую динамику дисциплины, а не благодаря ей?

Пер. с англ. Аркадия Блумбаума

СЕРГЕЙ СОКОЛОВСКИЙ

Ничто не нарушит покоя, или о ситуации в российской антропологии

Я согласен с мнением Михаила Соколова о том, что «российская наука сегодня не только не набирает веса, но и продолжает терять позиции, приобретенные прежде», хотя здесь, конечно, интересней была бы более дифференцированная оценка по отдельным дисциплинам и направлениям исследований. В качестве читателя разнообразной научной и околонучной продукции, прежде всего по социальным и гуманитарным дисциплинам, я весьма впечатлен успехами отечественных социологов и философов за последние два — два с половиной десятилетия. С моей точки зрения,

**Сергей Валерьевич
Соколовский**
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

им удалось воспользоваться политической либерализацией и создать условия для дальнейшего развития своих областей исследования, в частности благодаря реализации амбициозных переводческих и издательских программ, публикации «писанного в ящик стола», а также за счет освоения новых методов и применения их к новым объектам исследования.

Ничего даже близкого по масштабу в плане освоения мирового наследия, как, впрочем, и собственного, в этнографии/антропологии сделано не было. Переводческая программа серий «Антропология/фольклор» и «Нация и культура», спонсируемая Институтом «Открытое общество», ограничилась публикацией некоторых образцов антропологической классики 1940–1960 гг.¹ Публикация мирового и собственного наследия в антропологии составила не сотни и даже тысячи томов, как у российских философов, психологов и социологов, но 15–20 книг, иллюстрирующих развитие знания периода пятидесятилетней давности.

В результате для российского студента оказались практически неизвестными целые области и континенты современной антропологии, такие, например, как антропология организаций, медицинская антропология, антропология социальной работы, антропология профессиональных сообществ и т.д. Отсутствие переводов в этих важнейших и бурно развивающихся областях означает также отсутствие соответствующих русских систем понятий и терминов либо очень слабую их разработку, что вполне объясняет сложившуюся ситуацию, когда появляющиеся у нас отдельные исследования в перечисленных областях пишутся скорее «по-американски», нежели по-русски, и в языковом и стилистическом отношении остаются неудобочитаемыми.

Новые объекты и методы всегда требуют новых языковых средств, и если визуальная антропология может заимствовать свой язык из языков режиссуры и кинокритики, то антропология организаций по причине тотального отсутствия вдумчивой языковой работы (которая ведь и выполняется хорошим пере-

---

¹ Книги Дж. Мердока, Э. Эванса-Причарда и Р. Кайуа. Поддержанный тем же фондом ряд изданий «Этнографической библиотеки» также не вышел за пределы середины прошлого века (Э. Эванс-Причард, М. Мосс, А. Рэдклифф-Браун, А. ван Геннеп, М. Мид — последние три книги опубликованы на средства, привлеченные издательством из других фондов). Лишь отдельные работы Э. Лича и совсем недавно вышедшей из печати книги М. Годелье датируются 1970-ми гг. В сериях «Культурология XX век» и «Книга света» (переводы снова поддержаны тем же фондом Сороса) был опубликован программный сборник К. Гирца, основанный на его статьях 1950–1960 гг., а также работы Б. Малиновского и А.Л. Кребера. В серии «*Conditio humana*» при поддержке того же фонда вышел перевод еще одной работы Рэдклифф-Брауна. Вот, собственно, и все, не считая переводов почти всех основных работ К. Леви-Строса, большинство которых было переведено и опубликовано при поддержке МИДа Франции, да популярной работы К. Клакхона «Зеркало для человека», отражающей представления середины 1940-х гг. (СПб.: Евразия, 1998).

водчиком, если работы регулярно переводятся и публикуются) вынуждена опираться на «мерчандайзинг», «моббинг-процесс», «фрейминг опыта» и прочие буквосочетания, подменяющие функции аналитического различения и описания звуко-символизмом заклинаний.

Что же касается утраты «приобретенных прежде позиций», то здесь все зависит от того, о каком «прежде» идет речь. Если о «прежде» российской этнографии-*сип*-антропологии вековой давности, то, по всей видимости, нам есть о чем сожалеть, хотя давно пора перейти от сожалений к трезвому анализу обстоятельств, которые обусловили хронически догоняющий характер всего последующего развития советской/постсоветской антропологии. Внешние (главным образом политические и экономические) обстоятельства, обусловившие разрыв в развитии антропологических знаний у нас и на Западе, вполне понятны. Непонятно, как в тех же условиях некоторые области исследований все же сохраняли мировой уровень и даже служили образцом для подражания и заимствований. Как пишет известный специалист по истории российской науки Л. Грэхэм, «наиболее поразительно <...> то, что советская наука все-таки выжила» [1998: 225]. Однако если ядерную физику, атомную энергетику и исследования космоса считают порождением ВПК, то чем и как объяснить исключительные успехи отечественных почвоведения, фитосоциологии и орнитологии?

В этой связи можно отметить, что даже в традиционных для нашей науки областях, где, казалось бы, особых причин для отставания не было¹, в этой этнографической *Summa Technologiae* — исследованиях пищи, одежды, жилища — мы тоже отстаем если не фатально, то очень существенно. Здесь, если говорить об этнографах, давно не появлялось ни новых теорий, ни новых методов, ни новых объектов, исключая единичные публикации, посвященные анализу советской повседневности в ее, так сказать, материальном измерении.

Инициативу по совершенствованию методологии и теоретическому осмыслению в этих областях перехватили отечественные культурологи и специалисты по философии и социологии культуры. Это они анализируют моду как семиотический объект. Это они документируют изменения пищевых пристрастий различных слоев и групп нашего общества, отмечают новое при-

¹ Здесь преемственность социальных эстафет надежно обеспечивается консервативными программами подготовки на старейших в стране (и примкнувших к ним с середины 1980-х — начала 1990-х гг.) кафедрах этнографии/этнологии исторических факультетов СПбГУ, МГУ, Новосибирска, Омска, Томска, Казани, Иркутска вкупе с непрерывным потоком отечественных публикаций по исследованиям этой традиционной для этнографии триады.

шествие гурманства и гастрономических изысков, это они интервьюируют энологов и дегустаторов, знают, что такое биодинамика в приложении к напиткам, различают миллезимы, осведомлены о том, что «прием пищи» в пионерлагере и советской столовке столь же семиотически насыщен, как и поминальная трапеза уйгуров и т.д. и т.п. Они же документируют утверждение «этно» в модной одежде, аксессуарах, музыке и высокой кухне.

Этнографы же, как и встарь, пишут о том, что когда-то было, но не о том, что есть. В их книгах вы не обнаружите описания, чем реально и повседневно пробавляются их подопечные, что означала в их гастрономической вселенной та же тушенка или слипшийся ком конфет «подушечек»; в их студиях отсутствуют «ароматы и запахи культуры», любовно собираемые и классифицируемые культурологами. Их стандартные описания «традиционной кухни» парадоксальным образом умозрительны и абстрактны; в них нет элементарной любви к деталям (что и почему, среди кого конкретно нечто считается вкусным, как это следует готовить, чем можно заменить, если нет необходимого, как это едят и что чувствуют и т.д. и т.п.).

Такая информация иногда есть в книгах по так называемой национальной кухне¹, но только тогда, когда эти книги написаны не этнографами (профессионалы выбрасывают эту «ненужную» информацию, отдраивая «традицию» до фантастической подлинности и не замечая при этом, что фантастическая аутентичность уже сама по себе оксюморон). Этнографический словарь запахов столь беден, что для его пересчета хватит пальцев одной руки!

Почти те же претензии (разумеется, с некоторыми поправками и оговорками) можно предъявить и исследователям жилища. Если символика и семиотика жилища (как, впрочем, и символика и семиотика трапезы) более-менее прочно вошли в программы изучения, то связанные с ними и обусловленные ими виды деятельности регулярно выпадают из рассмотрения этнографов. Архитекторы могут столетиями толковать о специализированных пространствах жизнедеятельности; у этнографов жилище — это прежде всего *строение*, конструкция из материалов. Простая мысль, что жилище может быть совсем не строением, но лишь специфическим образом освоенным природным пространством, пока не укоренилась.

---

¹ Не удержусь от цитирования одного из таких рецептов караимской кухни: «ТРЮФЕЛИ ШОКОЛАДНЫЕ. Продукты: сахар — 1 стакан, молочная смесь “Малыш” с рисом — 2,5 стакана, масло — 75 г, какао — 2–3 ст. ложки, 25 г водки, коньяка или сухого вина, 25 г воды, 1 стакан очищенных орехов, вафли — 1 пачка. Вафли очистить от помадки (!), подсушить, мелко натереть. <...> “Малыш” всыпать в эмалированную миску, положить в него масло, воду, коньяк, размешать. Какао растереть с сахаром <...> Хранить в холодильнике» [Лебедева 1992: 232].

И это несмотря на то, что за пределами российской этнографии (как в дисциплинарном, так и в пространственном отношении) уже давно произошла революция в исследовании мест обитания человеческих коллективов. Жилье понимается прежде всего как совокупность специализированных и ритмически трансформирующихся мест специализированных видов деятельности (приготовления пищи, еды, сна и отдыха, досуга и т.п.), пространственный рисунок и ритм которых и образуют домименно в качестве *жилища*; конструкция же дома как *строения* в идеале должна соответствовать (поскольку формируется под их влиянием) этим видам деятельности¹.

В работах российских исследователей жилища вы вряд ли обнаружите описания упомянутых трансформаций, ритмов и конфигураций «обитания» в зависимости от времени суток, сезона, состава семьи и т.п. Фиксация типа жилища у нас предполагает иное (по сути, мало отличающееся от приводимых в справочниках строителей) изложение с упоминанием размеров конструктивных деталей, способов их сочленения, материала и т.д. Впрочем, нужно быть справедливым: на месте подробностей из области сопромата и СНИПов мы все-таки обнаружим некоторые подробности фольклорно-исторического и семиотического характера².

Чтение работ отечественных этнографов, рассматривающихся у нас в качестве теоретических, лично меня убедило в том, что

¹ Для пущей убедительности приведу без перевода цитату из энциклопедической статьи известного теоретика и практика исследований жилища, британского архитектора и антрополога Эймаса Рапопорта: «Any consideration of built environments must take into account not only the “hardware” but also people, their activities, wants, needs, values, life-styles and other aspects of culture» [Rapoport 1994: 461].

² К семиотикам в этой связи, в особенности московско-тартуского разлива, этим, по выражению Г.Г. Почепцова, «генетикам и кибернетикам» гуманитарных наук [2001: 665], должен предъявляться, однако, особый, так сказать, гамбургский счет. Наука, как и экономика, должна постоянно расти и развиваться, но если в отношении экономики такая модель все же иногда подвергается сомнению (идеи нулевого прироста, устойчивого развития при полном воспроизводстве ресурсов и т.п.), то в отношении научного знания постулаты развития вроде бы не оспариваются. Как любознательный читатель хочу задать вопрос: что изменилось в подходах отечественных семиотиков после их знакомства задолго до или сразу после публикаций на русском языке трудов Ч.С. Пирса, К.И. Льюиса, Ч.У. Морриса, Р. Барта, Ц. Тодорова и У. Эко? Или, быть может, разработки всех этих именитых авторов были во всем предвосхищены либо превзойдены Трубецким, Якобсоном, Бахтиным, Проппом, Лотманом, Успенским, Гаспаровым и Степановым? Можем ли мы говорить сегодня о новом развитии тех идей, которые присутствовали в момент впечатляющего старта семиотики культуры начала 1960-х гг., представленного в работах Лотмана, а затем его коллег и учеников? И если нет, то что же помешало претвориться этому некогда лидирующему направлению в ведущую научную школу в исследованиях культуры, в том числе и антропологических?

Это не придирки и уколы, для них у меня нет совершенно никаких оснований, и первую очередь моральных, но лишь заинтересованность читателя, мало осведомленного о внутренних и внешних препятствиях, помешавших развитию столь многообещающего направления. Тот же Грэхэм находит объяснение одной из причин успеха советских физики и математики, геологии

теория как таковая в нашей дисциплине отсутствует либо появляется в гомеопатических дозах, но и тогда оказывается под подозрением как излишнее умствование. Все, до чего поднималась отечественная теоретическая мысль, — это попытки справиться с разнообразием наблюдений, т.е. классификация и типологизация. Следующий шаг — осмысление выделенных типов или классов в терминах причинного объяснения — обычно не предпринимается и даже не замышляется, поскольку классификация считается венцом «теоретического» усилия. Здесь тоже можно искать внешние факторы, и они успешно находятся в идеологической атмосфере советского времени, но с того самого времени уже тоже прошло немалое время, а воз и ныне там.

Итак, дело, видимо, не столько во внешних обстоятельствах, сколько в нас самих. Интерналистские интерпретации развития науки, впрочем, всегда конкурировали с ее экстерналистскими версиями, и сбрасывать со счетов политический, идеологический, экономический и прочие контексты развития науки в целом и конкретных дисциплин, школ и центров по отдельности совсем не стоит. Действительно, если бы кому-нибудь удалось создать такую систему поддержки науки, при которой «талант и достижения (и только талант и достижения)» всегда получали бы своевременное вознаграждение (правда, уже здесь есть проблемы метода — что делать с только что появившимися талантами, достижения которых пока скромны, и как быть с достижениями на основе иных, не вполне научных либо не имеющих отношения к особой одаренности качеств — опыта, дисциплины, умения работать в команде или умело администрировать), это явилось бы решением если не всех, то большинства проблем ее развития.

Дальше, однако, приходится продвигаться лишь с помощью сослагательного наклонения. Если, например, наша профессиональная ассоциация не являлась бы просто инструментом для организации конгрессов (альтернатива — Минобрнауки — только инструментом для распределения фондов), то можно было бы провести оценку состояния социальных наук в стране (антропологии в частности) в духе знаменитых британских обзоров — отчета Клэпхема [Clapham 1947], Хейворта

и почвоведения в годы сталинизма и массовых репрессий в том, «что к тому времени советские ученые уже были в большой мере включены в мировую науку» [1998: 227]. В случае рассматриваемой здесь школы цена такого включения оказалась, видимо, слишком высокой — страну по разным причинам навсегда или на длительные сроки покинула целая плеяда ее представителей: Б. Успенский и Вяч. Иванов, Б. Гаспаров и С. Аверинцев, А. Жолковский и И. Мельчук. По мнению Г. Почепцова, именно это обстоятельство сыграло критическую роль в приостановлении дальнейшего развития школы [2001: 657]. Стало быть, для успеха школы нужны личные и непосредственные контакты между учениками и мэтрами, какая-то магия или энергия, которая не укладывается в абстрактные «знания», «информацию», «концепцию» и даже «метод».

[Heyworth 1965], Ротшильда [Rothschild 1982] и Миллса [Mills 2006], с привлечением в качестве членов комиссии ведущих представителей зарубежных школ для определения достоинств, недостатков и наиболее эффективных потенциальных направлений развития антропологии в стране.

Или, например, если бы отбор кадров и их периодическая аттестация проводились и контролировались не администрацией, а учеными советами или лидерами конкретных научных школ и направлений (в рамках этих направлений и школ), то, быть может, мы смогли бы увидеть (пусть со стороны) совсем иной состав академических институтов и кафедр.

Что касается статусных символов и критериев определения достижений и одаренных, то здесь М. Соколов проговаривается, что, оказывается, «на самом деле» сами ученые знают, кто есть кто и чего каждый стоит. Проблема, конечно, лишь в согласовании критериев такого рода негласных интегральных оценок и полноты осведомленности самопровозглашенных «экспертов». Проблема полноты отчасти решается с помощью учета топографии существующих областей исследований, поскольку статусные иерархии, на мой взгляд, более или менее корректно могут выстраиваться только в границах каждой из них.

Лет семь назад я интервьюировал своих коллег в нескольких городах Сибири относительно путей развития тамошних центров и наличия самостоятельных школ и подходов. Один из них признался мне, что пишет свои (весьма интересные, на мой взгляд) работы практически лишь для пары-тройки человек — одного в Москве и пары в Петербурге. Думаю, если бы я помучил его еще немного, то он смог бы назвать еще десяток-другой квалифицированных читателей его трудов как у нас в стране, так и за ее пределами. Вот, собственно, и границы того круга экспертов, которые при опросе легко ранжируют эту двадцатку (а с учетом разброса списков — быть может, полусотню) исследователей, которые вполне отчетливо представляют, кто из их числа является лидером, кто генерирует новые идеи и концептуализации, кто талантливо собирает и обрабатывает первичные материалы, а кто, имея публикации по данной тематике, все же может претендовать лишь на место в хвосте и т.д.

Сообщество российских антропологов, несмотря на рост числа кафедр и курсов, остается сравнительно небольшим и вряд ли превышает тысячу человек. В его рамках наберется два-три десятка более или менее активно разрабатываемых направлений и специализаций. Решение такого рода задачи хотя и затратно, но — не бином Ньютона, как говорил Коровьев приснопамятному Андрею Фокичу Сокову.

Есть и еще несколько «если бы», как мне мнится, если не вдруг, то все же непременно повлиявшие бы на ситуацию в нужном направлении, будь они реализованы. Например, если бы колоссальные средства, затрачиваемые РАН на глобальные проекты-зонты, накрывающие всех и вся и потому в итоге абсолютно бессвязные (типа «этнокультурного взаимодействия в Евразии»), потратили вместо этого на комплектацию научных библиотек современной литературой и онлайн-доступ к международным журнальным базам данных, на конкурсы для издания приличных учебников, наконец, на поддержку переводов антропологической классики и современности, на внедрение действительно анонимного и независимого рецензирования всех получаемых научных результатов (с обязательной и регулярной ротацией членов экспертных советов), на внятное и обоснованное выявление приоритетных научных направлений, глядишь, и стало бы возможным определять на слух, к какому именно периоду относится та или иная статья — написана она в конце 1960-х гг. или только что.

Пока же мы предпочитаем гордиться нашими достижениями и традициями, столь постоянными и незыблемыми, что глаза читателей скользят по привычной поверхности отточенных до штампов текстов в уверенности, что ничто новое не нарушит покоя, ничто не разбудит. Многие, впрочем, уже и не читают — нет резона, нужно ведь успеть написать. Качество написанного при этом почти уже никого не волнует. Во-первых, есть редакторы, а во-вторых — всегда находится место, где опубликуют, пусть и «на средства автора». Аминь.

Библиография

- Грэхэм Л.* Очерки истории российской и советской науки. М., 1998.
- Лебедева [Сиказан] Э.И.* Рецепты караимской кухни. Симферополь, 1992.
- Поченцов Г.Г.* Русская семиотика. М., 2001.
- Clapham S.J.* Report of the Committee on the Provision for Social and Economic Research. House of Commons, Official Reports, 1947.
- Heyworth L.* Report of the Committee on Social Studies (the Heyworth Report). Her Majesty's Stationery Office (HMSO), 1965.
- Mills D., Jepson A.* et al. Demographic Review of the Social Sciences. Swindon, 2006.
- Rapoport A.* Spatial Organization and the Built Environment // Ingold T. (ed.). Companion Encyclopedia of Anthropology: Humanity, Culture and Social Life. L., 1994. P. 461–502.
- Rothschild V.* An Enquiry into the Social Sciences Research Council. HMSO, 1982.

АНДРЕЙ СТАРОДУБЦЕВ

**Между эффективностью
и стабильностью**

Во введении к своей статье Михаил Соколов пишет: «Если мысли нашего чиновника потекут по тому руслу, по которому обычно текут мысли его коллег по всему миру, то он придет к выводу, что основная проблема состоит в неэффективности системы распределения ресурсов среди ученых. Вероятно, он скажет себе, что наибольшей отдачи можно достичь, если максимум возможностей будет сконцентрирован в руках наиболее одаренных, а талант и достижения (и только талант и достижения) всегда будут получать своевременное вознаграждение».

Все дальнейшие рассуждения в статье — с которыми, в целом, можно только согласиться — опираются на допущение о существовании такого «идеального» чиновника. Однако развитие такого исследовательского направления, как анализ политического курса (policy analysis), показывает, что 1) чиновники, ответственные за проведение того или иного политического курса, не являются единственными акторами, принимающими решение о стратегии его реализации; 2) эффективность в сознании чиновника (-ов) совершенно необязательно должна быть связана с «обеспечением мирового лидерства российской науки».

Начну с эффективности. «Обеспечение мирового лидерства российской науки» — стратегическая цель, прекрасно смотрящаяся на бумаге, в отчетах и докладах. Однако чиновники мыслят краткосрочными задачами, главная среди которых — сохранение стабильности в обществе «здесь и сейчас»: эффективен тот политический курс, который сохраняет существующий статус-кво и при этом приносит дивиденды на краткосрочном отрезке времени.

Что означает стратегия, обозначенная как «максимум возможностей будет сконцентрирован в руках наиболее одаренных», задуманная нашим героем — чиновником? На языке чиновников и политиков это означает, что большая часть финансовых ресурсов окажется в руках «научного меньшинства», которое и так активно пользуется грантами российских и зарубежных фондов. Более того, это меньшинство будет сконцентрировано в столицах и еще паре региональных центров. В результате можно ожидать формирование ситуации, при которой большинство российских ученых будут вынуждены существовать на минимальные средства, оставшиеся после распределения основных государственных заказов и грантов между выдающимися представителями российской науки. А в условиях существующего «советского наследия» в виде наличия в каждом регионе собственного научного центра с большим количеством ученых такой способ распределения финансовых и других средств играет не на сохранение существующей ситуации, а на ее ухудшение для тысяч представителей науки, что может вызвать протест с их стороны.

Таким образом, можно предположить, что для чиновников «лидерство российской науки» выражается не в научных результатах, а в удовлетворенности ученых (всех ученых!) своим социально-экономическим положением. А значит, результат выбора между социальной стабильностью и «научной эффективностью» совсем не предрешен.

В фокусе статьи Михаила Соколова — социология, но трудно представить себе чиновника, задачей которого является развитие исключительно одного направления. Скорее всего перед ним будет поставлена цель развития отечественной науки в целом. Однако если наш «идеальный» чиновник проанализирует ситуацию в отраслевом разрезе, то он обнаружит, что есть науки, в которых Россия — один из лидеров, а есть те, в которых мы аутсайдеры (в этом списке, видимо, окажутся социология и политология).

На практическом уровне «ставка на лидеров» будет означать направление финансовых средств в пользу физики и математики. Но в таком случае государство фактически откажется от развития остальных направлений, что недопустимо для «лидера». Лидер — с точки зрения чиновников — должен быть первым во всем. Следовательно, имеющиеся у государства средства будут распределяться между различными научными дисциплинами.

Конечно же, нельзя забывать еще об одном факторе распределения средств — стратегической важности тех или иных науч-

ных направлений. Если государство делает ставку на развитие нано-отрасли, то большая часть финансирования идет на создание и поддержание нано-центров, в то время как по отношению к географии действует распределительно-уравнительный принцип финансирования. А что делать с историей, которая стратегически важна с идеологических позиций? Можно предположить, что именно такими мыслями будет обуреваем наш «просвещенный бюрократ», занимающийся научной политикой в стране. Можно, конечно, ожидать, что социология и более близкая мне политология станут такими же стратегически важными науками, но есть опасение, что в этом случае золотой дождь прольется не на «одаренное меньшинство», а на лояльное большинство.

Другая проблема заключается в том, что решения о характере проведения подобного политического курса будет принимать не один чиновник и даже не одно ведомство. Как известно, любой политический курс представляет собой продукт столкновения интересов чиновников, политиков и заинтересованных групп. Политики, ориентированные на громкие, позитивные и широкомасштабные акции, позволяющие им переизбраться, только усугубляют те тенденции, которые были описаны выше. Что же касается групп интересов, то складывается ощущение, что доминирующим актором здесь является Академия наук, единственная имеющая лоббистский потенциал на уровне правительства. РАН — это огромный неэффективный хозяйственный комплекс, требующий постоянных финансовых вливаний, а потому можно предположить, что эта организация в наименьшей степени заинтересована в поисках «точек роста».

Поэтому кажется, что проект переориентации финансовых потоков на наиболее передовые научные коллективы и продукты обречен на провал, даже если кто-то сможет выработать методику нахождения этих «точек роста». Мое убеждение заключается в том, что отечественную науку нельзя реформировать изнутри, т.е. учитывая мнение всех заинтересованных сторон. По сути, наш «идеальный» чиновник должен пойти на жесткие и непопулярные реформы, в которых не заинтересован никто, кроме «одаренного меньшинства». Однако вряд ли последние смогут стать силой, достаточной для проведения этих реформ до конца.

КИРИЛЛ ТИТАЕВ**Чиновники, деканы и невидимые миру
контракты: ответ на статью М. Соколова**

В качестве комментария к этой статье я хотел бы предложить несколько дополнений. Этот текст, безусловно, самый глубокий анализ ситуации в отечественной науке из встреченных мною. Однако мне бы хотелось оспорить имплицитный тезис М. Соколова о том, что отечественная наука является пространством взаимодействия между учеными и государством. И кроме того, показать существующие в российской практике примеры успешного решения тех проблем, которые описывает Михаил Соколов.

Картина, представленная в статье, типична для многих постсоветских наук. Описана ситуация в политологии [Бляхер 2001]; насколько мне известно, готовятся работы, которые фиксируют аналогичную ситуацию в этнографии/антропологии (Б. Винер). Существует общее описание ситуации в гуманитарных науках, в котором упоминаются многие из тех явлений, которые описаны в статье [Форрат и др. 2008]. Однако все эти тексты, как и статья Михаила Соколова, останавливаются на этапе констатации печальной ситуации. Мне же хотелось бы описать опыт, который можно считать успешным. Этот опыт, возможно, не известен коллегам, поскольку, как мне известно, он не описан в научной литературе.

В ходе моего исследования техник производства прикладного экспертного знания (в маркетинге, управленческом консультировании и т.д.) я с немалым удивлением обнаружил, что еще несколько лет назад ситуация в этих областях нисколько не отличалась от той, которую можно наблюдать в отечественной социологии. Все признаки, перечисленные М. Соколовым, были и там, в результате чего возникала проблема невозможности прочтения символа профессионального статуса. Однако эта проблема

Кирилл Дмитриевич Титаев
Государственный
университет —
Высшая школа экономики
(Санкт-Петербургский
филиал)

не помешала более или менее успешному развитию профессии.

Чтобы не утомлять читателя, приведу лишь один пример, в котором, мне кажется, можно увидеть ситуацию, аналогичную положению дел в отечественной науке.

Уменья в прошлом году открылась топовая вакансия, которую я не мог закрыть своим людям. Объявили конкурс — приходят резюме. Два просто прекрасных — у одного опыта пять лет в аналогичной позиции в X (основном конкуренте компании, в которой работает информант), а у другого серия статей в журнале Y (самый авторитетный, по мнению информанта, отечественный журнал в области маркетинга). Я их вызываю, через всю страну везу — ну из них-то, думал, и буду выбирать. Первый оказался чиновником, у которого эта должность была просто в качестве большой и регулярной взятки и который в этом деле ничего не понимал, а второй — преподом, который по заказу журнала шведские книжки пересказывал и живого продавца в глаза не видел (директор по России в крупной табачной компании).

Таким образом, мы наблюдаем картинку, в которой (так же как и в науке) непрозрачными оказываются имеющиеся символы. Обладание ими совершенно не гарантирует наличия некоторых достоинств у носителей символов.

Разумеется, я не возьмусь утверждать, что ситуация была полностью гомологична. В бизнесе не существует или почти не существует экономики внимания. Соответственно нет необходимости принимать решения о том, читать или не читать того или иного автора. Основным критерием оказывается вопрос о найме сотрудника или заключении контракта с консультантом. Это весьма упрощает ситуацию.

Сегодня в этой сфере существуют устойчивые репутации — все более или менее согласны с тем, какие журналы безусловно авторитетны, а какие компании всегда нанимают профессионалов высшего уровня. Однако, по отзывам информантов, еще пять (и тем более десять) лет назад ситуация была аналогична той, что мы наблюдаем в научной сфере. Все были обладателями каких-то символов, однако никто не мог прочесть эти символы.

По моим наблюдениям, за пределами высших эшелонов это сохраняется и поныне. Есть консенсус по поводу того, что опыт работы в РБК¹ — это очень и очень хорошо. Однако стоит спуститься на один шаг в иерархии консалтинговых компаний,

¹ РосБизнесКонсалтинг — крупнейшая в России консалтинговая и аналитическая компания.

и уже никому непонятно, хорошо ли, что человек, к примеру, имеет опыт работы в консалтинговой компании «Пропаганда».

Опишу механизмы, которые позволили отечественным маркетологам, консультантам и пр. вступить на путь, ведущий к единой шкале оценки профессионального авторитета, т.е. начать движение от модели, представленной М. Соколовым на рис. 3, к модели, представленной на рис. 2¹.

Основной особенностью, главным, если угодно, ресурсом стал тот факт, что вместо курирующих групп («выдающих» символы) возникли курирующие персоны (или очень небольшие группы персон), которые эти символы полностью приватизировали. Итак, символ означал (и означает) тот факт, что профессионализм носителя признан конкретным человеком. Ситуация, таким образом, породила систему личной ответственности куратора символа за поступки обладателя символа.

Это вполне укладывается в модель, описанную в рецензируемой статье. Далее, как и предполагается по модели, начало расти внимание к качеству носителей символов со стороны кураторов, поскольку от этого напрямую и косвенно (через репутацию) зависели их доходы.

Да, ситуация в сфере маркетинговых и консалтинговых услуг и сегодня далека от идеальной. Да, чтобы выйти на рынок «общепризнанных символов», нужно иметь очень значительные начальные ресурсы (финансовые, репутационные, интеллектуальные). Те, кто их не имеет, продолжают вращаться в мире непрозрачных и закрытых (нечитаемых) символов. Однако с каждым годом расширяется пространство открытых и прозрачных репутаций.

Этот пример позволяет нам увидеть ключевой сбой, который имеется в статье М. Соколова. В приложении модели к российскому научному сообществу основное внимание уделяется «среднему социологу» и «чиновнику». Как видно уже на первой странице, герои статьи — это «носитель степени» и министр. На самом же деле это не совсем так.

Академический рынок — это не пространство, на котором играют между собой министр и ученые. Это пространство, на котором взаимодействуют чиновники (как группа фирм², предо-

---

¹ Надеюсь, читателю очевидно, что необходимость оценки профессиональной компетенции в этой сфере необходима не менее, чем в фундаментальной науке, а пространство сегментировано на непересекающиеся дисциплинарные области не меньше (если не больше), чем, например, в социологии.

² Термин «фирма» употребляется здесь и далее в том смысле, в котором его используют сторонники неонституциональной экономической теории. Фирма — это группа агентов, на постоянной основе достигающая общих целей совместными действиями.

ставляющих инвестиции) и персонализированные в своих руководителях фирмы по производству «научного» продукта (факультеты, институты, лаборатории и иже с ними).

Проблема не в том, что нет интереса к повышению качества научного продукта со стороны министерского руководства (и в статье об этом говорится). Так, 15 сентября 2008 г. опубликован очередной пакет методик по оценке результативности научной деятельности¹. Проблема в том, что министерство (или государственная система управления наукой и инвестирования в нее) — это не министерское руководство, а конкретные чиновничьи «фирмы». Эти фирмы и совершают конкретные транзакции (оценивают эффективность работы, раздают средства и т. д.), формируя устойчивую практику применения правил, которая в сто раз важнее, чем собственно правила.

Проблема также и не в том, что «средний ученый» не заинтересован в росте качества отечественной научной продукции². Хитрость состоит в том, что «ученый» вынужден играть по тем правилам, которые транслируют ему его непосредственные руководители (или чиновники — в тех случаях, когда начинается прямое взаимодействие, например, на конкурсах государственных фондов поддержки науки). У него слишком мало ресурсов как для того, чтобы участвовать в формировании конвенций, так и для того, чтобы создавать устойчивые коалиции и отстаивать свои интересы. Он выключен из этого пространства, он оказывается простым игроком, который вынужден подчиняться правилам, транслируемым сверху, как данности.

Таким образом, мы видим, что зоной основного интереса оказывается пространство контакта руководителей научных фирм и руководителей чиновничьих фирм. Между ними возникают контракты, которые потом становятся постоянными и постепенно превращаются в институты³, регулирующие отношения на этом рынке. Именно в этом «болоте» тонут благие инициативы министерства и не менее благие намерения отдельных ученых.

Нужны ли такой науке кристаллические символы? Да, безусловно. Однако это не те символы, о которых пишет М. Соколов. Это не публикации и проекты. Это членство в УМО (а также прочих бесчисленных околוגосударственных структурах) и ру-

¹ <http://www.strf.ru/themes.aspx?d_no=15502>.

² Впрочем, стоит обратить внимание на описанную ситуацию, в которой ученый, по сути, не знает о существовании стандартов научной деятельности, кроме тех, которые приняты на его кафедре/факультете (см. [Титаев 2008]).

³ Этот термин также понимается в неинституциональном смысле — как набор правил, регулирующих транзакции.

ководство хозяйствующими субъектами. Именно это позволяет стать полноценным участником рынка. Простым же ученым, как совершенно верно отмечает М. Соколов, необходимо выстраивать отношения с конкретным деканом, а не публиковаться в «*American Sociological Journal*».

Вот теперь я предлагаю вернуться к вопросу о том, что же случилось с отечественными маркетологами в 2000-е и американскими врачами в 1900-е. Почему они смогли и почему социологи не могут? Потому что во всех случаях успешной консолидации дисциплины (возможно, вообще в любой профессии, ср. [Freidson 1986]) не было той самой прослойки, которая взяла на себя труд по созданию регулирующих институтов. Труд тяжелый и затратный, но необходимый.

Таким образом, описанная М. Соколовым модель не совсем применима потому, что выбраны не те игроки, не те «участники» этого рынка. В статье анализируются отношения государство — ученый, а не декан — чиновник. При этом в пространстве, которое, так же как и отечественная гуманитарная наука, начало в 1990-е развитие, по сути, с нуля, все развивается вполне успешно благодаря отсутствию «деканско-чиновничьей прослойки» между ученым, исполнителем и инвестором.

Соответственно, одним из важнейших шагов, совершение которых приблизит нас к нормализации ситуации в отечественной науке, является разрушение всех контрактов, которые были заключены бесчисленными деканами и директорами с чиновниками от науки, и создание поля относительно безличной и формальной коммуникации.

Однако каждый из нас слишком хорошо представляет тот хаос, который такие действия породят на первом этапе и, ужаснувшись, как правило, предпочитает сегодняшнюю ситуацию.

Библиография

- Бляхер Л.* Парадоксы региональной политологии (записки провинциала) // Полис. 2001. № 6. С. 18–28.
- Титаев К.* Между астрологом и поэтом: рождение и воспроизводство провинциальной науки // Тематический сборник (название уточняется). М., 2008 (в печати).
- Форрат Н.* и др. Молодые российские гуманитарии: институциональные условия формирования и индивидуальные профессиональные стратегии // Тематический сборник ЦСО ИС РАН (название уточняется) / Под ред. С. Кухтерина. М., 2008 (в печати).
- Freidson E.* Professional Powers: A Study of Institutionalization of Formal Knowledge. Chicago; L., 1986.

МИХАИЛ СОКОЛОВ

Ответная реплика

Внимание коллег является самым дефицитным ресурсом в академическом мире. Никто не может ознакомиться со всем потоком статей и книг, и каждый должен выбирать те из них, которые покажутся ему интереснее и полезнее прочих. Свидетельства того, что наша работа привлекла внимание коллег и стала предметом их обсуждения, являются поэтому наиболее важным символом академического статуса — зримым доказательством того, что нам отдали предпочтение перед бесчисленными другими.

Однако в удовольствии, которое я получил от чтения реплик в дискуссии, начатой «Антропологическим форумом», удовлетворение тем, что в ее основу легла именно моя статья, осталось на втором плане. Чисто интеллектуальное наслаждение, которое все мы получаем, открывая, как много граней есть у любого явления и под каким количеством углов на него можно посмотреть, оказалось значительно сильнее. В этой ответной реплике я не смогу воздать должное ходу мысли каждого из участников дискуссии и изобилию цитируемых им или ею фактов — и не буду пытаться это сделать.

Вместо этого я попробую — на правах подводящего итоги — обозначить некоторые точки соприкосновения между всеми нами. Как и в самой статье, мое рассмотрение здесь будет ограничено случаем социологии — хотя, как наглядно продемонстрировали отзывы, ее проблемы не являются нетипичными для соседствующих дисциплин.

Часть авторов в своих откликах предложили альтернативные интерпретации истоков статусной неопределенности, царящей в российской науке. Я рискну суммировать их соображения следующим образом. Развитие науки происходит в ходе жестокой борьбы за выживание, которое ведется между теориями и создающими их учеными. Двигателем этой борьбы являются экономические интересы индивидов, которые рассчитывают, что они улучшат свое положение на рынке труда за счет успеха теории, в развитие которой они инвестировали свои силы и время. Интеллектуальная репутация, завоеванная на «рынке идей», становится торговой маркой, увеличивающей стоимость их услуг в качестве преподавателей, экспертов, исследователей. Однако этот механизм работает лишь тогда, когда выполняется несколько условий: (1) столкновение конкурирующих взглядов способно выявить победителя; (2) информация об исходе доступна всем заинтересованным лицам; (3) услуги победителя получают большую рыночную ценность, чем услуги проигравших; и (4) эта большая рыночная ценность в наличествующих институциональных условиях может быть превращена в индивидуальные выгоды, такие как рост заработной платы или улучшение условий труда. Там, где эти условия не выполняются, ученые лишаются значительной части стимулов для выяснения того, чьи идеи «лучше», а заодно и для разработки идей как таковых. Статусная иерархия не возникает, поскольку никто не готов предпринимать усилий, нужных для ее появления.

Татьяна Зименкова указывает на то, что первое из четырех перечисленных условий не выполнимо в полной мере в силу самой природы социальных наук, а Марина Волохонская и Владимир Гельман — на то, что третье и четвертое не выполняются в силу специфики российского рынка академического труда. Гельман считает, что интеллектуальная репутация в России не становится индивидуальным конкурентным преимуществом в силу многих факторов, одним из которых является низкая мобильность рабочей силы. Вместо одного национального рынка труда мы наблюдаем множество локальных рынков, часто заключенных в стенах одной-единственной организации. На каждом из них появляются свои теоретики (как правило, по совместительству возглавляющие ту же самую организацию), которые могут беспрепятственно эволю-

ционируют в своих интеллектуальных исканиях в любую удобную им сторону.

Победа над кем-либо в ученой дискуссии в этой институциональной конфигурации не приносит никакой карьерной выгоды, но способна обеспечить большие неприятности. Выставив идиотом декана единственного в городе факультета социальных наук, молодой доцент гарантирует себе только то, что в обозримое время не станет профессором — ни в том же вузе, ни в каком-либо другом, даже если весть о его успехе распространится по всей стране, поскольку переезд в другой город экономически крайне затруднен. Напротив, провозгласив себя лояльным учеником своего начальника, можно получить значительные преимущества при защите и административном продвижении. Тот самый акт отречения от великого наставника, который послужил началом многих самых блестящих карьер в западных социальных науках (вспомним неверных учеников Фрейда или Парсонса), послужил бы в России их концом. Следование по кратчайшему пути к успеху в интеллектуальной конкуренции в подобной системе временами скорее затрудняет, чем обеспечивает академическую карьеру.

Дополнительные соображения относительно влияния ситуации на академических рынках и институциональных особенностей российской науки на продуктивность российских ученых предоставляет автоэтнографическая заметка Марины Волохонской. Она описывает издержки, которые связаны с включением в научную дискуссию ассистента кафедры — человека в том самом статусе, в котором обычно делаются первые и решающие шаги к славе. В этом описании скрыта глубокая ирония. В российских социальных науках оказывается снят один из многократно отмечавшихся американскими и западно-европейскими исследователями парадоксов их институционализации. Этот парадокс состоит в том, что рыночная ценность ученых, как правило, определяется вовсе не их способностью выполнять ту работу, за которую им непосредственно платят. Большинство социологов (а также политологов, психологов и представителей других соседствующих дисциплин) получают большую часть своих доходов как преподаватели, но их котировки на рынке труда определяются вовсе не их способностью учить, а индексом цитирования и импакт-фактором журналов, в которых они опубликовались.

Это видимое противоречие исчезает, когда мы учитываем, что выдающиеся ученые передают своим ученикам не только содержащуюся в хрестоматиях информацию, но и связи, а также некое неартикулируемое «личностное знание», позволяющее тем впоследствии внести вклад в науку самим. «Лич-

ностное знание», как и специфический социальный капитал ученых, однако, имеет ценность только для тех, кто ориентирован на академическую карьеру. Для всех остальных они бесполезны. Образование по социологии в России в основном получают студенты, в мыслях не имеющие становиться социологами (психологами, этнологами и т.д.). На запросы именно этого контингента — для которого репутация преподавателей не является конкурентным преимуществом факультета — вынуждены ориентироваться образовательные учреждения.

Хотя того факультетские администраторы или нет, но в сложившейся ситуации дисциплинированный ассистент, способный прочитать 14 лекций по разным предметам в неделю, в свободное время изваять 3 учебно-методических комплекса и не поставить на экзаменах ни одной двойки, чтобы, не дай Бог, никого не подвести под отчисление, является для них значительно более ценным приобретением, чем капризный профессор, печатающий раз в год высокоцитируемую статью в престижном американском журнале. Интеллектуальная репутация остается ресурсом в этой системе — но только одним из второстепенных.

Реплика Татьяны Зименковой указывает на еще одно обстоятельство, делающее авторитет в социальных науках столь неопределенным, на этот раз специфическое не только для России. Авторитет завоевывается через принуждение коллег к признанию собственных достижений. Однако, как свидетельствует вся история социальных наук, принудительная сила риторического арсенала, находящегося в руках их представителей, столь невелика, что затруднительно указать хотя бы на одну теорию, изобретенную социологом, которая завоевала бы со временем всеобщую поддержку его или ее коллег. Германская социология, из прошлого и настоящего которой Зименкова черпает свои примеры, институционально организована совершенно не так, как российская, и несравненно более благополучна экономически. Но и она состоит из множества разрозненных групп со своими представлениями о науке и с невысоким мнением друг о друге. Не свидетельствует ли это о том, что недостаток консолидации объясняется не организацией научной дисциплины, а особенностями ее предмета?

Это интересный аргумент, и в нем, безусловно, есть своя правда. Я не могу сейчас привести никаких доводов за то, что существуют качественные различия между способами производства профессионального авторитета в России и Германии, кроме чисто анекдотических. Хуже того, я не могу даже придумать, как такого рода данные должны были бы выглядеть.

Анекдотические примеры, тем не менее, присутствуют в изобилии. Найдутся ли в германской социологии фигуры, аналогичные профессору Добреневу, декану соцфака МГУ, сохраняющему позиции во всех мыслимых государственных органах, определяющих развитие дисциплины, несмотря на существование доказанного плагиата в его работах? Аналогичные профессору Григорьеву, автору «социологии жизненных сил», долгое время возглавлявшему единственный социологический факультет (и диссертационный совет) в Алтайском крае? Профессору Немировскому, посвятившему себя (и своих многочисленных аспирантов) развитию конспирологической теории заговоров — и возглавившему факультет социологии в только что созданном Сибирском федеральном университете? И так далее, и тому подобное.

Тот факт, что из германской профессиональной ассоциации никто не был исключен за всю ее историю, социологически крайне интересен, но может трактоваться двояко: или как следствие невозможности привести в действие санкции против нарушителей норм профессионального кодекса в силу слабости контролирующих механизмов, или — совершенно противоположным образом — вследствие того, что нормы эти вводились в действие так эффективно, что случаев для показательной кары девиантов просто не представлялось.

За всю историю американского правосудия уголовное наказание за людоедство применялось лишь трижды — но это вряд ли надо трактовать как указание на слабость правоохранительных органов США или свидетельство снисходительного отношения к людоедам.

Более убедительным аргументом, впрочем, может быть простой эксперимент, который каждый имеющий доступ к студентам-социологам в состоянии поставить. Попросите группу пятикурсников назвать нескольких ведущих германских социальных теоретиков — Хабермас, Луман и Бек наверняка будут упомянуты. Попросите вспомнить нескольких российских теоретиков — и они, скорее всего, встанут в мучительный тупик, назвав в конце концов кого-то из своих преподавателей и авторов российского учебника, который им случилось читать.

Порождение значимой научной репутации, как следует из всего сказанного выше, представляет собой нетривиальное социальное достижение — и германская социология раз за разом демонстрировала свою способность к нему, а постсоветская не сделала этого ни разу. Хорошо зная какой-то социальный мир и будучи близко знакомым с его проблемами, легко увидеть их сходство с проблемами другого социального мира, известного

хуже, но это сходство в принципе может скрывать разницу в степени. Я подозреваю, что наши расхождения с Татьяной Зименковой обязаны своим возникновением этому эффекту, но только исследования, в которые российский и германский случай войдут на равных правах, покажут, кто из нас сильнее поддался оптической иллюзии.

Силу подобных иллюзий можно ощутить, сравнив короткую реплику Питера Ратленда, нашедшего — вопреки моим предположениям — американскую социологию полным подобием российской, и развернутый текст Джейн Зависки, подтвердившей высказанные мной догадки. Основываясь на тех же фактах, что и в сравнении с германским случаем (существует ли американский Добренков? Как получается, что американские студенты знают американских теоретиков?), сложно предположить, что разница отсутствует вовсе. Каждый, кто когда-либо проглядывал разделы рецензий в американских журналах, знает, что американская социология состоит из «теоретических групп», придерживающихся не самого высокого мнения друг о друге. Однако есть невысокое мнение и невысокое мнение. С точки зрения ортодоксального теоретика рационального выбора, этнометодология является весьма одиозным предприятием. Но чувства Коулмэна к Гарфинкелю — насколько бы глубоким ни было его неодобрение — все же отличаются, вероятно, от тех, которые большинство читателей этой статьи испытают к профессору, использующему в качестве источника данных «Протоколы сионских мудрецов» или предполагающему, что он в состоянии исследовать общественное мнение, прислушиваясь к вибрациям космических лучей, проходящих сквозь его астральное тело.

В своей статье Зависка показывает, каковы механизмы, которые обеспечивают консолидацию системы дисциплинарного авторитета в американском случае, и поднимает важный вопрос о социальной цене ее поддержания и о встроенных в нее механизмах дискриминации. Так, географическая мобильность гарантирует рыночную ценность интеллектуальных репутаций, а они создаются за счет выработки теорий и фактов, выживающих в борьбе за существование с другими теориями и фактами.

Социальная цена, которую сообщество платит за поддержание в действии механизмов интеллектуальной эволюции, высока. Одной из составляющих этой цены является несправедливость, которую она постоянно порождает. Символы профессионального статуса — как элегантно демонстрирует Зависка — приобретаются за счет целенаправленных усилий. Ресурсы, необходимые для осуществления подобных усилий, однако, лишь

частично совпадают со свойствами, на которые символы (предположительно) указывают.

Частые перемещения между университетами требуют наличия некоторой известности и признания, а известность и признание, в свою очередь, даются легче тем, кто талантлив и предан своему ремеслу. Но способности и целеустремленность являются не единственным ресурсом, который обеспечивает обладание соответствующим символом. Наличие семейных обязательств или каких-либо других обстоятельств, привязывающих индивидов к одному месту, затрудняет приобретение символов этого типа, каковы бы ни были остальные характеристики индивида. Но кристаллизовавшиеся в виде строчек в резюме символы уже не допускают однозначной обратной дешифровки, и мы не можем установить, был или не был недостаток мобильности следствием недостатка профессионально релевантных свойств. Как и всегда в обществах, опирающихся на современные психологические идиомы, структурно обусловленные неравенства легко мимикрируют под личностные свойства.

Другая часть авторов, принявших участие в дискуссии, почтила особым вниманием вымышленного персонажа, глазами которого я предлагал взглянуть на российские социальные науки — чиновника, ответственного за обеспечение «мирового лидерства» России в этой сфере. Андрей Стародубцев, Кирилл Титаев и Елена Здравомыслова с разных позиций нашли эту отправную точку неудачной. Андрей Стародубцев сравнивает этого чиновника с теми реальными чиновниками, которых наблюдали исследователи политического процесса, и находит разительное несходство. Земные чиновники погружены в рутину, предрасполагающую их скорее к тому, чтобы избегать неудач и скандалов, чем к тому, чтобы идти кратчайшим путем к великой цели. Имея дело с таким контрагентом, как академические институты, обладающие достаточными символическими ресурсами, чтобы устроить громкую публичную контратаку против «горе-реформаторов, губящих российскую науку», министерство воздерживается от любых резких движений и компенсирует любой шаг вперед многочисленными отступными.

Кирилл Титаев дополняет эти соображения анализом того, как на самом деле происходит практическое проведение государственной политики в сфере науки. Принятие министерством каких-то постановлений не приводит, разумеется, к моментальной смене практик продвижения и распределения ресурсов во всех академических институтах. Если они и оказывают какое-то воздействие (что происходит далеко не всегда), то только в ходе переговорного процесса между административными органами, ответственными за их воплощение, и руко-

водством учреждений, которых они касаются. В ходе этого процесса, показывает Титаев, любые политические меры подвергаются трансмутации, часто превращающей их во что угодно, кроме того, чем они должны были бы стать.

Стародубцев и Титаев сходятся в том, что, даже будь вопрос о методах исчисления академического статуса совершенно ясным, министерство вряд ли осмелилось бы перестроить свою политику, пренебрегая сложившейся иерархией. И даже решишь оно сделать это, практическое воплощение подобной политики было бы доверено множеству заинтересованных сторон — групп министерских чиновников и групп чиновников академических — которые выстроили бы сложную систему компромиссов, сводящую смысл всего предприятия к нулю.

Разумеется, я согласен. История нынешних сокращений в РАН показательна в этом отношении. Они инициировались министерством с целью избавиться от «кадрового балласта» и должны были коснуться мало публикующихся сотрудников (в основу переаттестаций были положены баллы ПРНД, учитывающие прежде всего количество и характер публикаций с указанием на импакт-факторы журналов). Фактически произошло следующее. Руководство РАН распределило квоты на увольнение в равной пропорции между всеми подразделениями, а те — между всеми институтами. И несомненные лидеры, и несомненные аутсайдеры получили указание произвести равные сокращения. Как и следовало ожидать, способ вычисления баллов оставлял огромное пространство для административного маневра.

В итоге в некоторых институтах переаттестации зачастую превратились в способ сведения счетов. В других — более сплоченных — коллективах основным соображением при принятии решений об аттестации стала нищенская пенсия, на которую пришлось бы отправлять уволенных сотрудников старшего возраста. Чтобы избавить их от этого, руководство института часто предпочитало не переаттестовать тех, кто мог сам о себе позаботиться, — например тех, кто проводил много времени за границей. В итоге жертвами сокращений обычно становились сравнительно молодые (и поэтому не входящие в административное ядро) сотрудники, обладавшие достаточной известностью и связями за пределами института, чтобы прожить за счет заказов или грантов, т.е. те самые люди, кого задуманная реформа должна была поддержать.

Кирилл Титаев указывает на отечественный образец «истории успеха» в консолидации авторитета в социальных науках — область маркетинговых и консалтинговых исследований, сделав-

шую, по словам Титаева, решающие шаги в этом направлении в течение последних пяти лет. Он интерпретирует это как следствие того факта, что вместо многочисленных курирующих групп с меняющимся составом символы в этой области чаще присваиваются индивидами, несущими, таким образом, прямые репутационные потери в случае, если носитель символа как-либо его опорочит.

Я добавил бы этому еще два обстоятельства. Первое из них возвращает нас к статье Татьяны Зименковой: компетентность или некомпетентность в мире консалтинга (во всяком случае в некоторых его областях) быстро приобретает недвусмысленное количественное выражение. Рекомендации по вложению денег, приводящие к их потере, или рекламная кампания товара массового потребления, приносящая гораздо меньшую финансовую отдачу, чем в целом приносят такие кампании, ставят под сомнение профессиональную квалификацию своих авторов.

Неоинституциональная теория организаций говорит нам, что эти различия в измеримости эффективности порождают совершенно разные организационные структуры. Несомненно, они производят и различные системы статусных символов. Второе обстоятельство заключается в том, что индивид, курирующий символ, ставит на того, кому он этот символ доверяет, не только свое имя, но и свои деньги. Преподаватель одного из социологических факультетов как-то пожаловался мне, что его декан «берет на работу подружек сыновей своих приятелей». Подозреваю, что приятели должны быть очень близкими, а сыновья и подружки — очень любимыми, чтобы обеспечить кому-то таким путем место, скажем, старшего бухгалтера.

Некоторый контраст с двумя предыдущими текстами представляет собой статья Катерины Губы, которая приводит результаты своего исследования журнальной системы российской социологии, а также анализ работы группы, стоявшей за созданием Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Существующая практика цитирования делает его подсчеты весьма спорным предприятием: авторы предпочитают публиковаться в «своих» (т.е. принадлежащих тому же учреждению) журналах и ссылаться на других авторов, публикующихся там же. Каждое периодическое издание, таким образом, представляет локальную группу авторов, и решающим голосом в присвоении индекса цитирования его членам обладает тот, кто решает, включать или не включать данный журнал в базу.

Тем не менее Губа видит в усилиях создателей РИНЦа основания для осторожного оптимизма. Действительно, не так слож-

но предусмотреть меры, которые сделали бы подобные примитивные «цитатные картели» невозможными: достаточно решать вопрос о включении или исключении издания на основании количества ссылок на публикации в нем, появляющихся в других изданиях, — импакт-фактора без учета институционального автоцитирования. Это сделало бы для редактора конкретного издания крайне невыгодным публиковать постоянно членов одной и той же сети, не отдающей свои статьи никуда больше. Напротив, выигрышной стратегией было бы привлекать понемногу публикаций от членов как можно большего количества разных локальных сетей. Статья печатаемого и читаемого автора, который в дальнейшем мог бы и сам на себя сослаться в другом издании, и других заставить сделать это, стала бы ценным приобретением для журнала.

Преследуя свой интерес в привлечении подобных статей, редакторы бы производили более жесткую селекцию текстов на основании их цитабельности, а не географической и социальной близости авторов, и невольно способствовали бы тому, чтобы индексы цитирования становились менее зависимы от исходного решения о включении или невключении издания в базу. В этих условиях индивидуальный индекс цитирования стал бы более устойчивым, а способность писать интересные для широкого круга коллег статьи начала бы свое превращение в ценный актив.

Наконец, Елена Здравомыслова ставит общий вопрос о желательности вмешательства государства в управление наукой. В отличие от предыдущих авторов, которые — как и я сам — предпочитали описывать поведение ученых в терминах утилитарного интереса, она указывает на важность профессионального этоса и ценностей интеллектуальной независимости. Здравомыслова не согласна с тем, что ученым надо стараться помочь чиновнику, который занимается реформированием науки. Напротив, достойной задачей для ученых является как раз достижение независимости от государства, при которой им бы просто не было до чиновников дела. Профессиональный авторитет в этих условиях, возможно, никогда не будет консолидирован, но это не так уже и страшно: возникнут замкнутые сообщества ученых (она предполагает, что это будут социологи, ориентированные на поддержку государственной идеологии, и критически настроенные по отношению к ней интеллектуалы), которые внутри своих социальных кругов достигнут определенного консенсуса по поводу статуса каждого из них.

Это замечательный идеал. Беда в том, что для социологии как научной дисциплины (и для этнологии, истории и всех остальных) он, видимо, мало реализуем — в российских условиях ме-

нее чем где-либо еще. Современные научные дисциплины со своими журналами, центрами профессиональной подготовки и тысячами членов могут достигнуть автономии от государства только двумя путями. Во-первых, за счет профессионализации в узком смысле этого слова, перехода на экономическое обеспечение за счет оказания услуг на контрактной основе индивидуальным и корпоративным клиентам. Этим путем пошли (частично во всяком случае) медицина, юриспруденция и экономика, обеспечившие себе надежные источники финансирования, независимые от госбюджета.

Социологи, однако, насколько мне известно, ни в одной стране не добились массового рыночного спроса на свои услуги. Социология везде оказывалась зависима от признания чиновниками в качестве университетской дисциплины (особенно там, где, как во Франции, государство доминирует в академическом секторе) и от поступающих от бюрократии заказов на проведение исследований (в том числе и американская социология, описанная одним из наблюдателей как «приложение к государству всеобщего благосостояния»).

Можно попробовать подсчитать, какое количество средств осталось бы в руках российских социологов, отбрось мы их источники, непосредственно контролируемые государственными чиновниками, российскими или западными. Вероятно, этого хватило бы на поддержку нескольких центров, проводящих опросы общественного мнения, нескольких групп, изучающих социальные проблемы на гранты частных фондов, и пары десятков исследователей, достаточно активно и хорошо пишущих, чтобы существовать на гонорары. Вся остальная социология так или иначе живет на государственные деньги.

Из этого не следует (для меня во всяком случае), что социологи должны верно служить тем, кто их содержит. В конце концов чиновники тоже платят нам не свои деньги. Но из этого следует то, что социальные ученые должны быть готовы отстаивать свои интересы в постоянных переговорах с государственной бюрократией. И автономия от нее может быть достигнута только вторым из оставшихся путей — через консолидацию профессионального авторитета, в ходе которой дисциплинарное сообщество монополизирует производство информации о статусе своих членов. Если чиновник вынужден смотреть на общество ученых их собственными глазами, то ему волею неволей приходится распределять ресурсы в соответствии с их представлением о заслугах.

Сергей Соколовский в своей исключительно познавательной для не-этнолога заметке описывает интеллектуальное состояние

русской антропологии, которую он находит отставшей от мировой науки на десятилетия. Далее Соколовский предлагает свои меры по совладанию с кризисом, отправной точкой для принятия которых должна служить трезвая оценка текущего состояния дисциплины. Эту оценку, по его мнению, должна дать комиссия, собранная из тех, кого сами ученые выдвигают в качестве своих наиболее компетентных представителей (сходную стратегию репутационного отбора предлагает и Здравомыслова).

Соколовский приписывает мне уверенность в том, что ученые «на самом деле» знают, кто чего стоит. Я согласен с тем, что каждый из них это знает, но только то, что знают одни, редко совпадает с тем, что знают другие. Процедура отбора членов такой комиссии будет исключительно *path dependent* — первая наугад определенная точка определит всю остальную траекторию. Легко себе представить, кто окажется в комиссии, если снежный ком покатится со стороны, скажем, уже упоминавшегося профессора Добренькова.

Парадоксальным образом, даже обязательное приглашение западных ученых в подобный орган не гарантирует того, что он будет ориентироваться на профессиональные стандарты, способные встретить у большинства вероятных читателей этой статьи понимание. Как все интересующиеся могли узнать из блогов несколько дней назад, в ответ на критику повстанцев из OD-group, осуждавших декана соцфака МГУ за разрыв связей с интернациональной наукой, Добреньков по совету профессора того же факультета Александра Дугина пригласил выступить перед учащимися «известного современного философа» Алена де Бенуа, лидера французских Новых Правых...

Алексей Елфимов в своем обзоре дает русской этнографии/антропологии сходные оценки. Описывая свойственные ей институциональные формы, он задается вопросом о том, уместно ли вообще понятие «рынок» для ее описания. Это наводящее на интересные мысли замечание. Я бы ответил, что уместно — но только в качестве общей теоретической рамки, которая позволяет изучить любого рода взаимодействие как рыночный обмен.

При этом Елфимов, безусловно, прав, когда указывает на то, что рынок труда в современной русской этнографии (и, добавлю от себя, социологии) по большей части имеет очень мало общего с открытым капиталистическим рынком труда, по которому мобильная рабочая сила постоянно перемещается в поисках занятости и большей заработной платы. На этом рынке доминируют бюрократические корпорации, за контроль над ключевыми позициями в которых борются патримониальные

кланы, квазиполитические партии и другие персонажи веберовского бестиария. Распределение символов академического статуса превращается в продолжение борьбы между подобными группами другими средствами, иногда минуя даже ритуальные попытки придать процессу видимость интеллектуальной конкуренции.

Елфимов предлагает упразднить всю систему девальвировавших символов, предоставить руководству научных организаций больше свободы в определении размеров заработной платы сотрудников и стимулировать географическую мобильность академического персонала. С каждой из этих мер по отдельности я абсолютно согласен как с назревшей и необходимой. Но их одновременное применение в науке, в которой преобладают вышеперечисленные организационные формы, способно привести к кадровым последствиям, о которых мы все горько пожалеем (Елфимов сам указывает на это). Что именно сдержит в таком случае немедленное наполнение всех академических институтов «подружками сыновей приятелей», а заодно самими сыновьями и приятелями — особенно если те смогут получить более высокооплачиваемые позиции, чем светящие им в настоящее время ставки ассистентов кафедр 11 разряда?

Елфимов видит основания для оптимизма в постепенном численном росте российской науки. Здесь я вынужден не согласиться, по крайней мере в том, что касается социологии. Мы не всегда осознаем, насколько огромны наши социальные науки. С точки зрения численности, количества выдаваемых ежегодно степеней, факультетов и периодических изданий, российская социология — одна из трех самых больших в мире. По большинству этих показателей она уже примерно в два раза превосходит британскую и только по некоторым уступает германской. Нет надежды, что дальнейший численный рост автоматически приведет к каким-то улучшениям (фактически, мне кажется, спад мог бы иметь существенно более благотворное воздействие).

Владимир Волохонский предлагает обзор статусной системы современной российской психологии — случая в контексте этой дискуссии исключительно интересного. Психология гораздо ближе к классическим либеральным профессиям, чем обсуждавшиеся до сих пор социальные науки: большая часть людей, считающих себя современными российскими психологами, предлагают свои услуги не-академическим клиентам на открытом рынке труда.

В связи с этим обстоятельством или нет, но академическая психология в интерпретации Волохонского оказывается гораз-

до ближе к консолидированной дисциплине, чем социология или этнология. Несмотря на это, в ней преобладают скорее синкретические учения, удивляющие своей эклектичностью, чем стройные теории того типа, который мы привыкли видеть в учебниках. Это наблюдение согласуется с тем, о чем писал Гельман: стройные теории рождаются в борьбе за жизнь с другими теориями, а этой борьбы нет без конкуренции их сторонников на рынке академического труда, который для психологов устроен примерно так же, как и для всех прочих. Конкуренция в области частной практики не решает задачи по интеллектуальной селекции.

Несмотря на эти наблюдения, Волохонский оптимистичнее большинства участников дискуссии, и он едва ли не единственный, кто предлагает нашему воображаемому чиновнику рецепт, в возможность следования которому реальными чиновниками сам верит. Рецепт состоит в том, чтобы просто влить в существующую систему больше денег и надеяться на то, что среди множества плевел найдутся и хорошие всходы. Это, может быть, не самое эффективное расходование бюджетных средств, но за отсутствием более совершенной системы их распределения сойдет и оно.

Соображения Волохонского возвращают нас к реплике Питера Ратленда, который завершает ее вопросом: считаю ли я, что, несмотря на все описанные выше дефекты их сообществ, российские социальные ученые способны производить значительные работы? Опираясь на все сказанное выше, я отвечаю: хотел бы оказаться неправ, но скорее нет, чем да. Здесь я согласен с Гельманом и не согласен с Волохонским. Исследования науки последних десятилетий продемонстрировали, что образ ученого как одинокого искателя истины требует существенных корректив. Новые теории не создаются в изоляции. Они всегда есть результат социального процесса и в некотором роде всегда производятся не только индивидом, который перенес их на бумагу, но и всем сообществом ученых, незримо присутствующих в них как потенциальные оппоненты, контраргументы которых автор готовился встретить, или потенциальные сторонники, чьи восторги он хотел заслужить. Следуя очень старой идее Дюркгейма, мы должны признать, что формы мысли всегда повторяют социальные формы и наоборот. Стагнация социальной мысли в России, о которой писали многие из авторов, есть следствие той социальной организации академического мира, что мы наблюдаем сегодня. Только структурные изменения позволят нам сойти с мертвой точки.

Спасибо всем, кто принял участие в этой дискуссии.

Сентябрь 2008 г.